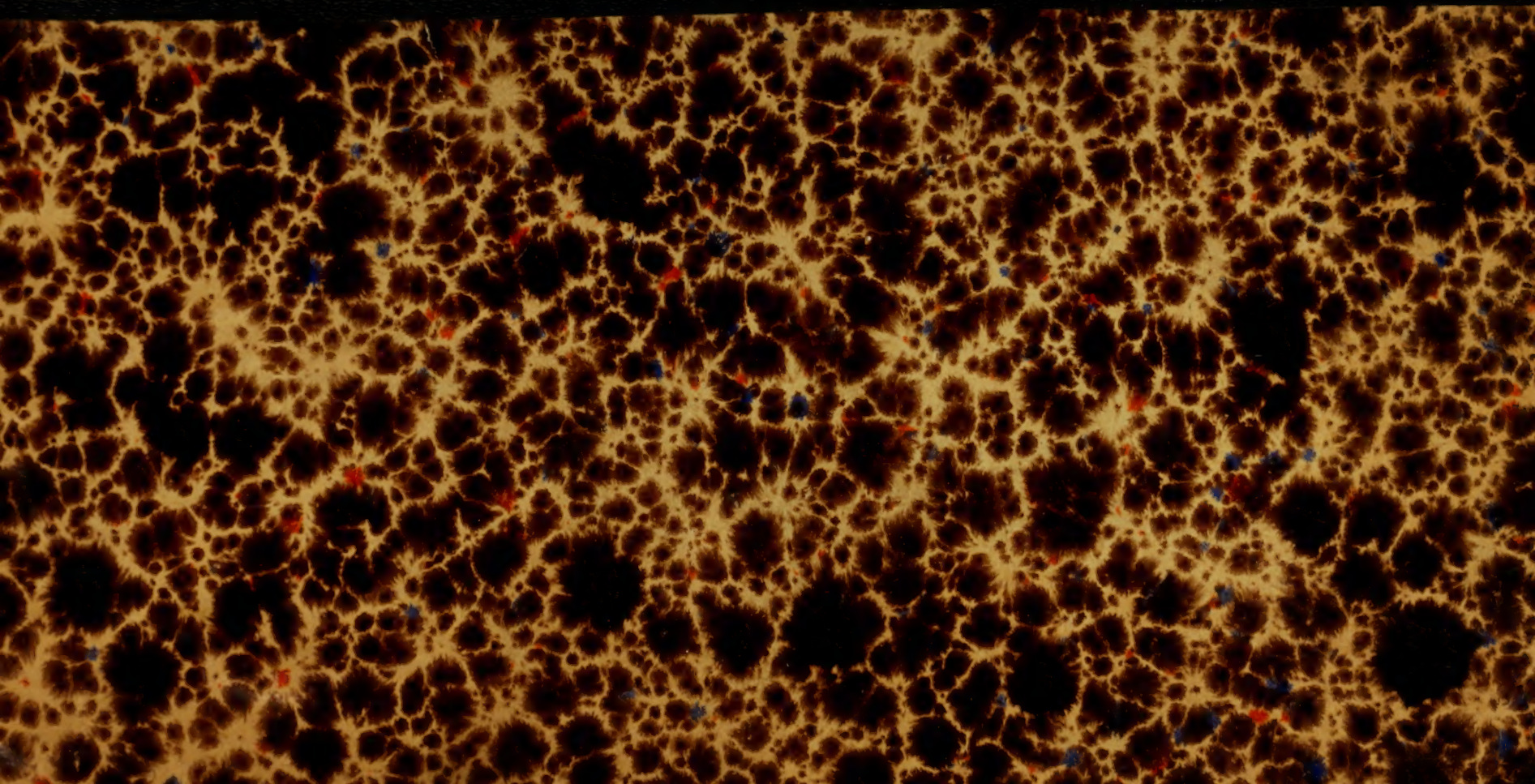
3 1761 08821410 1



179

LR
K8173M

Kol'tsov, Aleksyei Vasil'evich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
= СТИХОТВОРЕНІЙ =
А. В. КОЛЬЦОВА.

Polnoe sobranie stikhotvoreny

Съ его портретомъ и біографіей,
составленной Н. А. МАКШЕЕВОЙ.

Sost. N.A. Maksheevoi

Со многими рисунками и снимками
съ картинъ художниковъ:
Н. БОГДАНОВА-БѢЛЬСКАГО, А. ВАСНЕЦОВА,
Е. ВОЛКОВА, Н. ДУБОВСКОГО, Н. КАСАТКИНА,
С. КОРОВИНА, И. КРАМСКОГО, К. ЛЕБЕДЕВА,
И. ЛЕВИТАНА, Г. МЯСОѢДОВА, Н. ПИМОНЕНКО,
Н. РАЧКОВА, А. СТЕПАНОВА, В. СУРИКОВА,
В. ТИШИНА, И. ШИШКИНА.

487466
12.3.49

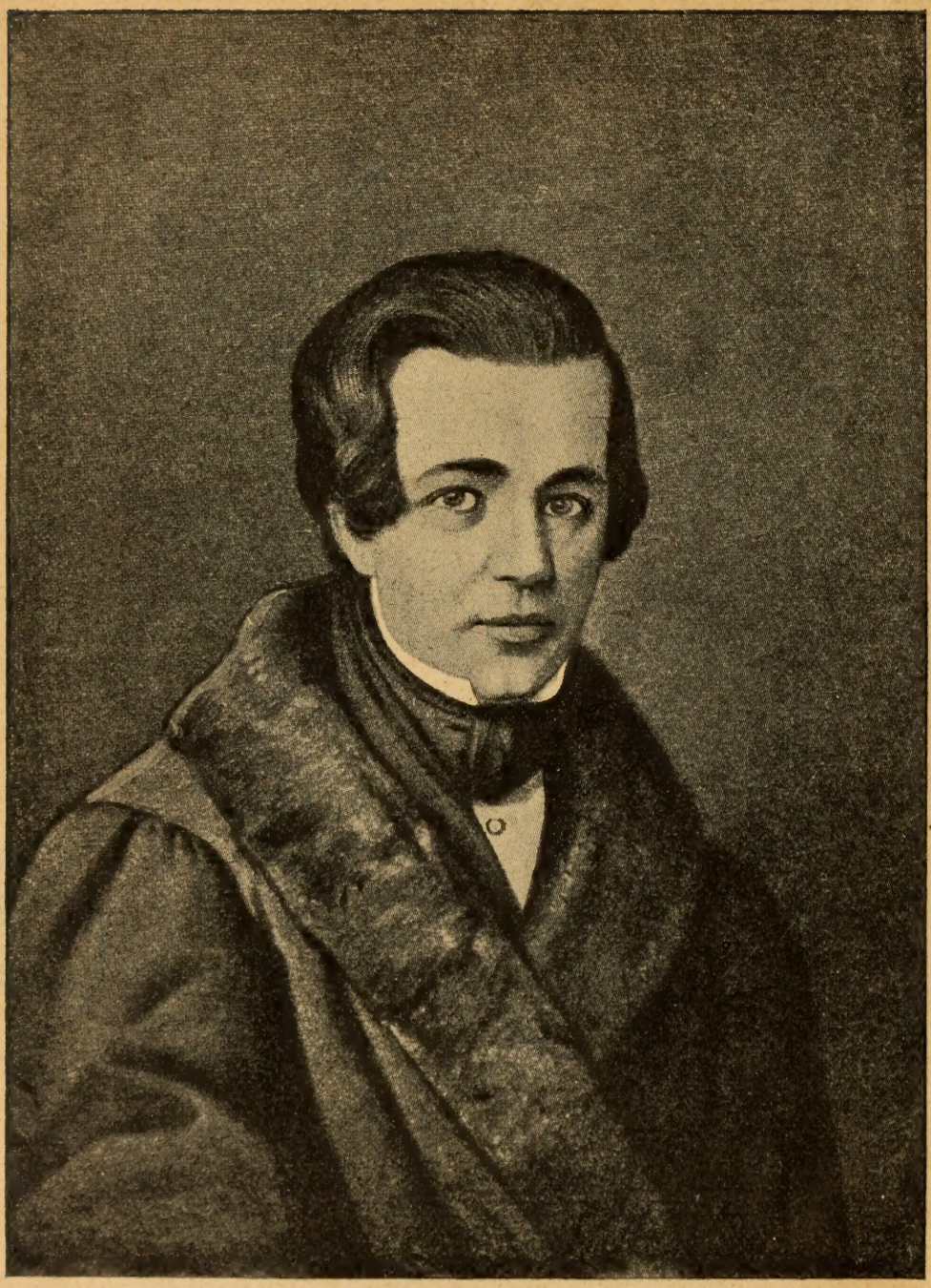
[Москва]
ИЗДАНІЕ Т-ВА И. Д. СЫТИНА.
[1910]

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1910.

Ризничій
Тульскаго Архіер. дома

Пишу не для мгновенной славы;
Для развлеченья, для забавы,
Для милыхъ, искреннихъ друзей,
Для памяти минувшихъ дней.

1827 г. дек. 14.



Алексей Кольцовъ

Съ портрета *худ. Горбунова.*

А. В. Кольцовъ

(3 окт. 1809 — 29 окт. 1842 гг.).

Въ началѣ прошлаго столѣтія на одной изъ главныхъ улицъ города Воронежа жилъ въ собственномъ домѣ мѣщанинъ Василій Петровичъ Кольцовъ. Человѣкъ онъ былъ зажиточный, самому себѣ обязанный своимъ достаткомъ: рано онъ обзавелся семьей, былъ отдѣленъ отцомъ и, начавъ съ маленькаго, очень успѣшно повелъ торговлю, благодаря уму, силѣ воли и трезвой жизни; разбогатѣлъ и пріобрѣлъ уваженіе въ городѣ. Занимался онъ прасольствомъ, т.-е. торговалъ скотомъ. Торговое дѣло Василія Петровича принимало все болѣе и болѣе широкіе размѣры, его обороты достигали десятковъ тысячъ рублей; понятно, что одинъ онъ не могъ справляться и держалъ приказчиковъ, которыхъ посылалъ дѣлать закупку скота и наблюдать за стадами, когда тѣ паслись на выгонахъ.

Кольцовъ растилъ себѣ въ помощники сына Алексѣя (родился 3 октября 1809 года), на котораго возлагалъ всѣ свои надежды, какъ на единственнаго сына. Старшей изъ его дѣтей была дочь, за Алексѣемъ слѣдовали также три дочери, и только гораздо позднѣе родился у Кольцова еще мальчикъ, который жилъ, впрочемъ, недолго.

Въ своей семьѣ Василій Петровичъ былъ главой, всѣ въ домѣ подчинялись его суровому, крутому нраву. Сильно походилъ на него сынъ Алексѣй, мальчикъ умный, способный, но молчаливый и скрытный. Сестры говорили про него, что «онъ не выдавалъ себя и умѣлъ отводить глаза». Росъ Алексѣй подъ надзоромъ матери, женщины доброй и неглупой, да няньки изъ крѣпостныхъ; игралъ въ дѣтскіе годы съ младшими сестрами.

Чтобы имѣть въ сынѣ толковаго помощника въ дѣлѣ, отецъ задумалъ обучить его грамотѣ и съ этою цѣлью взялъ къ нему учителя семинариста, который подготовилъ

мальчика въ уѣздное училище. Мальчикъ былъ даровитый, жадный до знанія, ему бы наука далась легко и сослужила бы великую службу въ дальнѣйшей жизни. Но черезъ годъ отецъ взялъ Алексѣя домой, разсчитывая, что на базарѣ онъ будетъ болѣе на мѣстѣ, чѣмъ на школьной скамьѣ.

И вотъ сталъ одиннадцатилѣтній мальчикъ пріучаться къ прасольскому дѣлу. Стоялъ онъ у возовъ на городскомъ базарѣ вмѣстѣ съ приказчиками, сопровождалъ ихъ во время поѣздокъ по деревнямъ и въ степи, гдѣ паслись отцовскія стада. Сильно пришлись по-душѣ впечатлительному мальчику роскошныя южно-русскія степи. Ребенокъ всегда бываетъ радъ вырваться изъ города и очутиться на свободѣ, среди деревенскаго простора; тѣмъ болѣе должна была показаться привольной и веселой будущему прасолу кочевая жизнь въ степи.

Случалось маленькому Алексѣю ночевать въ степи вмѣстѣ съ чумаками-малороссами, ѣздящими къ Черному и Азовскому морямъ за солью и рыбой, для продажи этихъ товаровъ по ярмаркамъ; и вотъ ихъ-то пѣніе любилъ слушать будущій прасолъ. Глубоко западали эти пѣсни въ чуткую молодую душу Кольцова и шевелили въ ней тайныя, никому невѣдомыя струны. Всѣмъ существомъ своимъ откликался онъ на «преданья родной страны», выливавшіяся въ заунывно-сладкихъ звукахъ. Все вмѣстѣ—и эти звучныя пѣсни среди ночной тиши, и красоты зеленаго степного моря, и веселыя кочовки верхомъ на казацкомъ конѣ, и ночлеги на вольномъ воздухѣ, сильно увлекало Кольцова во всѣ возрасты его жизни и возбуждало въ немъ страстное желаніе излить въ складной рѣчи все видѣнное и слышанное имъ въ степи.

Скучно долженъ былъ чувствовать себя маленькій прасолъ каждый разъ по возвращеніи въ городъ. Но тамъ онъ находилъ себѣ отраду въ книгахъ, на которыя тратилъ всѣ деньги, получаемыя имъ отъ отца на пряники Мальчикъ покупалъ себѣ на базарѣ сказки о Бовѣ-Королевичѣ, Еруланѣ Лазаревичѣ, Емелѣ-Дурачкѣ и за ними просиживалъ весь свой досугъ Этой страсти Алексѣя къ чтенію сочувствовалъ его школьный товарищъ, сынъ одного купца. Мальчики часто сходились вмѣстѣ, забирались въ глубь сада и тамъ упивались съ жадностью романами и повѣстями, которыхъ было много у пріятеля Кольцова. У него-то обыкновенно и происходили эти чтенія, потому что дома Алексѣй стѣснялся отца, не понимавшаго его страсти къ книгамъ.

Смерть маленькаго пріятеля сильно подѣйствовала на Кольцова,—это было первое горе въ его жизни. На память объ умершемъ остались ему его книги, чтеніе которыхъ развлекало мальчика, тосковавшаго о своей потерѣ.

Такъ проводилъ свои дѣтскіе годы Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, лѣтніе мѣсяцы живя въ разъѣздахъ по деревнямъ и кочуя по степи, зимой помогая отцу торговать на базарѣ. А чуть выпадала свободная минута, онъ хватался за книжку; читалъ онъ и въ степи, когда пасъ коровъ. Книги удовлетворяли пытливость мальчика, на которую никто не умѣлъ отвѣтить дома

Когда Кольцову было лѣтъ шестнадцать, случилось ему купить на базарѣ стихотворенія Дмитріева, которыя еще больше сказокъ и повѣстей понравились ему, именно своимъ складомъ, напомнившимъ ему складъ любимыхъ имъ пѣсенъ. И онъ не читалъ, а пѣлъ стихи, удалившись съ книжкой въ укромное мѣстечко сада, подальше отъ людского глаза.

Сильно плѣнили стихи Алексѣя, и вотъ у него является желаніе сочинить и самому что-нибудь подобное. Какъ-то одинъ изъ его товарищей разсказалъ ему свой сонъ, видѣнный имъ три почи подъ рядъ. Ему снилась все одна и та же женщина, сначала молодой дѣвушкой, потомъ въ зрѣлыхъ годахъ и, наконецъ, старухой, и она требовала, чтобъ онъ на ней женился. Кольцова поразилъ этотъ сонъ, и онъ задумалъ описать его мѣрной стихотворной рѣчью. Для образца онъ взялъ басни Дмитріева и старался подражать имъ въ складѣ своего перваго сочиненія, которое онъ назвалъ «Три видѣнія»; показывать ихъ онъ никому не рѣшался.

Но вотъ вскорѣ послѣ этого Кольцовъ сошелся съ однимъ умнымъ и добрымъ человѣкомъ, который оказалъ помощь начинающему писателю. Это былъ воронежскій книгопродавецъ Дмитрій Антоновичъ Кашкинъ, купецъ-самоучка, въ лавку котораго часто хаживалъ жадный до книгъ Алексѣй, когда у него заводились собственныя деньги или же просто почитать книжекъ, потому что лавка Кашкина была вмѣстѣ съ тѣмъ и читальней. Кашкинъ очень ласково обращался со своими посѣтителями, знакомился съ ними, вступалъ въ разговоры, и потому его лавка бывала всегда биткомъ набита; особенно молодежь—гимназисты и семинаристы—любила его живую, умную бесѣду.

Кашкинъ замѣтилъ и мальчика-прасола, жадно читающаго у него книги, завелъ съ нимъ разговоръ и сумѣлъ

внушить ему такое довѣріе, что Кольцовъ рѣшился показать ему свои «Три видѣнія». Книгопродавецъ сразу увидѣлъ, что это слабая попытка, сдѣланная неумѣлымъ перомъ мальчика, и прямо высказалъ Кольцову свое мнѣніе. Но ему хотѣлось помочь пытливому мальчику, и онъ далъ ему книжку, въ которой излагались правила стихосложенія, и, кромѣ того, позволилъ ему даромъ читать какія угодно книги въ его лавкѣ. Кольцовъ былъ въ восторгѣ: онъ надѣялся извлечь изъ подаренной ему книжки дѣльные совѣты и получилъ возможность читать вволю всевозможныя книги. Онъ со страстью предался писанью, которое сначала туго у него шло: мѣрная рѣчь была ему слишкомъ мало знакома, чтобъ онъ легко могъ овладѣть ею

Свои стихи онъ несъ показывать Кашкину, который дѣлалъ ему замѣчанія, а иногда и поправки. Обсуждалъ съ нимъ также Кольцовъ прочитанныя книги, до которыхъ Кашкинъ былъ такой же страстный охотникъ. Кольцовъ сталъ читать по преимуществу книги, написанныя стихами— сочиненія Пушкина, Жуковскаго и другихъ русскихъ поэтовъ.

Еще болѣе тѣсныя отношенія завязались у Алексѣя, когда ему было лѣтъ двадцать, съ однимъ семинаристомъ, Андреемъ Порфирьевичемъ Серебрянскимъ, очень способнымъ юношей, любимымъ товарищами за свой умъ и доброе сердце. Серебрянскій пріобрѣлъ еще большее вліяніе на Кольцова, чѣмъ Кашкинъ; онъ дѣлился съ Алексѣемъ знаніями, вынесенными имъ изъ школы и изъ книгъ, и часто сходились они для общихъ чтеній и бесѣдъ. Кольцовъ также показывалъ свои стихи новому другу, который самъ былъ извѣстнымъ между семинаристами стихотворцемъ; тотъ поправлялъ молодому прасолу его нескладныя начинанія. Въ нихъ онъ замѣтилъ живое чувство и чисто народный духъ и своими совѣтами и участіемъ поддерживалъ въ даровитомъ другѣ его любовь къ писанію. Серебрянскій познакомилъ Кольцова со многими изъ своихъ товарищей, и Алексѣй Васильевичъ сталъ посѣщать кружокъ семинаристовъ.

Хорошо жилось въ юношескіе годы Кольцову. Была у него дружба, были хорошія знакомства, завелась и сердечная привязанность. Алексѣй Васильевичъ сильно полюбилъ жившую у нихъ въ домѣ крѣпостную дѣвушку, красавицу Дуняшу; понравился и онъ ей. Дуняша таила отъ всѣхъ свою привязанность къ хозяйскому сыну, но все же прознали про то домашніе, и разсердился на сына строгій

Книгопродавецъ Кашкинъ читаетъ первое произведеніе Кольцова: „Три видѣнія".

отецъ. Онъ испугался, какъ бы Алексѣй не вздумалъ жениться на «крѣпостной дѣвкѣ», и удалилъ бѣдную дѣвушку изъ своего дома, когда сынъ былъ въ отлучкѣ. Вернувшись домой и не найдя тамъ Дуняши, Алексѣй Васильевичъ схватилъ съ отчаянья горячку; когда же нѣсколько оправился, то поскакалъ ее разыскивать. Но всѣ его поиски были безуспѣшны, ему не суждено было больше увидаться съ любимой имъ дѣвушкой. По слухамъ, она была отправлена старикомъ Кольцовымъ въ какую-то станицу и тамъ выдана замужъ.

Долго не могъ утѣшиться Алексѣй Васильевичъ послѣ этой насильственной разлуки. Всю жизнь сохранялъ Алексѣй Васильевичъ воспоминаніе объ этой дѣвушкѣ, но даже самые близкіе люди не слыхали отъ него жалобъ о пережитомъ горѣ. Въ слагаемыхъ имъ пѣсняхъ, а не въ разговорахъ любилъ Алексѣй Васильевичъ выражать свои чувства, и чудныя, хватающія за сердце пѣсни вылились изъ души его: «Ты не пой, соловей», «Не шуми ты, рожь», «Разлука», «Гдѣ вы, дни мои» и др., которыя и до сихъ поръ поются и читаются по всей русской землѣ.

Подъ вліяніемъ пережитаго чувства, жизненныхъ наблюденій, а также и совѣтовъ такихъ умныхъ пріятелей, какъ Серебрянскій и Кашкинъ, Кольцовъ дѣлалъ большіе успѣхи въ стихахъ и пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ Воронежѣ, какъ поэтъ-самоучка, вышедшій изъ народа. Его стихи стали ходить по рукамъ мѣстныхъ жителей. Въ 1830 г. появилось въ печати первое стихотвореніе Кольцова, безъ его подписи, въ сборникѣ Сухачева, и на слѣдующій годъ стихи Кольцова стали появляться въ московскихъ изданіяхъ уже съ его именемъ. Все это были еще слабыя попытки, но, какъ бы то ни было, большое удовольствіе долженъ былъ испытать молодой прасолъ, увидя выпущенными на свѣтъ Божій плоды своихъ размышленій и думъ.

На судьбу Кольцова сильно повліяло знакомство съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени—съ Николаемъ Васильевичемъ Станкевичемъ, которому суждено было много сдѣлать для русскаго просвѣщенія,

Сынъ воронежскаго помѣщика, Станкевичъ былъ землякомъ Кольцова, съ которымъ познакомился, еще студентомъ, въ Воронежѣ. Ему сильно понравились Кольцовскія пѣсни: отъ нихъ вѣяло чѣмъ-то народнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ широкимъ, степнымъ. Видно было, что человѣкъ, сложившій ихъ, выросъ на степномъ просторѣ, въ простонародной средѣ,

что жизнь рабочаго люда была ему близко знакома, что онъ и самъ жилъ этою трудовою, а подчасъ и разгульною жизнью.

И Станкевичъ обласкалъ Кольцова, предложилъ ему свою помощь, между прочимъ звалъ его въ Москву, гдѣ у него было много знакомствъ въ писательскомъ мірѣ. Кольцовъ и самъ испытывалъ сильное желаніе поглядѣть на свѣтъ Божій, и всей душой рвался къ новымъ людямъ, новымъ мѣстамъ. Въ первый же разъ, какъ ему выдался случай ѣхать въ Москву по торговымъ дѣламъ отца, онъ съ радостью имъ воспользовался: его тянуло и взглянуть на первопрестольную столицу и найти себѣ поддержку въ образованномъ кругу Станкевича.

Пріѣхавъ въ Москву, Кольцовъ нашелъ радушный пріемъ у Станкевича, который познакомилъ его съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей и помѣстилъ его пѣсню «Перстень» въ одномъ изъ московскихъ изданій. А черезъ четыре года Станкевичъ и его пріятели напечатали отдѣльной книжкой 18 лучшихъ стихотвореній Кольцова. Принадлежащій къ кружку Станкевича В. Г. Бѣлинскій помѣстилъ въ журналѣ лестный отзывъ о пѣсняхъ молодого прасола. И самыя пѣсни и отзывъ о нихъ Бѣлинскаго разошлись по всей читающей Россіи. Кольцовъ былъ уже извѣстенъ, когда пріѣхалъ въ Москву по отцовскимъ дѣламъ во второй разъ, черезъ годъ по выходѣ книжки. Въ этотъ разъ онъ дольше въ ней оставался и завязалъ болѣе знакомствъ.

Кружокъ Станкевича, все бывшіе студенты Московскаго университета, очень тепло отнесся къ поэту-прасолу. Кольцовъ хорошо себя почувствовалъ среди этой даровитой молодежи, съ душой нараспашку, собирающейся другъ у друга потолковать и поспорить о разныхъ научныхъ вопросахъ. Люди, составлявшіе этотъ кружокъ, были все даровитые, работающіе на разныхъ поприщахъ на пользу русскаго просвѣщенія; отъ нихъ Кольцовъ услышалъ то, о чемъ ему раньше не приходилось слышать, изъ разныхъ областей знанія; онъ жадно напрягалъ свой пытливый умъ, чтобы понять то, что говорилось кругомъ него. Какъ долженъ былъ скорбѣть умница-прасолъ о бѣдности своихъ знаній, о невозможности ему самому сравняться въ образованіи съ этими блестящими молодыми людьми. Но хотя многое изъ того, что онъ слышалъ, было выше его пониманія, все же не мало новаго вынесъ онъ изъ этого кружка, который онъ въ своемъ восхищеніи называлъ «соборомъ». Особенно сошелся онъ съ Виссаріономъ Григорьевичемъ Бѣлинскимъ. Человѣкъ

это былъ съ горячимъ сердцемъ, чуткій и отзывчивый на все доброе, всей душой отдающійся своимъ привязанностямъ. Больше всего на свѣтѣ Бѣлинскій любилъ правду и ей служилъ всю свою жизнь. Онъ доискивался ея, дѣлая оцѣнку старыхъ и новыхъ писателей, указывая въ своихъ сочиненіяхъ ихъ достоинства и недостатки. Въ Кольцовѣ Бѣлинскій сразу замѣтилъ богатое дарованіе, да ему не разъ случалось въ начинающемъ писателѣ угадывать будущую знаменитость.

Изъ Москвы Кольцовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ хлопотать по тяжебнымъ дѣламъ съ крестьянами насчетъ земли и выгоновъ. Съ рекомендательнымъ письмомъ Станкевича онъ явился къ одному изъ его пріятелей, а тотъ познакомилъ его съ петербургскимъ писательскимъ кругомъ. Кольцову представилось большое счастье: ему удалось попасть въ кружокъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ — А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго. Еще больше, чѣмъ въ Москвѣ, долженъ былъ робѣть мѣшковатый прасолъ въ гостиныхъ петербургской знати, составлявшей этотъ кружокъ.

Вотъ какимъ представлялся Кольцовъ среди этого блестящаго свѣтскаго общества:

«Въ комнатѣ находился еще одинъ человѣкъ,—разсказываетъ И. С. Тургеневъ про вечеръ у Плетнева, друга Пушкина,— одѣтый въ длиннополый сюртукъ, короткій жилетъ съ голубою бисерною часовою цѣпочкою и шейный платочекъ съ бантомъ,—онъ сидѣлъ въ уголку, скромно подобравъ ноги, и изрѣдка покашливалъ, торопливо поднося руку къ губамъ. Человѣкъ этотъ поглядывалъ кругомъ не безъ застѣнчивости, прислушиваясь внимательно; въ глазахъ его свѣтился умъ необыкновенный, но лицо у него было самое простое, русское, въ родѣ тѣхъ лицъ, которыя часто встрѣчаются у образованныхъ самоучекъ изъ дворовыхъ и мѣщанъ. Замѣчательно, что эти лица, въ противоположность тому, что, повидимому, слѣдовало бы ожидать, рѣдко отличаются энергіей, а, напротивъ, почти всегда, носятъ отпечатокъ робкой мягкости и грустнаго раздумья. Это былъ поэтъ Кольцовъ...»

Какъ былъ счастливъ этотъ пришелецъ изъ степей, когда ему пришлось увидать и услыхать такихъ людей, какъ Жуковскій и Пушкинъ.

О знакомствѣ Кольцова съ Пушкинымъ разсказывалъ одинъ изъ его знакомыхъ со словъ Алексѣя Васильевича:

«Разныя хлопоты по дѣламъ отца и, какъ самъ Кольцовъ признавался, какая-то боязнь мѣшала ему явиться къ Пушкину; наконецъ, получивъ второе приглашеніе, Коль-

цовъ пришелъ къ нему. Это было незадолго до смерти Пушкина. Кольцовъ говорилъ, что видъ его былъ поразителенъ: худой, черный, со впалыми глазами и со всклоченными волосами, онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ. Множество книгъ и горы рукописей лежали передъ нимъ. Казалось, говорилъ Кольцовъ, Пушкинъ предчувствовалъ свою близкую кончину и спѣшилъ воспользоваться краткимъ временемъ, назначеннымъ ему судьбою, трудился день и ночь, никуда не выѣзжалъ и никого къ себѣ не принималъ, исключая самыхъ короткихъ своихъ друзей. Едва Кольцовъ сказалъ ему свое имя, какъ Пушкинъ схватилъ его за руку и сказалъ: «Здравствуй, любезный другъ, я давно желалъ тебя видѣть». Кольцовъ пробылъ у него довольно долго и потомъ былъ у него еще нѣсколько разъ. Онъ никому не говорилъ, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ Пушкинымъ, и когда разсказывалъ о своемъ свиданіи съ нимъ, то погружался въ какое-то размышленіе» (Юдинъ).

Пушкинъ и Жуковскій оцѣнили въ Кольцовѣ чисто-народнаго поэта, выразителя думъ и чувствъ русскаго простолюдина. Какъ человѣку, стоящему близко къ крестьянамъ, они посовѣтовали ему собирать народныя пѣсни, въ которыхъ находили много прелести и интереса.

Пушкинъ взялъ у Кольцова тетрадку его стиховъ, чтобы выбрать изъ нихъ что-нибудь для своего журнала «Современникъ». Изъ нихъ онъ напечаталъ только «Урожай». Другія произведенія, оставленныя у него Кольцовымъ, онъ нашелъ неподходящими для печати. Кольцова Пушкинъ находилъ человѣкомъ «съ большимъ талантомъ, съ широкимъ кругозоромъ, но бѣднымъ образованіемъ, отчего эта ширь разсыпалась въ фразахъ».

Какъ глубоко чтилъ Пушкина Кольцовъ, видно изъ слѣдующаго разсказа. Однажды, когда Кольцова попросили въ гостяхъ, откуда только что уѣхалъ Пушкинъ, прочесть свою «Думу», онъ смутился и наотрѣзъ отказался. Когда его потомъ спросили, почему онъ не хотѣлъ читать, онъ отвѣтилъ: «Что же это я сталъ бы читать-съ: тутъ Александръ Сергѣевичъ только что вышелъ, а я бы читать сталъ! Помилуйте-съ!»

Сильно скорбѣлъ онъ, узнавъ о кончинѣ нашего великаго поэта.

«О, лейтесь, лейтесь же ручьями
Вы, слезы горькія, изъ глазъ!
Нѣтъ больше Пушкина межъ нами,
Безсмертный Пушкинъ нашъ угасъ!»

говоритъ онъ въ письмѣ къ одному изъ петербургскихъ знакомыхъ. Въ стихотвореніи «Лѣсъ» Кольцовъ оплакиваетъ судьбу Пушкина, сравнивая его съ лѣсомъ въ осеннюю пору, лишеннымъ листьевъ, обезсиленнымъ непогодою. Такъ и великій поэтъ былъ осиленъ завистью и кознями враговъ.

Вниманіе къ Кольцову другого нашего поэта, В. А. Жуковскаго, было такъ велико, что, говорятъ, онъ представилъ народнаго пѣвца императору Николаю. У того же Жуковскаго и у нѣкоторыхъ другихъ вліятельныхъ лицъ между петербургскими писателями Кольцовъ нашелъ себѣ помощь въ дѣлахъ, для которыхъ пріѣхалъ въ столицу: они ходатайствовали за него передъ разными сановниками, давали ему рекомендательныя письма,—однимъ словомъ, оказывали ему, въ чемъ могли, свое участіе. Благодаря имъ, Алексѣю Васильевичу удалось благополучно окончить въ Петербургѣ свои дѣла, для которыхъ онъ оставался тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Свободное отъ дѣловыхъ хлопотъ время онъ посвящалъ обществу писателей, ходилъ на ихъ вечера и для нихъ устраивалъ у себя пирушки, на которыхъ «хозяинъ, по русскому обычаю, постоянно обходилъ гостей съ подносомъ, предлагая пить», а за ужиномъ угощалъ ихъ соленой рыбой изъ Воронежа.

Счастливо окончивъ отцовскія дѣла, познакомившись съ самыми знаменитыми писателями того времени и съ журналистами, черезъ которыхъ онъ могъ въ будущемъ печатать свои стихи, Кольцовъ вернулся въ Воронежъ. Велика должна была быть радость родителей, когда сынъ воротился въ почетѣ и извѣстности, обласканный тогдашними знаменитостями и вліятельными людьми, къ тому же благополучно окончивъ дѣла, за что старикъ, вѣроятно, похвалилъ Алексѣя, оправдавшаго его надежды. Весь Воронежъ заговорилъ о славѣ молодого прасола, которая еще больше возросла, когда, черезъ годъ по возвращеніи изъ столицъ, Кольцова посѣтилъ проѣзжавшій черезъ Воронежъ съ наслѣдникомъ его воспитатель Жуковскій.

Такая честь, оказанная сыну, должна была вскружить голову гордому, тщеславному старику Кольцову, который, конечно, не упустилъ случая похвастать передъ своими знакомыми. Теперь онъ сталъ иначе смотрѣть на писанье Алексѣя, благодаря которому сынъ его сталъ водиться съ генералами. Въ своей семьѣ молодой Кольцовъ находилъ большую поддержку въ младшей сестрѣ Анисьѣ, умной, даровитой дѣвушкѣ. Ей онъ читалъ свои пѣсни, спрашивая

у нея совѣтовъ, и часто передѣлывалъ, полагаясь на вкусъ сестры. Умомъ и характеромъ она сильно походила на Алексѣя, но такъ же, какъ и ему, ей не удалось поучиться; если же она что и знала, то благодаря чтенію и бесѣдамъ съ умными людьми. Она обладала прекраснымъ голосомъ и мастерски читала произведенія поэтовъ. Часто братъ и сестра заводили чтеніе и пѣсни у замужнихъ сестеръ: тамъ было вольнѣе, чѣмъ дома, гдѣ имъ надоѣдалъ своей воркотней старикъ-отецъ, считавшій ихъ забавы баловствомъ. Изъ-за него Алексѣй Васильевичъ не любилъ и гостей у себя принимать.

Между тѣмъ кругъ знакомыхъ молодого Кольцова все расширялся: онъ сталъ посѣщать учителей и кой-кого изъ мѣстныхъ чиновниковъ, завелъ дружбу съ однимъ изъ воронежскихъ докторовъ и все болѣе и болѣе отдѣлялся отъ мѣщанской среды. Столкнувшись въ столицахъ съ цвѣтомъ тогдашняго общества, Алексѣй Васильевичъ еще сильнѣе почувствовалъ всю бѣдность своего образованія, и въ немъ особенно страстно заговорило желаніе, насколько возможно, пополнить свои пробѣлы, наверстать потерянное время. По возвращеніи домой изъ столицъ онъ засѣлъ за чтеніе, цѣлыя недѣли просиживалъ въ своемъ кабинетѣ въ отдѣльномъ флигелѣ. Жадно набросившись на книги, Кольцовъ читалъ по разнымъ отраслямъ наукъ,—и старыхъ писателей, и книги духовныя, и историческія,—за все хватался, лишь бы узнать что-нибудь новое, лишь бы обогатить скудный запасъ своихъ знаній. Во время пребыванія его въ столицахъ писатели, къ которымъ онъ ѣздилъ, надарили ему своихъ сочиненій, такъ что въ чтеніи у Кольцова не было недостатка.

При книжныхъ занятіяхъ Алексѣй Васильевичъ долженъ былъ не оставлять и торговаго дѣла, которому онъ усиленно предавался, когда отецъ былъ въ разъѣздахъ. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ свою дѣятельность:

«Батенька два мѣсяца въ Москвѣ, продаетъ быковъ. Покупаю свиней, становлю на винный заводъ, на барду, въ рощѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу отъ зари до полуночи».

Среди этихъ разнообразныхъ хлопотъ Кольцовъ часто вспоминалъ время, проведенное имъ въ столицахъ между умными, образованными собесѣдниками, и съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ обмѣнивался письмами.

Въ концѣ 1837 г. Алексѣю Васильевичу опять пришлось ѣхать по дѣламъ въ Петербургъ, гдѣ онъ провелъ три мѣ-

сяца новаго, 1838, года. На обратномъ пути онъ долго оставался въ Москвѣ, и Бѣлинскій говоритъ о немъ, что «постоянно пріятное расположеніе духа было причиною, что онъ написалъ въ это время много хорошаго». За это пребываніе въ Москвѣ Кольцовъ особенно близко сошелся съ Бѣлинскимъ, который замышлялъ тогда перебраться въ Петербургъ, гдѣ Кольцовъ хлопоталъ за него у своихъ новыхъ знакомыхъ въ писательскомъ кругу. Когда же Бѣлинскій сталъ издавать въ Москвѣ журналъ «Наблюдатель», Кольцовъ заботился, чтобы привлечь для новаго изданія какъ можно больше сотрудниковъ, дѣлалъ въ него вклады и своими пѣснями. Ради Бѣлинскаго и его дѣлъ онъ и оставался дольше въ Москвѣ, и вотъ какъ отзывался онъ о своемъ новомъ другѣ: «Какой свѣтлый умъ у этого человѣка! Какое горячее, благородное сердце! Я обязанъ всѣмъ ему; онъ меня поставилъ на настоящую мою дорогу; безъ его совѣтовъ я не рѣшаюсь печатать моихъ мараній».

И Бѣлинскій сильно полюбилъ Кольцова, какъ умнаго и глубоко чувствующаго человѣка. «Кольцовъ не былъ скоръ ни на знакомства ни на дружбу,—вспоминалъ онъ о немъ послѣ его смерти.—Но когда онъ сходился съ человѣкомъ, тогда раскрывалъ онъ свою душу, и на его преданность можно было положиться, какъ на каменную гору. Онъ умѣлъ любить, глубоко чувствовалъ потребность дружбы и любви, и, какъ немногіе, былъ способенъ къ нимъ; но не любилъ шутить ими...»

1838 г. былъ годомъ многознаменательнымъ въ жизни Кольцова. Къ этому времени онъ достигъ наибольшей славы и развитія своего таланта. Онъ былъ оцѣненъ всей Россіей въ лицѣ ея лучшихъ людей, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Станкевичъ, Бѣлинскій и др. знаменитые писатели и журналисты того времени. Онъ вошелъ въ столичные писательскіе кружки, лично познакомился съ цвѣтомъ русскаго общества и коротко сблизился съ нѣкоторыми изъ его представителей, а съ Бѣлинскимъ, сочиненіями котораго тогда зачитывалась вся просвѣщенная Россія, вступилъ въ тѣсную дружбу. Малообразованный, но богато одаренный прасолъ былъ признанъ русскимъ поэтомъ. Онъ достигъ вершины счастья, послѣ чего его жизнь начинаетъ спускаться подъ гору. И этой вершиною, этимъ переломомъ былъ для него 1838 г.

Смерть друга юности, Серебрянскаго, была для Кольцова первымъ вѣстникомъ наступающихъ невзгодъ. Этотъ даровитый человѣкъ, по окончаніи семинаріи, сталъ учиться

медицинѣ сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ. Но слабое здоровье его надорвалось отъ трудовъ и лишеній: онъ впалъ въ чахотку. Алексѣй Васильевичъ помогъ бѣдному другу вернуться на родину, въ Воронежскую губернію, гдѣ онъ и умеръ на рукахъ своей старухи-матери. Сильно скорбѣлъ Алексѣй Васильевичъ о безвременной кончинѣ своего молодого друга.

Теперь вся дружба Кольцова направилась на Бѣлинскаго. Къ нему, такому сердечному, отзывчивому, полились жалобы Кольцова на жизнь, которая становилась для Алексѣя Васильевича все тяжелѣе и тяжелѣе. Хотя воронежское общество и приняло радушно своего поэта-прасола, но теперь уже весь складъ провинціальной жизни показался ему скучнымъ послѣ кипучей умственной жизни столицъ. Кольцовъ и самъ былъ отчасти виноватъ въ томъ, что разошелся съ нѣкоторыми изъ прежнихъ пріятелей, въ томъ числѣ и съ Кашкинымъ. Какъ бы то ни было, горько было Кольцову переносить эти непріязненныя отношенія.

«Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку, наскучили мнѣ ихъ разговоры пошлые,—писалъ онъ Бѣлинскому.— И какъ еще я пишу? И для чего пишу?—для васъ для однихъ, а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія. Всякій подлецъ такъ на меня и лѣзетъ, дескать, писакѣ-то и крылья ошибить. Это меня часто смѣшитъ, когда какой-нибудь чудакъ пѣтушится».

Торговое дѣло съ безпрерывными хлопотами и заботами порою утомляло Алексѣя Васильевича. То, что видѣлъ и пережилъ Алексѣй Васильевичъ за свое пребываніе въ столицахъ, было слишкомъ противоположно его воронежской жизни, гдѣ его окружали, по его выраженію, «судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденіе, посѣщенія, счеты, расчеты, брани, ссоры».

А ему хотѣлось въ это время читать, узнавать то, чему не удалось поучиться въ дѣтскіе и юношескіе годы, его томила жажда знанія, которая усилилась послѣ того, какъ онъ познакомился съ образованными людьми столицъ и ясно увидалъ всю бѣдность своихъ свѣдѣній. Тоска и недовольство своею жизнью усиливались.

«Пророчески угадали вы мое положеніе,—писалъ онъ въ 1840 году въ Петербургъ къ Бѣлинскому,—у меня у самого давно уже лежитъ на душѣ грустное сознаніе, что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще

не потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ паденія. И если я не перемѣню себя, то скоро упаду; это неминуемо, какъ дважды-два четыре. Хотя я и отказалъ себѣ во многомъ и частію, живя въ этой грязи, отрѣшилъ себя отъ ней, но все-таки не совсѣмъ, но все-таки я не вышелъ изъ нея».

На счастье Алексѣя Васильевича, много было въ немъ жизненной силы, много мужества, которыя мѣшали ему окончательно упасть духомъ: несмотря на томившую его тоску, онъ не терялъ совершенно бодрости.

«Буду жить, пока живется, работать—пока работается,—ободряетъ онъ себя въ письмѣ послѣ горькой жалобы на воронежскую жизнь, отъ которой онъ можетъ потеряться.—Сколько могу, столько и сдѣлаю; употреблю всѣ силы, пожертвую, сколько могу; буду биться до конца края, приведу въ дѣйствіе всѣ зависящія отъ меня средства. И когда послѣ этого упаду, мнѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и передъ самимъ собою я буду правъ».

Иногда у Кольцова являлось желаніе перебраться въ Петербургъ, гдѣ жилъ тогда и Бѣлинскій; но оба мѣста, которыя ему тамъ предлагали—завѣдываніе книжной лавкой и журнальной конторой, оказались для него неподходящими, а главное—въ Воронежѣ его удерживали торговыя дѣла, обороты которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивались; къ тому же, къ его обычной прасольской дѣятельности прибавилось еще управленіе выстроеннымъ имъ недавно большимъ каменнымъ домомъ. Замѣтимъ, что Алексѣй Васильевичъ, какъ и его отецъ, любилъ широкія торговыя предпріятія и готовъ былъ иногда пуститься на рискъ.

Тоскливое настроеніе Кольцова усилилось подъ впечатлѣніемъ случившагося въ 1839 году неурожая. Народный пѣвецъ скорбѣлъ вмѣстѣ съ крестьянами о постигшемъ ихъ бѣдствіи.

«Куда ни глянешь,—писалъ онъ,—вездѣ унылыя лица; поля, горѣлыя степи наводятъ на душу уныніе и печаль, и душа не въ состояніи ничего ни мыслить ни думать. Какая рѣзкая перемѣна во всемъ! Напримѣръ, и теперь поютъ русскія пѣсни тѣ же люди, что пѣли прежде, тѣ же пѣсни, такъ же поютъ, напѣвъ одинъ, а какая въ нихъ, не говоря уже грусть,—онѣ всѣ грустны,—а какая-то болѣзнь, слабость... Разгульная энергія, сила, могучесть будто въ нихъ никогда не бывали».

Осенью 1840 года Кольцовъ опять отправился въ столицы, и теперь уже въ послѣдній разъ въ своей жизни.

Онъ погналъ за собою два гурта быковъ въ 300 головъ, за которыхъ предполагалъ выручить 12.000 руб. Еще одно дѣло хотѣлось ему осуществить — издать вторично свои стихотворенія, изъ которыхъ только немногія вошли въ составъ его первой книжки, а написанныя имъ позднѣе были печатаны отдѣльно въ разное время. Кольцовъ просилъ Бѣлинскаго помочь ему въ этомъ дѣлѣ, выбрать лучшія изъ его произведеній для новаго изданія.

Но изданію этому не удалось осуществиться.

Въ Петербургѣ Кольцовъ остановился у Бѣлинскаго. Много бесѣдовали друзья за чашкой чая, до котораго былъ большой охотникъ Алексѣй Васильевичъ. Для Кольцова Бѣлинскій на время забылъ другихъ своихъ знакомыхъ, исключительно предаваясь обществу даровитаго прасола, который, по его мнѣнію, совмѣщалъ въ себѣ нѣсколько чудеснѣйшихъ людей. Бѣлинскому хотѣлось, чтобы его другъ совсѣмъ поселился въ Петербургѣ, и самъ Кольцовъ этого желалъ, но, привыкнувъ къ расчету, онъ понималъ, что не у чего ему будетъ жить въ столицѣ. Итти въ лавочные сидѣльцы не казалось привлекательнымъ человѣку, который самъ былъ хозяиномъ и велъ дѣло на десятки тысячъ, а на свои стихи онъ не разсчитывалъ, зная, что немного выручишь отъ нѣсколькихъ пѣсенъ въ годъ. Иногда онъ надѣялся уломать старика выдѣлить ему тысячъ десять съ тѣмъ, что онъ откажется и отъ дома и отъ остального наслѣдства и поселится въ Петербургѣ, гдѣ зароется въ книги и будетъ наверстывать потерянное для ученія время. Или же предполагалъ открыть книжную лавку въ Воронежѣ и оставить понадоѣвшее ему прасольство.

Между тѣмъ судебное дѣло, для котораго пріѣхалъ Кольцовъ въ Петербургъ, было проиграно; надо было ѣхать въ Москву вести другую тяжбу. Какъ ни жалко было разставаться съ пригрѣвшимъ его другомъ, приходилось уѣзжать. Такъ больше они и не видались. Въ Москвѣ Кольцовъ пожилъ мѣсяца три, выигралъ дѣло и испыталъ на нѣкоторое время, по его выраженію, «полную жизнь», которая проявилась въ нѣсколькихъ пѣсняхъ. Онъ встрѣтилъ въ кругу московскихъ знакомыхъ новый 1841 годъ, и веселою была эта встрѣча.

«Такъ до зари бесѣда наша
Была торжественно шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь не осушала дна!»

Станкевича не было среди этой пирующей компаніи: онъ умеръ въ 1839 году, и его памяти Кольцовъ посвятилъ стихотвореніе «Поминки», въ которомъ описалъ веселый пиръ друзей, и какъ къ одному изъ нихъ подкрадывается неожиданный гость—смерть.

Начинающійся годъ, повидимому, сулилъ Кольцову счастье, но обманчиво было это обѣщаніе. «Полная жизнь» покидала Кольцова: онъ затосковалъ въ Москвѣ, потому что наступало время отъѣзда. Помимо разлуки съ друзьями и боязни возобновленія опостылѣвшей воронежской жизни, Алексѣя Васильевича смущало свиданіе съ отцомъ, предъ которымъ онъ чувствовалъ себя виноватымъ. Старикъ поручилъ ему продать два гурта быковъ тысячъ за двѣнадцать, а эта продажа состоялась невыгодно, къ тому же случился въ то время падежъ на скотъ. А главное — вырученныя деньги молодой Кольцовъ извелъ на тяжбы, на покупки, на жизнь въ столицахъ и на уплату долговъ. Боялся онъ теперь показаться на глаза строгому отцу, который, конечно, не похвалитъ за подобную трату денегъ.

«Не хочется мнѣ ѣхать, да и только, — писалъ онъ Бѣлинскому.—Вотъ пришло время, и домъ и родня не взлюбились наконецъ».

И Алексѣй Васильевичъ все сидѣлъ въ Москвѣ, покамѣстъ его не прохватилъ голодъ. Сурово, должно-быть, встрѣтилъ старикъ-отецъ замотавшагося сына, и каково же было ихъ объясненіе при крутомъ, неподатливомъ характерѣ обоихъ. Послѣ этого случая отношенія между отцомъ и сыномъ были навсегда испорчены. Должно-быть, довѣріе старика къ дѣловитому сыну было подорвано неумѣренной растратой. Алексѣй Васильевичъ могъ бы поправить дѣло, если бы женился, чего очень хотѣлъ отецъ, который надѣялся породниться съ зажиточной купеческой семьей и приготовилъ сыну невѣсту; Алексѣй было поддался, но на сватовство получилъ отказъ. Да и не хотѣлось ему вовсе жениться, какъ онъ говорилъ, «сгубить женщину и себя»: его влекло къ другой особѣ, которая не годилась въ жены. Это была красивая, умная и разбитная вдова Лебедева, извѣстная своимъ поведеніемъ всему Воронежу. Ею-то и плѣнился Алексѣй Васильевичъ.

«Страстною любовью озарился восходъ его жизни; пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни», говоритъ Бѣлинскій объ этой связи своего друга.

Разумѣется, что семейственный Василій Петровичъ не одобрялъ поведенія своего сына, и что «Лебедиха», какъ ее называли въ городѣ, внесла не мало раздора въ Кольцовскую семью. Да и самъ Алексѣй Васильевичъ узналъ немного счастья съ этой, съ виду обаятельной, женщиной: она бросила его, уѣхавъ съ какимъ-то офицеромъ. А все же Кольцовъ вспоминалъ ее и въ посвященныхъ ей стихахъ высказывалъ желаніе спасти погибшую женщину.

Поссорившись съ отцомъ, Алексѣй Васильевичъ разошелся и съ прежней своей подругой, сестрой Анисьей. Что между ними вышло, достовѣрно неизвѣстно; знаемъ только, что братъ противился ея браку съ молодымъ мѣщаниномъ, который, дѣйствительно, оказался нехорошимъ человѣкомъ. Но что между ними произошло что-то крупное, видно изъ того, что прежніе друзья сдѣлались настоящими врагами: когда Алексѣй Васильевичъ заболѣлъ, Анисья не навѣщала его, а если она и входила въ его комнату, то онъ отворачивался къ стѣнѣ.

Кольцовъ захворалъ весною 1841 года и писалъ своему другу Бѣлинскому безотрадныя письма, прося его совѣта, что ему дѣлать: удержаться ли въ Воронежѣ долѣе, бросить ли все, ѣхать ли въ Петербургъ. Мнѣніе Бѣлинскаго было, что надо «ѣхать, ѣхать, ѣхать». Но не легко было человѣку, проведшему до 33 лѣтъ въ извѣстной обстановкѣ, вырваться изъ нея и начинать новую жизнь. Къ тому же приключившаяся съ Кольцовымъ болѣзнь окончилась чахоткой.

Лѣто онъ провелъ на дачѣ у зятя Башкирцева, съ которымъ поддерживалъ дружбу и послѣ смерти старшей сестры; купанье въ Дону нѣсколько поправило его. Но это было временное улучшеніе: состояніе его было безнадежнымъ.

Какою безысходною грустью звучатъ его слова, обращенныя къ петербургскимъ друзьямъ: «Ну, теперь, милые мои, пришлось сказать: прощайте, надолго ли, не знаю. Но какъ-то это слово горько отозвалось въ душѣ моей. Но еще прощайте, и въ третій разъ прощайте. Если бы я былъ женщина, хорошая бы пора плакать. Минута грусти, побудь хоть ты со мною подольше!»

И это было, дѣйствительно, прощаньемъ съ друзьями, со столичной жизнью, которая такъ манила его, да и вообще съ жизнью на этомъ свѣтѣ. Состояніе больного все ухудшалось. Условія его жизни въ эту тяжелую пору были неблагопріятны: въ мезанинѣ, который онъ занималъ, оказалось сыро, въ домѣ была суета по случаю свадьбы сестры

Анисьи, шли приготовленія, собирались гости, и весь этотъ шумъ сильно безпокоилъ больного. Тяжело было ему медленно умирать подъ свадебныя пѣсни и пляску. Къ тому же родные, занятые гостями и угощеньемъ, забывали больного: случалось, что онъ и поѣстъ не во-время и печка у него не истоплена. Все это страшно волновало бѣднаго страдальца и, конечно, еще болѣе обостряло его болѣзнь.

Когда свадьбу сыграли, ему стало покойнѣе, и онъ писалъ Бѣлинскому:

«Здоровье мое стало лучше, началъ прохаживаться и былъ два раза въ театрѣ. Лѣкарь увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылѣчитъ. Но силъ, не только духовныхъ, но и физическихъ, еще нѣтъ; памяти тоже. Волоса начали расти, съ лица зелень сошла, глаза чисты». Сильно пугала его испытываемая имъ слабость.—«Что, если и выздоровѣвши, такимъ останусь?—сокрушался онъ.—Тогда прощайте, друзья, Москва и Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до этого полипнаго состоянія. Или жить для жизни или—маршъ на покой!»

Лѣчилъ Кольцова его пріятель, докторъ Малышевъ, который часто навѣщалъ его, почти ничего не бралъ за свои посѣщенія, присылалъ больному лѣкарства, супъ, ободрялъ его упадшій духъ.

Какъ только ему становилось лучше, онъ вставалъ, ходилъ гулять, писалъ стихи, между прочимъ, «На новый 1842 годъ», въ которыхъ вспомнилъ встрѣчу прошедшаго года въ веселомъ кругу московскихъ знакомыхъ и жаловался на обманувшій его надежды прожитой годъ.

«Ужель безвременно изъ міра выйду я,
Не совершивъ и задушевнаго желанья?»

закончилъ онъ эти стихи, и въ его словахъ какъ будто скрывалось пророчество.

— Боленъ я. Жизнь моя туманная, доля безталанная!—плакался больной на свое преждевременное разставаніе съ жизнью.

Состояніе Алексѣя Васильевича все болѣе и болѣе ухудшалось. Сильно исхудалъ бѣдный больной.

— Посмотрите,—показывалъ онъ сестрамъ свои руки:—только и осталось мяса, а то все кости.

Навѣщалъ его лишь докторъ и родные, а изъ знакомыхъ кто разошелся съ нимъ, кто стѣснялся непривѣтливаго Василія Петровича. И Анисья стала приходить къ умирающему брату, какъ и другія сестры, но Алексѣй избѣгалъ ея, и

только заслышитъ ея голосъ,—сдѣлаетъ знакъ рукой, чтобъ ее къ нему не впускали. До такой степени испортились ихъ отношенія, прежде такія близкія.

Почувствовавъ себя очень плохо, больной причастился св. таинъ, при чемъ набожный человѣкъ пересилилъ себя и спустился съ постели на полъ при видѣ священника, но подняться уже не могъ.

— Зачѣмъ дѣлать сверхъ силъ?—замѣтилъ ему священникъ.

— Не говорите мнѣ этого, я понимаю, кто посѣтилъ меня,—отвѣчалъ умирающій.

Скончался Алексѣй Васильевичъ внезапно, безъ долгихъ мученій. У его постели стояли одна изъ сестеръ и няня, которая поила его чаемъ.

— Послушай, няня,—сказалъ больной:—какая ты странная! Опять налила чай въ эту чашку! Она велика мнѣ, а главное—я слабъ и могу разбить ее, выронить. Перелей въ стаканъ.

Няня стала переливать, сестра вышла изъ комнаты, какъ вдругъ услыхала раздирающій крикъ. Это няня вскрикнула: ея воспитанникъ Алексѣй кончился, держа ея руку обѣими руками. Это было 29 октября 1842 г.

Къ кончинѣ этого замѣчательнаго русскаго поэта отнеслись въ Воронежѣ равнодушно, а вѣсть о ней разошлась по Россіи много времени спустя послѣ смерти Кольцова, и Бѣлинскій случайно узналъ объ этой тяжелой для него потерѣ. Памяти своего друга онъ посвятилъ очеркъ жизни покойнаго, изъ котораго вся читающая Россія поняла значеніе понесенной ею утраты. Старикъ-отецъ поставилъ своему Алексѣю чугунный памятникъ съ надписью и часто ходилъ на могилу своего безвременно угасшаго сына. Горько плакалъ этотъ кремневый человѣкъ объ единственномъ наслѣдникѣ, съ которымъ не ладилъ за послѣдніе годы его жизни.

— Разумная голова былъ мой Алексѣй,—говаривалъ онъ,—да Богъ не далъ ему пожить на свѣтѣ. Книжки его сгубили и свели въ могилу.

Такъ думалъ темный прасолъ, а пѣсни его Алексѣя расходились по матушкѣ Россіи, плѣняя своими чарами сердца русскихъ людей. Городъ Воронежъ поставилъ своему поэту памятникъ и назвалъ въ честь его тотъ самый бульваръ, по которому прохаживался покойный Алексѣй Васильевичъ съ другимъ поэтомъ, Жуковскимъ, и гдѣ бродилъ незадолго до смерти съ неотвязной тяжелой думой въ головѣ.

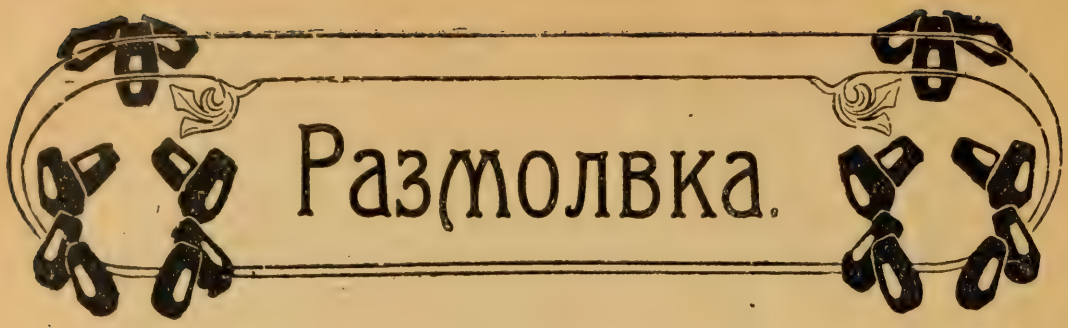
Н. Макшеева.

Памятникъ А. В. Кольцову въ г. Воронежѣ.

ПѢСНИ.

Пѣсня

Если встрѣчусь съ тобой
Иль увижу тебя, —
Что за трепетъ-огонь
Разольется въ душѣ!
Если взглянешь, душа,
Я горю и дрожу,
И безчувственъ и нѣмъ
Предъ тобою стою!
Если молвишь мнѣ что,
Я на рѣчи твои,
На привѣты твои
Что сказать не сыщу.
А лобзаньямъ твоимъ,
А восторгамъ твоимъ
На землѣ, у людей
Выраженья имъ нѣтъ!
Дѣва, радость души!
Это жизнь мы живемъ!
Не хочу я другой
Жизни въ жизни моей!



Размолвка.

Теперь яснѣй
Ужъ вижу я:
Огонь любви
Давно потухъ
Въ груди твоей.
Бывало, ты—
Сестра и другъ;
Бывало, ты —

Совсѣмъ не та!
А нынче, — грѣхъ
И вымолвить, —
Какъ ты со мной
Суха, дика
И сумрачна!
Незванный гость,
Долой съ двора!

Немилый другъ,
Не знай меня!
Ахъ, радъ не радъ, --
Пришлось и мнѣ
Сказать съ слезой
Прости, прощай,
Любезный другъ
И недругъ мой!

Пѣсня.

Очи, очи голубыя,
Мнѣ васъ болѣ не встрѣчать.
Дѣвы, дѣвы молодыя,
Вамъ меня ужъ не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны;
Въ сердцѣ опытномъ слилися
Лишь отзывы старины.

Ахъ, на что же оживили
Предо мной мои мечты
Сердцу сладостныя были,
Ласки юной красоты?
Мнѣ ль привѣтливымъ казаться?
Съ хладнымъ сердцемъ вновь любить?
Мнѣ ль надеждой обольщаться?
Безпробудно другъ мой спитъ...

Я былъ у ней.

Я былъ у ней; она сказала:
Люблю тебя, мой милый другъ!
Но эту тайну отъ подругъ
Хранить мнѣ строго завѣщала.
Я былъ у ней; на прелесть злата
Клялась меня не промѣнять,
Ко мнѣ лишь страстію пылать,
Меня любить,—любить, какъ брата.
Я былъ у ней; я съ устъ прелестной
Счастливое забвенье пилъ
И все земное позабылъ
У дѣвичьей груди прелестной.
Я былъ у ней; я вѣчно буду
Съ ея душой душою жить:
Пускай она мнѣ измѣнитъ—
Но я измѣнникомъ не буду.

Теремъ.

Тамъ, гдѣ теремъ тотъ стоитъ,
Я люблю всегда ходить
Ночью тихой, ночью ясной,
Въ благовонный май прекрасный!
Чѣмъ же теремъ этотъ милъ?
Чѣмъ меня онъ такъ плѣнилъ?
Онъ не пышный, онъ не новый,
Онъ бревенчатый — дубовый.
Ахъ, въ томъ теремѣ простомъ
Есть съ раскрашеннымъ окномъ
Разубранная свѣтлица:
Въ ней живетъ душа-дѣвица.
Какъ-то встрѣтился я съ ней —
Не свожу съ тѣхъ поръ очей;
Красна жъ дѣвица не знаетъ,
По комъ грудь моя вздыхаетъ.

Разрывайся, грудь моя!
Буду суженымъ не я;
Тотъ богатый; я безъ хаты —
Цѣлый міръ мои палаты!
Вѣщунъ-сердце говоритъ:
Жить тебѣ, дѣтинкѣ, жить
Не съ женою молодою —
Съ чужой дальней стороною.

Люди добрые, скажите.

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милый?.. Вы молчите!
Злую ль тайну вы храните?
За далекими ль горами
Онъ живетъ одинъ, тоскуя?
За степями ль, за морями
Счастливъ съ новыми друзьями?
Вспоминаетъ ли порою,
Чья любовь къ нему до гроба?
Иль, забывъ меня, съ другою
Связанъ клятвой вѣковою?
Иль ужъ ранняя могила
Приняла его въ объятья?
Чья жъ слеза ее кропила?
Чья душа о немъ грустила?
Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милый?.. Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

*
* *

По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ,
Во саду дорожка;
На нее бъ я все глядѣлъ,
Сидя, изъ окошка...
Тамъ съ кувшиномъ за водой
Маша проходила;
Томный взоръ потупивъ свой,
Со мной говорила.
«Маша, Маша,—молвилъ я,—
Будь моей сестрою!
Я люблю... любимъ ли я,
Милая, тобою?»
Не забыть мнѣ никогда,
Какъ она глядѣла!
Какъ съ улыбкою любви
Весело краснѣла!

Не забыть мнѣ, какъ она
Сладко отвѣчала;
Изъ кувшина, въ забытьи,
Воду проливала...
Сплю и вижу все ея
Платье голубое,
Страстный взглядъ, косы кольцо,
Лентой первитое.
Сладкій мигъ мой, возвратись!
Съ Дономъ я прощаюсь...
Ахъ, нигдѣ ужъ никогда
Съ ней не повстрѣчаюсь!..

Пѣсня.

Увижу ль я дѣвушку,
Увижу ль я красную,
Забьется неволею
Сердечко удалое —
Любовію чистою.
«Полюбишь ли, дѣвушка,
Полюбишь ли, красная,
Безъ модной учтивости,
Любовію вѣрною
Удалаго молодца?
Ахъ, что же ты, дѣвушка,
Ахъ, что же ты, красная,
Стыдишься? Аль, милая,
Любить не намѣрена
Удалаго молодца?»
— Любила бъ я молодца,
Любила бъ удалаго...
Но мнѣ ли, сироточкѣ,
Безкровной и бѣдненькой,
Ласкаться любовію?

«Желаю ль я, дѣвушка,
Желаю ль я, красная,
Палатъ раззолоченныхъ,
Богатствомъ украшенныхъ
И блескомъ обманчивыхъ?
Люблю тебя, милую,
Люблю тебя, юную,
За характеръ добренькій,
За стыдливость дѣтскую,
Всѣмъ дѣвицамъ сродную».

Пѣснь русалки.

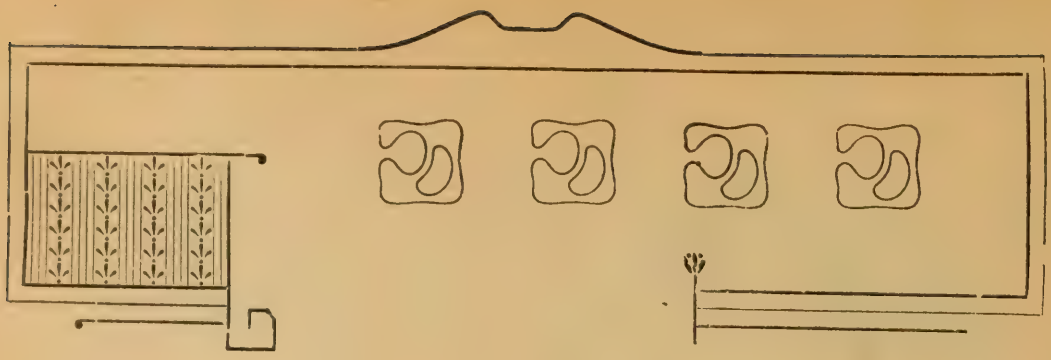
Давайте, подруги,
Веселой толпой
Мы выйдемъ сегодня
На берегъ крутой;
И пѣснію громкой
Луга огласимъ,
Лѣса молчаливы
И даль усыпимъ.

Нарвемъ мы цвѣточковъ,
Вѣнки мы сплетемъ,
Любимую пѣсню
Царицы споемъ;
А съ утромъ, подруги,
Одна за другой
Сокроемся въ волны
Падучей звѣздой.

Кольцо.

Я затеплю свѣчу
Воску яраго,
Распаяю кольцо
Друга милаго...
Загорись, разгорись,
Роковой огонь!
Распаяй, растопи
Чисто золото!

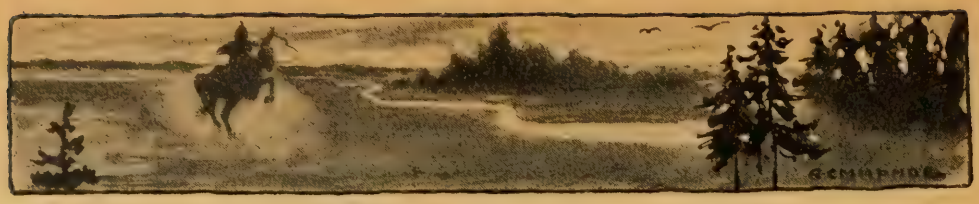
Безъ него для меня
Ты не надобно;
Безъ него на рукѣ —
Камень на сердцѣ.
Что взгляну, то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.
Возвратится ли онъ,
Или вѣсточкой
Оживитъ ли меня,
Безутѣшную?
Нѣтъ надежды въ душѣ...
Ты разсыпься же
Золотой слезой,
Память милаго!
Невредимо, черно
На огнѣ кольцо
И звенитъ по столу
Память вѣчную...



Совѣтъ старца.

Скучно съ жизнью старческой,
Скучно, други, въ мірѣ жить,
Грустно среди пиршества
О могилѣ взгадывать
И съ сѣдою мудростью
Къ ней, наморщась, двигаться.
Поспѣшайте жъ, юноши,
Наслаждаться жизнію!
Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!
Много ль разъ роскошная
Въ годъ весна является?
Много ль разъ долинушку
Убираетъ зеленью,
Муравою бархатной,
Парчой раззолоченной?
Не одно ль мгновеніе
И веснѣ и юности?

Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!



Пѣсня старика.

Осѣдлаю коня,
Коня быстраго,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.
Чрезъ поля, за моря,
Въ дальну сторону,
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь — и явлюсь
Прежнимъ молодцемъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!
Но—увы!—нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

Крестьянская пирушка.

Ворота тесовы
Растворилися;
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;

Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,

На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.
Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обносила кругомъ
Съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?..

Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькаго.
Самъ хозяинъ за ней
Брагой хмельною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ потчуетъ;
А хозяйская дочь—
Медомъ сыченымъ
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись.
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ,—
Отъ воротъ поворотъ
Виденъ по снѣгу.

Пѣсня.

Утративъ то, что прежде было,
Напрасно вновь къ себѣ зову;
Напрасно тѣнь подруги милой
Хочу я видѣть наяву.

Теперь съ тобой одно свиданье
Какой цѣною я бъ купилъ;
Я за твое существованье
Своей бы жизнью заплатилъ.

За нѣжный поцѣлуй, за встрѣчу,
За блескъ привѣтливыхъ очей,
За жаръ любви, за звукъ рѣчей
Я бъ голову понесъ на сѣчу.

Но нѣтъ, вовѣкъ не возвратить
Что было такъ душой любимо!
Вовѣкъ и тѣнь, съ страны незримой,
Къ призывамъ друга не слетитъ.

О, лейтесь, лейтесь же ручьями,
Горючи слезы изъ очей!
Безъ ней нѣтъ жизни межъ людями —
Нѣтъ сердцу радости безъ ней

Пѣсня.

На что ты, сердце нѣжное,
Любовію горишь,
На что вы, чувства пылкія,
Волнуетесь въ груди.
Напрасно, дѣвы милыя,
Цвѣтете красотой,
Напрасно добрыхъ юношей
Плѣняете собой,—
Когда обычьи строгіе
Любить васъ не велятъ,
Когда сердца холодныя
Смѣются, други, вамъ.
Любовь, любовь чистѣйшая,
Богиня нѣжныхъ душъ!
Не ты ль собою всѣхъ людей
Чаруешь и живишь!
Сердца, сердца холодныя,
Не смѣйтеся любви!
Она и дѣвъ и юношей
Святыня и кумиръ

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней-десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ...
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну, тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка,
Ну, тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка,
Вырастетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!..
Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

Домъ лѣсника.

Въ темномъ лѣсѣ, за рѣкой,
Стоитъ домикъ небольшой
Съ двумя свѣтлыми окнами,
Съ распашными воротами.
Подъ замкомъ тѣ ворота,
И калитка заперта,
Чтобъ не вшелъ туда рогатый
Лѣшій, страшный и косматый;
Чтобъ не вшелъ туда упырь,
Ни проѣзжій богатырь...
Кто жъ живетъ тутъ одиноко,
Отъ жилья кругомъ далеко?
Рыболовъ ли небогатый?
Иль разбойникъ бородатый
Въ немъ спасается мольбой
Съ сундуками и казной?
Живетъ въ домѣ съ давнихъ поръ,
Караулитъ царскій боръ
Лѣсной староста съ женою,
Съ третьей дочкой молодою.

И для ней старикъ сѣдой
Замыкаетъ домикъ свой,
Чтобы въ каменны палаты
Не увезъ купецъ богатый;
Чтобъ бояринъ окружной
Не прильнулъ бы къ молодой
Безотвязной повиликой, —
Чтобъ не быть ей горемыкой.

Размышленіе поселянина.

На восьмой десятокъ
Пять лѣтъ перегнулось,
Какъ одну я пѣсню,
Пѣсню молодую,
Пою, запѣваю
Старою погудкой;
Какъ одну я лямку
Тяну безъ подмоги!
Ровесникамъ дѣтки
Давно помогаютъ, —
Только мнѣ на свѣтѣ
Перемѣны нѣту.

Сынъ пошелъ на службу,
А другой — въ могилу;
Двѣ вдовы невѣстки;
У нихъ дѣтей кучи —
Все малъ-мала меньше;
За одной головою
Ничего не знаютъ,
Гдѣ пахать, что сѣять —
Позабыли думать.
Богу, знать, угодно
Наказать подъ старость
Меня, горемыку,
Такой тяготою.
Сбыть съ двора невѣстокъ,
Пустить сиротъ въ люди —
Старики на сходкѣ
Про Кузьму что скажутъ?
Нѣтъ, мой згадъ, ужъ лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа въ тѣлѣ,
Буду я трудиться;
Кто у Бога проситъ
Да работать любитъ,
Тому невидимо
Господь посылаетъ.
Посмотришь — одинъ я
Батракъ и хозяинъ,
А живу чѣмъ хуже
Людей семьянистыхъ?
Лиха-бѣда въ землю
Кормилицу-ржицу
Мужичку закинуть,
А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля;
Такъ его достанетъ
Годъ семью пробавить,
Посбыть подать съ шеи
И нужды поправить,
И лишней копейкой
Божій праздникъ встрѣтить.

Пѣсня.

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети ты въ лѣса
Моей родины!
Полюби ты окно
Души-дѣвицы:
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску...
Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Передъ осенью.
Безъ нея ночью мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ,
Среди дня безъ огня
Ходитъ солнышко.
Безъ нея кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?
Безъ нея на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будетъ по-сердцу?
Что жъ поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ!

Удалецъ.

Мнѣ ли, молодцу
Разудалому,
Зиму - зимскую
Жить за печкою?
  Мнѣ ль поля пахать,
  Мнѣ ль траву косить,
  Затоплять овинъ,
  Молотить овесъ?
Мнѣ поля — не другъ,
Коса — мачеха,
Люди добрые —
Не сосѣди мнѣ.
  Если бъ молодцу
  Ночь да добрый конь,
  Да булатный ножъ,
  Да темны лѣса!
Снаряжу коня,
Наточу булатъ,
Затяну чекмень, —
Полечу въ лѣса:
  Стану въ тѣхъ лѣсахъ
  Вольной волей жить,
  Удалой башкой
  Въ околоткѣ слыть.
Съ кѣмъ дорогою
Сойдусь, съѣдусь ли —
Всякій молодцу
Шапку до земли!
  Оберу купца,
  Убью встрѣчнаго
  Мужика - глупца
  За желѣзный грошъ!
Но не грѣхъ ли мнѣ
Будетъ отъ Бога
Обижать людей
За ихъ доброе?
  Въ церкви попъ Иванъ
  Міру гуторитъ,
  Что душой за кровь
  Злодѣй платится...
Лучше жъ воиномъ,
За царевъ законъ,
За крещеный міръ,
Сложить голову!..

Не шуми ты, рожь.

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

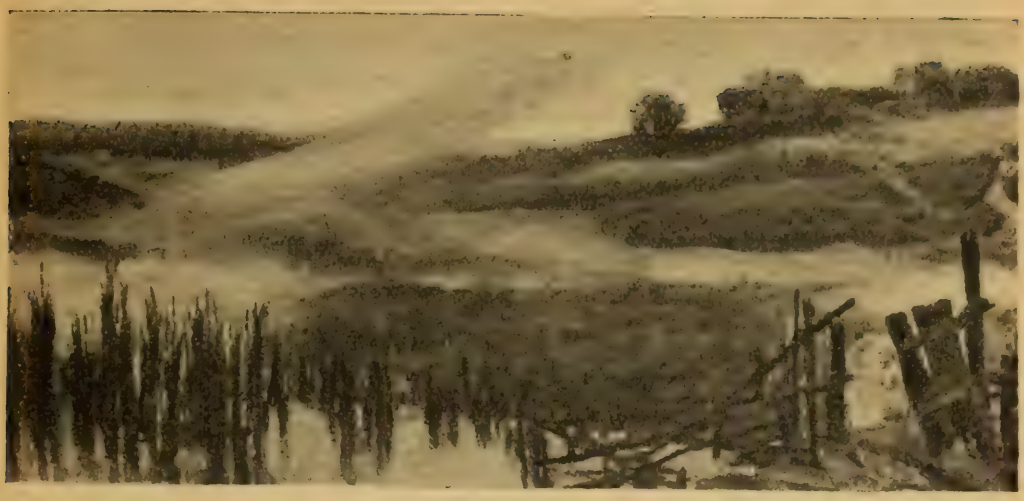
Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!

Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе,
Не своей душѣ —
Душѣ-дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи, полныя
Полюбовныхъ думъ!

И тѣ ясныя
Очи стухнули;
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна-дѣвица!

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердце
Дума черная!



Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется.

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,

Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой - радугой;

Ополчилася —
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною,
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады
На зеленые
Люди сельскіе
Не насмотрятся.

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали,—
Богу-Господу
Помолилися,

Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Косить подъ корень
Рожь высокую.

Люди семьями
Принялися жать,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами

Да кривой сохой
Перепахивать;
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...

Посмотрю, пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ.

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли;

Словно Божій гость,
На всѣ стороны

Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ - лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Глаза.

Погубили меня
Твои черны глаза;
Въ нихъ огонь неземной
Жарче солнца горитъ!
Омрачитесь, глаза!
Охладѣйте ко мнѣ!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!
Не глядите же такъ,
О, не мучьте меня!
Въ васъ страшнѣе грозы
Блещутъ искры любви.

Нѣтъ, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнемъ неземнымъ
Сердце жгите мое!
Мучьте жаждой любви!
Я горю — и въ жару
Безконечно хочу
Оживать, умирать,
Чтобы, черны глаза,
Васъ съ любовью встрѣчать
И опять и опять
Горевать и страдать!

Неспроста ума
Жница жнетъ —не жнетъ,
Глядитъ въ сторону,
Забывается.

Молодая жница.

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печетъ
Землю-матушку.
Душно дѣвицѣ,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи.
Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горитъ-горьмя все
Лицо бѣлое;
Голова со плечъ
На грудь клонится,
Колосъ срѣзанный
Изъ рукъ валится...
Неспроста ума
Жница жнетъ—не жнетъ,
Глядитъ въ сторону,
Забывается.
Охъ, болитъ у ней
Сердце бѣдное,
Заронилось въ немъ
Небывалое!

Она шла вчера,
Нерабочимъ днемъ,
Лѣсомъ шла себѣ
По малинушку;
Повстрѣчался ей
Добрый молодецъ;
Ужъ не въ первый разъ
Повстрѣчался онъ.
Повстрѣчается,
Будто нехотя,
И стоитъ, глядитъ
Какъ-то жалобно.
Онъ вздохнулъ, запѣлъ
Пѣсню грустную,—
Далеко въ лѣсу
Раздалась та пѣснь;
Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицы
Отзвалась она
И запала въ ней...
Душно, жарко ей,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи...

Косарь.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
У меня ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая —
Моей матушки;
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри черные
Лежатъ скобкою;
Что работаю —
Все мнѣ спорится...
Да, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,

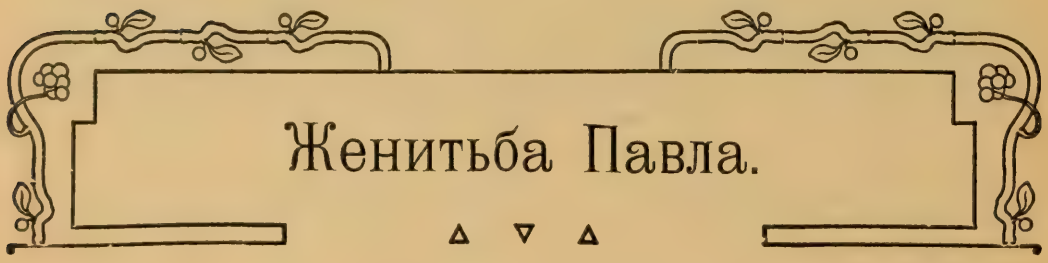
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку —
Лицо бѣлое —
Заря алая,
Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума...
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачомъ слыветъ?
Пускай домъ его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!..
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее —
И прости-прощай,
Село родное!
Не плачь, Грунюшка:

Косой вострою
Не порѣжусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ.
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!..
Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!

Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошоная,
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
На ряду съ травой

Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ,—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну.
Ворочусь въ село—
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной!..



Женитьба Павла.

Павелъ дѣвушку любилъ,
Ей подарковъ надарилъ:
Два аршина касандрики
Да платокъ, да черевики,

Да китаечки конецъ,
Да золоченый вѣнецъ.
Она стала щеголиха,
Какъ богатая купчиха.

Плясать въ улицу пойдетъ,
Распотѣшитъ весь народъ;
Пѣсни ль на голосъ заводитъ,
Словно зельями обводитъ.

Одаль молодцы стоятъ,
Межъ собою говорятъ:
«Всѣ мы ходимъ за тобою,
Чьей-то будешь ты женою?»

Плясать въ улицу пойдетъ,
Распотѣшитъ весь народъ.

Говорите. Самъ-третей,
Запрягъ Павелъ лошадей,
Везть товары подрядился,
Кой-гдѣ зиму волочился,

И, разгорившись казной,
Къ веснѣ ѣдетъ онъ домой;
Въ гости родныхъ созываетъ,
Свахой тетку наряжаетъ...

Большой выкупъ далъ отцу —
Кладъ достался молодцу.
Свадьбу весело играли,
Двѣ недѣли пировали.

Пѣсня.

Перстенечекъ золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Свѣтлой памятью любви
Въ очи черныя гляди.

Если грустно будетъ ей,—
Ты потускни, почернѣй;
Если радость—измѣнись,
Весь алмазомъ разгорись!

День забвенья ли придетъ,
Душа чувство изживетъ,—
Тогда, перстень золотой,
Почернѣй ты самъ собой!

Раздумье селянина.

Сяду я за столъ
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?
Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,
Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны, сохи,
Коня - пахаря...
Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ талантъ —
Силу крѣпкую;
Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.
Сяду я за столъ
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Лѣсъ.

(Памяти А. С. Пушкина.)

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силачъ,
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,

Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ впрахъ;

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь.

Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль было
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная.

У тебя ль было
Дни — роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются.

У тебя ль было
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ,—

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ,

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»

Закружитъ она,
Разыграется,—
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься:

Встрепенувшися,
Разбушуешься,—
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море.

Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился,

Одичалъ, замолкъ,—
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье...

Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова,
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному,
Силы вражія
Понахлынули,

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломинкой...

Горькая доля.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла;
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла.
Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась.
Отъ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что любилъ, какъ душу,
И то измѣнило.
Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце сожигаетъ.
До поры, до время
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!
Безъ любви, безъ счастья
По-міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою,
Съ горемъ повстрѣчаюсь!
На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ;
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ—гніетъ.

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ

Лихача Кудрявича.

Съ радости-веселья
Хмелемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.

Ихъ не гребень чешетъ—
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольца
Молодецка удаль.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ —
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.
Что шутя задумалъ,
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями,
Въ одинъ мигъ поспѣло.
Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что худо, — смотришь,
По водѣ поплыло!
Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!
Во-время да въ пору
Медомъ рѣчи льются,
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.
Про тѣ рѣчи, пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ.
Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется, —
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!
Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой,
Разливайтесь, пѣсни,
Ходи, парень, браво!

ВТОРАЯ ПѢСНЯ

Лихача Кудрявича.

Въ золотое время
Хмелемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русые сѣкутся.
Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота:
Полюбитъ забота —
Не чешетъ и гребень!
Не родись въ сорочкѣ,
Не родись талантливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.
Вѣкъ прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу,
Не уноситъ вѣтромъ.
Зла бѣда—не буря;
Горами качаетъ,

Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбора.
Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ.
Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...
И щемитъ и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все изъ рукъ вонъ плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.
То скосило градомъ,
То сняло пожаромъ;
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ..
Къ старикамъ на сходку
Выйти приневолятъ —
Старые лаптишки
Безъ онучъ обуешь,
Кафтанишко рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь,
Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитого счастья!

Ура.

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Ѣдетъ бѣлый русскій царь,
Православный государь,
Вдоль по царству-государству...
Русь шумитъ ему: ура!
Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Свѣтъ-царица въ путь идетъ—
Лаской жаловать народъ...
Ей навстрѣчу, на дорогу,
Русь валитъ, шумитъ: ура!
Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Князь наслѣдный, сынъ царя,
Дня румяная заря,
Ѣдетъ Русь святую видѣть...
Русь кипитъ, шумитъ: ура!

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ;
Трубы русскія трубятъ,
Браво ходитъ нашъ солдатъ
Передъ царскою семьей—
Онъ шумитъ-гремитъ: ура!
Мысль народа, звукъ души,
Всероссійское «ура»!
Ты—во всемъ царю отвѣтъ;
Лучшей пѣсни въ мірѣ нѣтъ.
Исполинъ, царю послушный,
Все сомкнулъ въ своемъ «ура».
Это пылъ любви живой,
Сильной, вѣчной и святой,
Къ коронованнымъ главамъ;
Это страхъ, гроза врагамъ;
Это посвистъ богатырскій—
Вотъ что русское «ура»!

Два прощанія.

„Такъ ты, моя
Красавица,
Лишилась вдругъ
Двухъ молодцевъ.
Скажи же мнѣ,
Какъ съ первымъ ты
Разсталася,
Прощалася?»
— Разсталась съ нимъ
Я весело,
Прощалася—
Смѣялася...

„Я ѣду, вишь,
Не надолго
Еще съ тобой
Увидимся...“

А онъ ко мнѣ,
Бѣдняжечка,
Припалъ на грудь
Головушкой;
И долго такъ
Лежалъ, молчалъ;
Смочилъ платокъ
Горючими...
«Ну, Богъ съ тобой!»
Промолвилъ мнѣ,
Схватилъ коня,
Поѣхалъ въ путь —
Въ чужихъ краяхъ
Коротать вѣкъ.
«И ты надъ нимъ
Смѣялася?
Его слезамъ
Не вѣрила?
Скажи жъ теперь,
Мудреная,
Какъ ты съ другимъ
Прощалася?»
— Другой не то...
Не плакалъ онъ,
А и теперь
Все плачу я.

Ахъ, обнялъ онъ
Такъ холодно,
Такъ сухо рѣчь
Повелъ со мной:
«Я ѣду, вишь,
Не надолго;
Еще съ тобой
Увидимся
И вволюшку
Наплачемся».
По сердцу ли
Такой привѣтъ?
Махнулъ рукой,
Не кланяясь,
Въ мое лицо
Не смотрючи;
Пустилъ коня —
И былъ таковъ!
«Кто жъ памятнѣй
Останется
Душѣ твоей,
Красавица?»
— Мнѣ перваго,
Конечно, жаль;
Люблю же я
Послѣдняго.

Пора любви.

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ-полна;
Поютъ онѣ и день и ночь,—
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица
И смысла въ нихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ волшебныя:
Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь — огонь; съ огня — пожаръ...
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра-дня!
Какъ разъ бѣду наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.
Стоитъ она, задумалась,
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Запала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая—
Песку со дна не выкинетъ;
Въ лицѣ—огонь, въ глазахъ—туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря...
Весной въ рѣкѣ при мѣсяцѣ
Поитъ коня дѣтинушка:
Самъ думаетъ онъ думушку

Про дѣвицу завѣтную:
«Четвертый годъ, какъ я люблю
Меньшую дочь сосѣдскую;
Пойдешь за ней на улицу,
Затѣешь рѣчь сторонкою,—
Такъ нѣтъ, куда! Сидитъ, молчитъ...
Пошлешь къ отцу посвататься,—
Сѣдой старикъ спесивится:
Нельзя никакъ—жди череду.
«Болитъ моя головушка,
Щемитъ въ груди ретивое,
Печаль моя всесвѣтная;
Пришла бѣда незванная,
Какъ съ плечъ свалить,—не знаю самъ.
И сила есть, да воли нѣтъ;
Наружи кладъ, да взять нельзя:
Заклялъ его обычай нашъ;
Ходи, гляди да мучайся,
Толкуй съ башкой порожнею...
«Возьму жъ я ржи двѣ четверти,
Поѣду жъ я на мельницу:
Про мельника слухъ носится,
Что мастеръ онъ присушивать.
Скажу ему: «Иванъ Кузьмичъ!
Къ тебѣ нужда есть кровная;
Возьми съ меня, что хочешь ты,
Лишь сдѣлай мнѣ по-своему».
Въ селѣ весной при мѣсяцѣ
Спокойно спитъ крещеный міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ-другъ съ сосѣдкою;
Промежъ себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.
Даетъ онъ ей съ руки кольцо,
У ней беретъ себѣ въ обмѣнъ;
А не былъ онъ на мельницѣ,
Иванъ Кузьмичъ не грѣшенъ тутъ.

Ахъ, степь, ты, степь зеленая,
Вы, пташечки пѣвучія,
Разнѣжили вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника!
У васъ весной присуха есть,
Сильнѣй присухъ нашоптанныхъ...

Измѣна суженой.

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее,
Да не грѣетъ меня, молодца!
Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой.
Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.
Я пошелъ къ людямъ за помощью,—
Люди съ смѣхомъ отвернулися;
На могилу къ отцу, матери,—
Не встаютъ они на голосъ мой.
Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ,
Я упалъ въ траву безъ памяти...
Въ ночь глухую буря страшная
На могилѣ подняла меня....
Въ ночь подъ бурей я коня сѣдлалъ,
Безъ дороги въ путь отправился—
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться...

Пѣсня.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилаго—
Мужа стараго?
Небось, весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!
Небось, весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемычное!
Небось, сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великій день.

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ—печаль,
На душѣ—тоску.
Поздно, родные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!
Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На полъ сыплется,
Не расти травѣ
Послѣ осени,
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

Послѣдній поцѣлуй.

Обойми, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ поскорѣй
Поцѣлуй горячѣй!
Что печально глядишь?
Что на сердцѣ таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Изъ очей слезъ не лей:
Мнѣ не надобно ихъ,
Мнѣ не нужно тоски...
На полгода всего
Мы разстаться должны.
Есть за Волгой село
На крутомъ берегу:
Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ.

Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной—
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.
Мучитъ душу мою
Твой печальный уборъ:
Для чего ты въ него
Нарядила себя?
Разрядись, уберись
Въ свой нарядъ голубой
И на плечи накинь
Шаль съ каймой расписной;
Пусть пылаетъ лицо,
Какъ поутру заря,
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!

Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой!
Какъ весна, хороша
Ты, невѣста моя!

Обойми жъ, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ поскорѣй
Поцѣлуй горячѣй!

Деревенская бѣда.

На селѣ своемъ жилъ молодецъ,
Ничего не зналъ, не вѣдывалъ—
Со друзьями гулялъ, бражничалъ,
По всему селу роскошничалъ.
Въ день воскресный, съ утра до ночи,
Въ хороводѣ пѣсни игрывалъ;
Вмѣстѣ съ дѣвицей-красавицей
Пляски новыя выдумывалъ.
Полюбилъ я эту дѣвушку:
Что душою—больше разумомъ,

Больше поступью павлиною,
Да что рѣчью соловьиною...
Какъ, бывало, лѣтомъ съ улицы
Мы пойдемъ съ ней рука объ руку
До двора ея богатаго,
До крыльца ея высокаго,
Да какъ гляну, противъ зорюшки,
На ея глаза, бровь черную,
На ея лицо, грудь бѣлую,
Всю монистами покрытую,—
Аль ни потъ съ лица посыплется,
Аль ни въ грудь душа застукаетъ,
Мѣсяцъ въ облака закроется,
Звѣзды мелкія попрячутся...
Такъ, за полночь съ нею сидючи,
По-душѣ мы рѣчь затѣяли;
Поцѣлуями помолвились,
Другъ за другомъ быть условились.
На погибель мою, староста
За сынка впередъ посватался,
И его казна несмѣтная
Повернула все по-своему.
Тошно, грустно было на сердцѣ,
Какъ изъ церкви мою милую
При народѣ взялъ онъ за руку,
Съ похвальбою поклонился мнѣ.
Тошно, грустно было на сердцѣ,
Какъ онъ съ нею вдоль по улицѣ
Что есть духу поскакалъ, злодѣй,
Къ своему двору широкому.
Я стоялъ, глядѣлъ, задумался;
Снявши шапку—хватилъ объ землю,
И пошелъ себѣ загуменьемъ—
Подъ его окошки красныя.
Тамъ огни горятъ; тамъ дѣвушки
Поютъ пѣсни; тамъ товарищи

Пьютъ, играютъ, забавляются;
Съ молодыми всѣ цѣлуются.
Вотъ приходитъ полночь мертвая—
Разошлися гости пьяные,
Добры молодцы разъѣхались,
И вороты затворилися...
Въ эту пору для пріятеля
Заварилъ я брагу хмельную,
Заигралъ я свадьбу новую,
Что бесѣду небывалую:
Аль ни дымъ пошелъ подъ облаки,
Аль ни пламя закрутилося;
По сосѣдямъ—черезъ улицу—
На мою избушку бросилось.
Гдѣ стоялъ его богатый домъ,
Гдѣ была избушка бѣдная,—
Утромъ все съ землей сравнялося—
Только уголья чернѣлися...
Съ той поры я съ горемъ-нуждою
По чужимъ угламъ скитаюся,
За дневной кусокъ работаю,
Кровнымъ потомъ умываюся.

Пѣсня.

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку колыхаетъ,
Путь, мою дорогу
Пылью покрываетъ.
Выходи жъ ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою.
Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ —
Безъ пути, безъ свѣта
Свою долю сыщетъ.
Что ему дорога,
Тучи громовыя,
Какъ придутъ по-сердцу
Очи голубыя!
Что ему на свѣтѣ
Доля не людская,
Когда его любитъ
Она, молодая!

Пѣсня разбойника.

(Памяти друга А. П. Серебрянскаго.)

Не страшна мнѣ, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Лѣса темные, дремучіе,
Вьюги зимнія, крещенскія...
Ужъ какъ было: по темнымъ лѣсамъ
Пировалъ я зимы круглыя;
По чужимъ краямъ, на свой таланъ,
Погулялъ я, поохотился.
А по Волгѣ, моей матушкѣ,
По родимой по кормилицѣ,
Вмѣстѣ съ братьями, за добычью
На край свѣта леталъ соколомъ.
Но не Волга, лѣса темные,
Вьюги зимнія, крещенскія,
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь желѣзную...
Въ некрещеномъ славномъ городѣ,
На крутомъ, высокомъ островѣ,

Живетъ дѣвушка-красавица,
Дочка гостя новгородскаго...
Она въ теремѣ что зорюшка,
Подъ окномъ сидитъ растворенным:
Поетъ пѣсни задушевныя,
Наши братскія-отцовскія.
«Ахъ, душа ль, моя ты душенька!
Что сидишь ты? Что ты думаешь?
Али рѣчь моя не по-сердцу?
Али батюшка спесивится?
Не сиди, не плачь; ты кинь отца,
Ты бѣги ко мнѣ изъ терема;
Мы съ тобою, птицы вольныя,
Жить поѣдемъ въ Москву красную».
Отвѣчаетъ ему дѣвица:
«За любовь твою, мой милый другъ,
Рада кинуть отца съ матерью,
Но боюсь суда я страшнаго!»
Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку...

Бѣгство.

Ужъ какъ гляну я на поле—
Поле чистое дрогнетъ,
Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на ночь.
Я изъ поля въ лѣсъ дремучій—
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.
Крикну лѣсу, топну въ берегъ—
Лѣшій за горы уйдетъ,

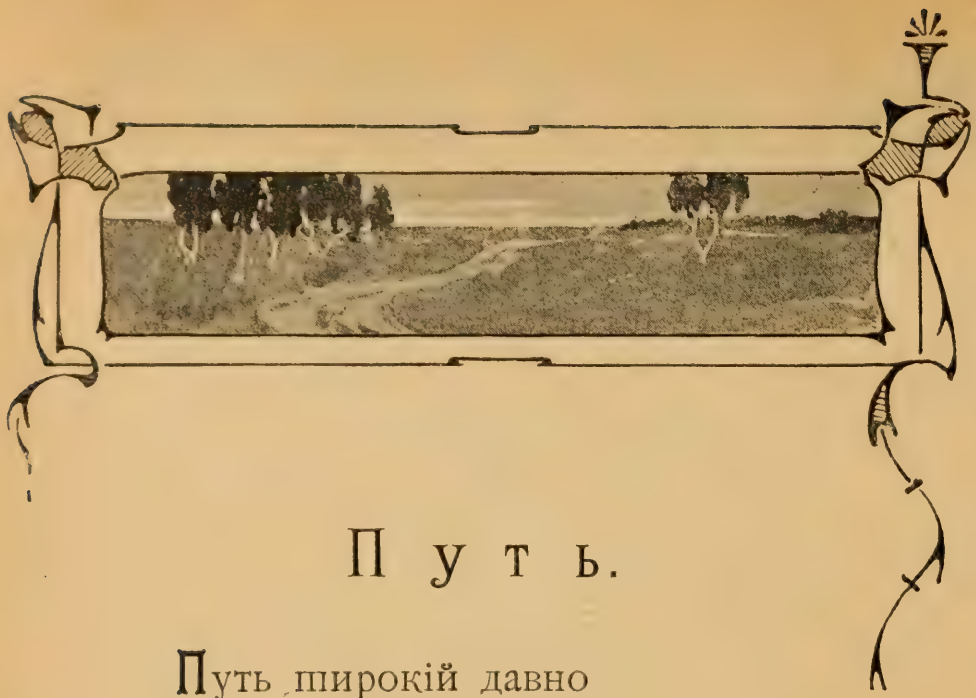
Скучно въ теремѣ весною
Одинокой горевать;
То ли дѣло на просторѣ
Друга къ сердцу прижимать!

Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.
Я чрезъ рѣчку огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду.
Свистну—въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно;
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.
Скучно въ теремѣ весною
Одинокой горевать;
То ли дѣло на просторѣ
Друга къ сердцу прижимать!
Поднимайся, туча-буря,
Съ полуночною грозой!
Зашатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой,
Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ,
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украйну прискакалъ.
Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ, гдѣ намъ отдохнуть;
Отъ боярина сокроютъ,
Хату славную дадутъ.
Будемъ жить съ тобой по-пански...
Эти люди — намъ друзья;
Что душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я!
Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ;
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчою съ серебромъ!

———

Товарищу.

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ?
Вѣруй силамъ души
Да могучимъ плечамъ.
На заботы жъ свои
Чуть заря поднимись,
И одинъ во весь день,
Что есть мочи, трудись.
Неудачи, бѣда —
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.
И такъ бейся, пока
Случай счастье найдётъ,
И на славу твою
Жить съ тобою начнетъ.
Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно и смѣшно,
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ
И тѣ жъ люди-враги,
Что чуждались тебя,
Богъ ужъ вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.
Ты не сердись на нихъ;
Но спокойно, въ тиши
Жизнь горою пируй
По желаньямъ души.



Путь.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать ни ходить...
Кто же держитъ меня,
И что кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до сихъ поръ
Не стремлюся я вдаль?
Или доля моя
Сиротой родилась?
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась?
По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!
Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ;
И лихой вороной
Ужъ осѣдланъ стоитъ.
Да на путь — по душѣ —
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ:

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель итти —
Пѣсни пѣть соловьемъ!

Пѣсня.

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.
Горемычной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдинъ любовью
Душа не согрѣта.
Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь—
Жалко съ нимъ проститься!

Доля жъ, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время
Въ воду камнемъ пала?
Поднимись, что силы,
Размахни крылами:
Можетъ, наша радость
Живетъ за горами,
Если нѣтъ — у моря
Сядемъ да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!

Тоска по волѣ.

Загрустилась, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи соколиныя
Не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ.
Тяжело жить дома съ бѣдностью,
Даромъ хлѣбъ сбирать подъ окнами:
Тяжелѣй того въ чужихъ людяхъ
Быть въ неволѣ, въ одиночествѣ.
Дни проходятъ здѣсь безъ солнышка,
Ночи темныя—безъ мѣсяца;
Бури страшныя, громовыя
Удалой души не радуютъ.
Гдѣ жъ друзья, мои товарищи?
Куда дѣлись, разлетѣлися?
Иль не хочутъ дать мнѣ помочи?
Или голосъ мой разноситъ вѣтръ?
Знать, забыли время прежнее,
Какъ, бывало, въ полночь мертвую,
Крикну, свистну имъ изъ-за лѣса,—
Аль ни темный лѣсъ шелохнется...
И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучіе,
Всѣ въ одинъ мигъ собираются—
Погулять ночь, пороскошничать.
А теперь, какъ крылья быстрыя
Судьба злая мнѣ подрѣзала,—
И друзья, мои товарищи,
Одного меня всѣ кинули...
Гой ты, сила пододонная!
Отъ тебя я службу требую—
Дай мнѣ волю, волю прежнюю,
А душой тебѣ я кланяюсь...

Хуторокъ.

За рѣкой, на горѣ,
Лѣсъ зеленый шумитъ;
Подъ горой, за рѣкой,
Хуторочекъ стоитъ.

Въ томъ лѣсу соловей
Громко пѣсни поетъ;
Молодая вдова
Въ хуторочкѣ живетъ.

Въ эту ночь-полуночь
Удалой молодецъ
Хотѣлъ быть, навѣстить
Молодую вдову...

На рѣкѣ рыболовъ
Поздно рыбу ловилъ;
Погулять, ночевать
Въ хуторочекъ приплылъ.

«Рыболовъ мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекоръ дома сидитъ —
Онъ не любитъ тебя...

Не сердися, плыви
Въ свой рыбачій курень;

Завтра жъ, другъ мой, съ тобой
Гулять рада весь день».
— Сильный вѣтеръ подулъ,
А ночь будетъ темна...
Лучше здѣсь, на рѣкѣ,
Я просплю до утра. —
Опозднился купецъ
На дорогѣ большой;
Онъ свернулъ ночевать
Ко вдовѣ молодой.
«Милый купчикъ-душа!
Чѣмъ тебя мнѣ принять...
Не топила избы,
Нѣту сѣна, овса.
Лучше къ куму въ село
Поскорѣе ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заѣзжай!»
— До села далеко;
Конь усталъ мой совсѣмъ;
Есть свой кормъ у меня:
Не печалься о немъ.
Я вчера въ городкѣ
Долго былъ—все купилъ;
Вотъ подарокъ тебѣ,
Что давно посулилъ. —
«Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила на-смерть;
Ступай къ куму въ село».
— Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживетъ
Вмигъ головка твоя.—
Засвѣтился огонь,
Закурилась изба;

За столомъ съ рыбакомъ
Ужъ гуляетъ купецъ...

А въ окошко глядитъ
Удалой молодецъ.

Для гостей дорогихъ
Столъ готовитъ вдова.

За столомъ съ рыбакомъ
Ужъ гуляетъ купецъ...
А въ окошко глядитъ
Удалой молодецъ.

«Ты, рыбакъ, пей вино!
Мнѣ съ сестрой наливай!
Если мастеръ — плясать,
Пѣть мы пѣсни давай!

Я съ людями люблю
По-пріятельски жить;
Ваше дѣло — поймать,
Наше дѣло — купить...

Такъ со мною, прошу,
Безъ чиновъ — по рукамъ!
Одну басню твержу
Я всѣмъ добрымъ людямъ:

Горе есть — не горюй,
Дѣло есть — работай,
А подъ случай попалъ —
На здоровье гуляй!»

И пошелъ съ рыбакомъ
Купецъ пѣсни играть,
Молодую вдову
Обнимать, цѣловать.

Не стерпѣлъ удалой,
Загорѣлась душа!
И, — какъ глазомъ моргнуть, —
Растворилась изба...

И съ тѣхъ поръ въ хуторкѣ
Никого не живетъ;
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ...

Что ты спишь, мужичокъ.

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ и что сталъ?
И что есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;

И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое,
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

Пѣсня.

Говорилъ мой другъ, прощаючись:
«Не грусти, не плачь ты попусту,
Не печаль лица ты бѣлаго,
Не гаси румянца алаго.

Ты вѣдь знаешь, моя милая,
Что иду я не охотою;
Но судьба велитъ, нужда несетъ —
Отецъ силой проситъ дома жить.

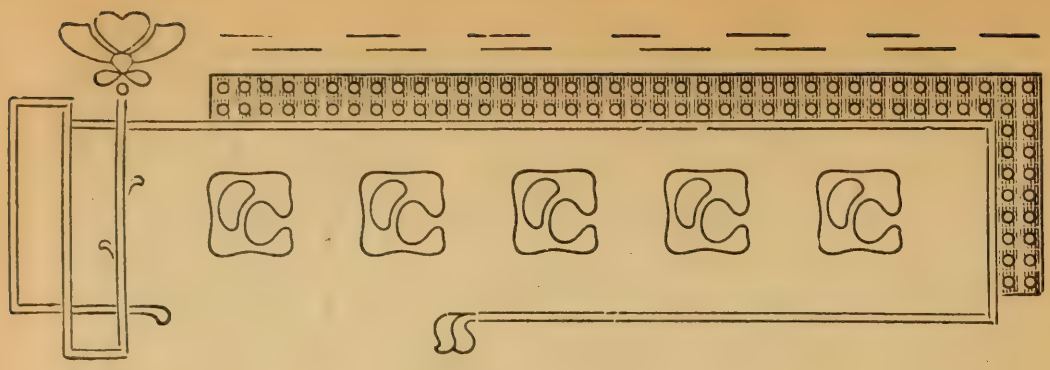
Я пойду, скажу: вотъ, батюшка,
Мой избытокъ весь возьми себѣ;
Но въ твоемъ дому родительскомъ
Не жилецъ я, не кормилецъ твой!

Не держи жъ, пусти, дай волюшку
Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастливится»...

Говорилъ такъ другъ, прощаючись,
А въ душѣ его былъ замыселъ:
Не къ отцу итти—въ иномъ селѣ
Замужъ взять вдову богатую...

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сержуся...
Хоть и женишься — раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ-быть, воротишься.

Хоть и женишься — раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ-быть, воротишься.



Пѣсня.

Безъ ума, безъ разума,
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укоротали.

Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили,
За стекломъ отъ солнышка
Красоту лелѣяли,

Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучалась.

Говорятъ родимые:
Поживется — слюбится;
И по сердцу выберешь —
Да горчѣе придется.

Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтовать,
И съ собою молодость
Безъ расчета сравнивать!

Пѣсня.

Свѣтитъ сонышко—
Да осенью;
Цвѣтутъ цвѣтики—
Да не въ пору...
А весной была
Степь желтая,
Тучки плавали
Безъ дождика.
По ночамъ роса
Гдѣ падала—
Поутру трава
Тамъ сохнула.

И тѣ пташечки,
Касаточки,
Пѣли грустно такъ
И жалобно,
Что, ихъ слушая,
Кровь стынула,
По душѣ лилась
Боль смертная.
Такъ прошла моя
Вся молодость—
Безъ любви души,
Безъ радости

Дума сокола.

(В. П. Б—ну.)

Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить,
Мою молодость
Ни за что губить?
Долго ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?
Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?
Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачехой
Самъ собою жить?
Для чего жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?
Иль зачѣмъ она,
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой?
Отъ меня летитъ—
Пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ...
Нѣтъ, ужъ полно мнѣ
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль
Изъ окна глядѣть!
Со двора пойду,
Куда путь манитъ;
А жить стану тамъ,
Гдѣ ужъ Богъ велитъ.

Пѣсня.

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ.
Та весна далеко!
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ мы съ нимъ
Завивали вѣнки!
И тѣхъ нѣтъ ужъ и дней,
Что летѣли стрѣлой,
Что любовью насъ жгли,
Что палили огнемъ!
Все прошло ужъ давно...
Не воротишь назадъ!
Для чего жъ безъ него
Цвѣты стану я рвать?
Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди,
Злая грусть налегла...

Пѣсня.

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой!
Хочетъ воли она,
Проситъ жизни другой!
То ли дѣло—вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!
То ли дѣло вдвоемъ
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать.
Поутру, на зарѣ,
Обнимать-провожать
Вечеркомъ, у воротъ,
Его вновь поджидать!

Разлука.

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую;
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.
Что предъ ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава—парча шелковая,
Заря-вечеръ, ночь волшебница!
Хороши вы, когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ—хоть бы не было;
Съ ней зима—весна, ночь—ясный день!
Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ
Я сказалъ ей: «Прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ—разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся»...
Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося,—
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.
«Не ходи, постой, дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать
На тебя, на ясна сокола»...
Занялся духъ—слово замерло...

Пѣсня.

Не на радость, не на счастье,
Знать, съ тобой мы, другъ мой, встрѣтились;
Знать, на горе-горемычное
Такъ сжились мы, такъ слюбилися.

Жилъ одинъ я, въ одиночествѣ,—
Холостая жизнь наскучила;
Полюбилъ тебя, безродную,—
Полюбивши, весь измучился.

Гдѣ ты, время, гдѣ ты, времечко,
Какъ одно я только думывалъ:
Гдѣ бы, какъ съ тобой увидѣться,
Однимъ словомъ перемолвиться!

Тогда было,—иду, ѣду ли,
Ты всегда со мной, съ ума нейдешь;
На грудь полную ручкой бѣлою
Ты во снѣ меня всю ночь зовешь...

А теперь другая думушка
Грызетъ сердце, крушитъ голову:
Какъ въ чужомъ углѣ съ тобой намъ жить,
Какъ свою казну трудомъ нажить?

Но куда умомъ ни кинуся—
Мои мысли врозь расходятся,
Безъ слѣда вдали теряются,
Черной тучей покрываются...

Погубить себя?—не хочется!
Разойтися?—нѣту волюшки!
Обмануть, своею бѣдностью
Красоту сгубить?—жаль до-смерти!

Перепутье.

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала,
Что ужъ шагу ступить некуда:
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ!
Что жъ, теперь съ тобой удалая,
Пригадаемъ мы, придумаемъ?—
Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять ли?
Сидя дома ли состариться?
По людямъ ходить, за море плыть—
Надо кровь опять горячую,
Надо силу, силу прежнюю,
Надо волю безотмѣнную...
А у насъ съ тобой давно ихъ нѣтъ;
Мы, гуляя, все потратили.
Молодую жизнь до времени,
Какъ попало, такъ и прожили!
Сидѣть дома, болѣть-стариться,
Съ старикомъ-отцомъ вновь ссориться,
Работать, съ женой хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать...
Хоть не такъ оно—не выгодно.
Но, положимъ, дѣлать нечего;
Въ непогоду—не до плаванья,
За большимъ въ нуждѣ не гонятся...
Но вотъ тутъ скажи, какъ придется,
По-душѣ спросить, по-совѣсти:
Кто пойдетъ за насъ, гдѣ будемъ жить?
Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ?
Куда глянешь—всюду наша степь;
На горахъ—лѣса, сады, дома;
На днѣ моря—груды золота;
Облака идутъ—нарядъ несутъ!

Пѣсня.

Дуютъ вѣтры,
Вѣтры буйные;
Ходятъ тучи,
Тучи темныя.
Не видать въ нихъ
Свѣта бѣлаго;
Не видать въ нихъ
Солнца краснаго.
Во сырой мглѣ
За туманами,
Только ночка
Лишь чернѣется...

Въ эту пору
Непогожую
Одному жить—
Сердцу холодно.
Грудь другую
Ему надобно;
Огонь-душу—
Красну дѣвицу!
Съ ней зимою—
Лѣто теплое;
При бездольѣ
Горе—не горе!

Военная пѣсня.

(Посвящено князю П. А. Вяземскому.)

Затрубили трубы бранныя,
Собралася рать могучая,
Стала грудью противъ недруга—
За царя, за кровъ, за родину.
Ты прости теперь, отецъ и мать,
Ты прости теперь, мой милый другъ,
Ты прости теперь, и степь, и лѣсъ,
Дорогая жизнь—весь бѣлый свѣтъ...
Гей, товарищъ мой, желѣзный штыкъ!
Послужи жъ ты мнѣ по-старому:
Какъ служилъ ты при Суворовѣ,
Силачу-отцу, дѣду-воину.
Гей, сестра, ты—сабля острая!
Попируемъ мы у недруга,
Погуляемъ, съ нимъ потѣшимся,
Выпьемъ браги бусурманскія!..

Ужъ когда мнѣ, добру молодцу,
Присудилъ Богъ сложить голову,—
Не на землю жъ я сложу ее!
А сложить—сложу на груду тѣлъ...
Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мнѣ:
Въ груди сердце богатырское
Закипѣло, расходилося!

Всякому свой талантъ.

Какъ женился я,—раскаялся;
Да ужъ поздно,—дѣлать нечего:
Обвѣнчавшись—не разженишься;
Наказалъ Господь, такъ мучайся.
Хоть бы взялъ ее я силою,
Иль обманутъ былъ злой хитростью;
А то волей своей доброю,
Гдѣ задумалъ, тамъ сосватался.
Было кромѣ много дѣвушекъ,
И хорошихъ и талантливыхъ;
Да ни съ чѣмъ взять, видишь, совѣстно
Отъ своей родни, товарищей,
Вотъ и выбралъ, по ихъ разуму,
По обычаю—какъ водится:
И съ роднею и съ породою,
Именитую, почетную,
И живемъ съ ней, только ссоримся
Да роднею похваляемся;
Да, проживши все добро свое,
Въ долги стали неоплатные...
«Теперь придетъ время тѣсное:
Что намъ дѣлать, жена, надобно?»
— Какъ, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупаго?—

«Ахъ, жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилася,
Такъ зачѣмъ же мою голову
Ты сгубила, змѣя лютая?
Придетъ время, время грозное,
Кто поможетъ? Куда дѣнемся?»
— Самъ прожился, мой безумный мужъ,
Да у бабы ума требуетъ...

Пѣсня.

Гдѣ вы, дни мои,
Дни весенніе,
Ночи лѣтнія
Благодатныя?
Гдѣ ты жизнь моя,
Радость милая!
Пылкой юности
Заря красная?
Съ какой гордостью
Я смотрѣлъ тогда
На туманную
Даль волшебную?
Тамъ свѣтился свѣтъ
Голубыхъ очей;
Тамъ мечтамъ моимъ
Конца не было!
Но среди весны,
Въ цвѣтѣ юности,
Я сгубилъ твою
Душу чистую...
Безъ тебя одинъ,
Я съ тоской гляжу,
Какъ ночная тьма
Покрываетъ день...

Пѣсня.

Много есть у меня
Теремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.
Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомыхъ бояръ,
И надежныхъ друзей.
Много есть у меня
Жемчуговъ и мѣховъ,
Драгоцѣнныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.
Много есть у меня
Для пировъ—серебра,
Для бесѣдъ—красныхъ словъ,
Для веселья—вина!
Но я знаю, на что
Травъ волшебныхъ ищу;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу...

Грусть дѣвушки.

Отчего, скажи,
Мой любезный серпъ,
Почернѣлъ ты весь,
Что коса моя?

Иль обрызганъ ты
Въ скукѣ-горести
По миломъ дружкѣ
Слезой дѣвичьей?

Въ широкихъ степяхъ
Дона тихаго
Зелена трава
Давно скошена;

На селѣ косцы
Давно женятся,—
Только нѣтъ его,
Ясна сокола!

Иль онъ бросилъ домъ,
Разлюбилъ меня
И не придетъ ужъ
Къ своей дѣвицѣ?..

Ахъ, не птица тамъ
Летитъ по небу:
То печальный слухъ
Объ немъ носится...

Не къ добру жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь;
Нѣтъ, не къ радости
Плакать хочется...

Расчетъ съ жизнью.

(В. Г. Б—му.)

Жизнь! зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?
Почти вѣкъ я прожилъ,
Никого не любя.

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,—
И что ждало меня
Я не видѣлъ за нимъ.
Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма-судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;
Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ!
Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела...
Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Если бъ силу Богъ далъ—
Я разбилъ бы тебя!

Ночь.

(Князю В. Ѳ. Одоевскому.)

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою.
А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила;
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна,
Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ;
Мрачный образъ къ намъ
Изъ него глядѣлъ.

Улыбаясь, онъ
Зубъ о зубъ стучалъ,
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ.
Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой...
И тотъ призракъ былъ—
Ея мужъ лихой...
По костямъ моимъ
Пробѣжалъ морозъ;
Самъ не знаю, какъ
Къ полу я приросъ.
Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ,
Я схватился съ нимъ—
И онъ мертвый палъ.

«Что жъ ты, милая,
Вся какъ листъ дрожишь?
Съ дѣтскимъ ужасомъ
На него глядишь?
Ужъ не будетъ онъ
Караулить насъ;
Не придетъ теперь
Въ полуночный часъ!..»
— Ахъ, не то, чтобъ я.
Умъ мѣшается...
Все два мужа мнѣ
Представляются:
На полу одинъ
Весь въ крови лежитъ;
А другой—смотри—
Вонъ въ саду стоитъ!

Пѣсня.

Ты прости-прощай,
Сыръ дремучій боръ,
Съ лѣтней волею,
Съ зимней вьюгою!
Одному съ тобой
Надоѣло жить,
Путь-дорогою
До зари ходить!

Поднимусь, пойду
Въ свою хижину,
На житье-бытье
На домашнее.
Тамъ возьму себѣ
Молоду жену
И начну съ ней жить
Припѣваючи...

Пѣсня.

Не весна тогда
Жизнью вѣяла,
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася!
Не заря съ небесъ
Красовалася,

Не луна на насъ
Любовалася!
Нѣтъ, подъ холодомъ,
Подъ туманами,
Ты въ объятьяхъ жгла—
Поцѣлуями!

Ночи темныя,
Ночи бурныя
Шли какъ облачки
Мимо солнышка...
Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя,
Напѣвали намъ
Пѣсни чудныя!
Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили въ край
Заколдованный!

Пѣсня.

Разступитесь, лѣса темные,
Разойдитесь рѣки быстрыя,
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мнѣ вѣстку, моя пташечка!
Я рѣкой пойду по бережку,
Полечу горой за облакомъ,
На край свѣта, на край бѣлаго —
Искать стану друга милаго...
Я найду его, гдѣ бъ ни былъ онъ,
Я скажу ему: «Стыдно, совѣстно
Бросить домъ свой, отца стараго,
Да Богъ вѣсть куда завихриться».
Какъ завьетъ онъ кудри черные,
Какъ надѣнетъ кафтанъ бархатный,
Подпояшетъ кушакъ шелковый,
Поцѣлуетъ, скажетъ ласково:
«Нѣтъ, душа моя, ошиблась ты,
Я не въ полѣ вихремъ вѣялся:
По людямъ ходилъ, деньгу копилъ,
За морями счастье пробовалъ.
Моя доля здѣсь счастливая:
Я нажилъ тебѣ два терема,
Лисицъ, шелку, много золота —
Станетъ вѣкъ прожить боярами».
Ахъ, вы, душеньки-подруженьки,
Не отъ горя плачу — съ радости,
На душѣ она огнемъ горитъ,
А нѣтъ силы словъ души открыть!..

Старая пѣсня.

Изъ лѣсовъ дремучихъ сѣверныхъ
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная, могучая
Царя грознаго московскаго;
Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее —
Перешла тамъ сила русская
Степь пустую, непроходную.
И пришла она, незваная,
Къ царству славному, Казанскому —
Къ басурману — хану лютому,
Къ свому недругу заклятому.
И куда еще — спитъ зорюшка,
А ужъ бьется Русь съ татариномъ, —
Стѣны крѣпкія разрушила,
И пошла гулять по городу.
Воеводы, рати храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ татаръ по улицамъ;
А на башнѣ, съ русскимъ знаменемъ,
Юный царь стоитъ, какъ солнышко!

Доля бѣдняка.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмельная —
Не разымчива!
Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...
Изъ души ль порой
Радость вырвется —
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится,
И бѣлъ, ясенъ день
Затуманится,
Грустью черною
Міръ одѣнется.
И сидишь, глядишь,
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

Пѣсня.

Какъ здоровъ да молодъ—
Безъ веселья веселъ;
Безъ призыва счастье
И валитъ и ѣдетъ.
Въ непогоду-вѣтеръ —
Шапка на макушкѣ;
Проходи, попъ, баринъ,—
Волоска не тронемъ!
Только думъ, заботы
У царя-головки:
Погулять по свѣту,
Пожить нараспашку;
Свою удаль-силку
Попытать на людяхъ,
Чтобъ не стыдно вспомнить
Молодое время!..

Еще старая пѣсня.

Въ Александровской слободкѣ
Пьютъ, гуляютъ молодцы,
Все опричники лихіе,
Молодые чернецы.
Посреди ихъ царь-святоша
Въ рясѣ бархатной сидитъ,
Распѣваетъ тихо псалмы,
Жезломъ по полу стучитъ.

Самъ изъ кубка золотого
Вина, меду много пьетъ;
Поднимается какъ туча—
На всю слободу ре́четъ:
«Враги царскіе не дремлютъ;
Я жъ какъ соня здѣсь живу...
На коней скорѣй садитесь,
Да поѣдемте въ Москву!
Что за медъ здѣсь? что за брага?
Опротивѣлъ хлѣбъ сухой;
На московской на площадкѣ
Мы сготовимъ пиръ другой!
Наѣдимся тамъ досыта
Человѣчины сырой,
Перепьемся мы допьяна
Крови женской и мужской!
Бѣдный рабъ, я—царь наслѣдный
Надъ моими надъ людьми:
На кого сурово взглянемъ—
Скушаемъ съ дѣтьми!»
Царь-ханжа летитъ, какъ вихорь,
Съ саранчою удальцовъ,
Москву-матушку пилатить—
Кушать мясо и пить кровь!

Пѣсня.

Я любила его
Жарче дня и огня,
Какъ другимъ не любить
Никогда, никогда,
Только съ нимъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила:
Ему душу мою,—
Ему жизнь отдала!
Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
Вся блѣдна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вотъ идетъ онъ, поетъ:
«Гдѣ ты, зорька моя?»
Вотъ онъ руку беретъ,
Вотъ цѣлуетъ меня!
«Милый другъ, погаси
Поцѣлуи твои!

И безъ нихъ при тебѣ
Огнь пылаетъ въ крови;
И безъ нихъ при тебѣ
Жжетъ румянецъ лицо,
И волнуется грудь,
И блистаютъ глаза
Словно въ небѣ звѣзда!»

Пѣсня.

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду.
«Безъ знакомыхъ, одинъ, —
Сказалъ, — радость, приду.

Мѣсяцъ будь иль не будь,
Конь дорогу найдетъ;
Самъ лукавый впотьмахъ
Съ ней его не собьетъ,

И до ночи метель
Снѣгомъ путь весь закрой:
Безъ дороги чутьемъ
Сыщетъ домикъ онъ твой!..»

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду;
Онъ, прощаясь, сказалъ:
«Хоть умру, а приду.

Что мнѣ крѣпкій замокъ,
Караулъ, ворота?
Воеводская дверь
Мнѣ всегда расперта.

Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ,
А съ тобою, мой другъ,
Города нипочемъ!»

Пѣсня.

Что онъ ходитъ за мной,
Всюду ищетъ меня
И, встрѣчаясь, глядитъ
Такъ лукаво всегда?
Что смѣшного во мнѣ—
Я понять не могу;
И за мною ходить
Кто далъ право ему?
Помню, какъ-то давно,
У знакомыхъ былъ балъ,
Какъ безумный, всю ночь
Онъ со мной танцовалъ!

Слова нѣтъ—онъ хорошъ:
Брови, носъ и лицо...
Но глаза—за глаза
Ненавижу его!
Голубые они...
И какъ жарко горятъ!
Будто яда полны,
Будто съѣсть васъ хотятъ!..
Нѣтъ, отстаньте, прошу,
Не слѣдите меня;
Вашихъ дьявольскихъ глазъ
Я боюсь, какъ огня!..

ДУМЫ.

Великая тайна.

Тучи носятъ воду,
Вода поитъ землю,
Земля плодъ приноситъ;
Бездна звѣздъ на небѣ;
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла
Чудная природа...
Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣка за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
«Чѣмъ кончилось дѣло?»
— Вопроси другого,—
Каждый отвѣчаетъ.
Смѣлый умъ съ мольбою
Мчится къ Провидѣнью:
«Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій!»
Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...

Что же совершится
Въ будущемъ съ природой?..
О, гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

Божій міръ.

Отецъ свѣта — вѣчность,
Сынъ вѣчности — сила;
Духъ силы есть жизнь:
Міръ жизнью кипитъ.
Вездѣ Тріединый
Воззвавшій все къ жизни!
Нѣтъ вѣка Ему,
Нѣтъ мѣста Ему!
Съ величества трона,
Съ престола чудесъ
Божій образъ — солнце
Къ намъ съ неба глядитъ
И днемъ повѣряетъ
Всемірную жизнь,—
Въ другомъ мѣстѣ неба
Оно отразилось
И мѣсяцемъ землю
Всю ночь сторожитъ.
Тьма, на лонѣ ночи
И живой прохлады,
Всѣ стихіи міра
Сномъ благословляетъ
Въ царствѣ Божьей воли,
Въ переливахъ жизни,
Нѣтъ безсильной смерти,
Нѣтъ бездушной жизни!

Неразгаданная истина.

Цѣлый вѣкъ я рылся
Въ таинствахъ вселенной,
До сѣдинъ учился
Мудрости священной.
Всѣ вѣка былые
Съ новыми повѣрилъ,
Чудеса земныя
Опытомъ измѣрилъ.
Мелкія причины
Тѣшились людями;
Карлы-властелины
Двигали мірами.
Райскія долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
Въ бездну низвергались.
Гдѣ пройдетъ коварство
Съ злобою людскою,
Тамъ, въ обломкахъ, царство
Зарастетъ травою...

Племена другія
На нихъ поселятся;
Города большіе
Людьми возродятся;
Сторона пустая
Снова зацарюетъ,
И жизнь молодая
Шумно запируетъ!

Подсѣку жъ я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Прокляну усилья
Къ тайнамъ Провидѣнья.
Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу;
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

Человѣкъ.

Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ!
То себя онъ ненавидитъ;
То собой онъ дорожитъ;
То полюбитъ, то разлюбитъ;
За мигъ жизни вѣкъ дрожитъ...
Дастъ желаньямъ ли свободу —
Землю кровью напоитъ;
Буйной волѣ дастъ ли волю —
Подъ нимъ море закипитъ.
Но измѣнятся стремленья,
Озарится свѣтомъ умъ, —
И своей онъ красотою
Все на свѣтѣ помрачитъ...

Великое слово.

(В. А. Жуковскому.)

Глубокая вѣчность
Огласилась словомъ:
То слово—«да будетъ!»
«Ничто» воплотилось
Въ тьму ночи и свѣтъ;
Могучія силы
Сомкнуло въ міры,
И чудной, прекрасной
Повѣяло жизнью.
Земля красовалась
Роскошнымъ эдемомъ,
И духъ воплощенный —
Владѣтель земли, —
Съ челомъ вѣчно-юнымъ,
Высокимъ и стройнымъ,
Съ отвѣтомъ свободы
И мысли во взорѣ,
На свѣтлое небо,
Какъ ангелъ, глядѣлъ...
Свобода, свобода!..
Гдѣ жъ рай твой веселый?
Слѣды твои страшны,
Отмѣчены кровью
На пестрой страницѣ
Широкой земли!
И лютое горе
Ее залило,
Ту дивную землю,
Безславную землю!

Но слово: «да будетъ!»
То вѣчное слово
Не мимо идетъ:
Въ хаосѣ печали,
Въ полуночномъ мракѣ
Надземныхъ судебъ
Божественной мыслью
На древѣ креста
Сіяетъ и свѣтитъ
Терновый вѣнецъ...
И горькія слезы,
Раскаянья слезы,
На блѣдныхъ ланитахъ
Земного царя
Зажглись упованьемъ
Высокимъ и свѣтлымъ,-
И духъ вдохновляетъ
Мятежную душу,—
И сладко ей горе,
Понятно ей горе:
Оно—искупленье
Прекраснаго рая. .
«Да будетъ!»—и было,—
И видимъ,—и будетъ...
Всегда — безъ конца.
Кто жъ онъ, Всемогущій?
И гдѣ обитаетъ?..
Нѣтъ Богу вопроса,
Нѣтъ мѣры Ему!

Умолкшій поэтъ.

Съ душою пророка,
Съ печатью величья
На гордомъ челѣ,
Родился младенецъ
На диво землѣ.
Земныя богини,
Какъ хитрыя дѣвы,
Манили младенца
Роскошной мечтою,
Притворною лаской
Любовь обманули,
Сожгли поцѣлуемъ
Румянецъ лица,
Сорвали улыбку —
Сіянье души.
Напрасно таилъ онъ,
Напрасно берегъ
Дары вдохновеній
Отъ горняго міра —
Для жизни земной;
Напрасно онъ райской
И звучною пѣсней
Родимыя дебри,
Поля оглашалъ:
Пустыня молчала...
Отъ взоровъ пророка
Высокое чувство
И жаръ вдохновенья,
И творчества силу
Толпа не признала:
Смѣшны ей и радость
И горе поэта...
Сгори онъ въ пожарѣ
Презрѣнныхъ страстей —
Она, какъ вакханка,
Его зацѣлуетъ
И братскимъ восторгомъ,
Нечистымъ, постыднымъ,
Навѣкъ заклеймитъ...
Очарованный утромъ,
Обманутый полднемъ,
Одѣтый вечернимъ
Туманомъ и тѣнью
Загадочной жизни,
Глядитъ равнодушно
Безмолвный поэтъ...
Ты думаешь: палъ онъ?
Нѣтъ, ты не замѣтилъ
Высокую думу,
Огонь благодатный
Во взорѣ его...

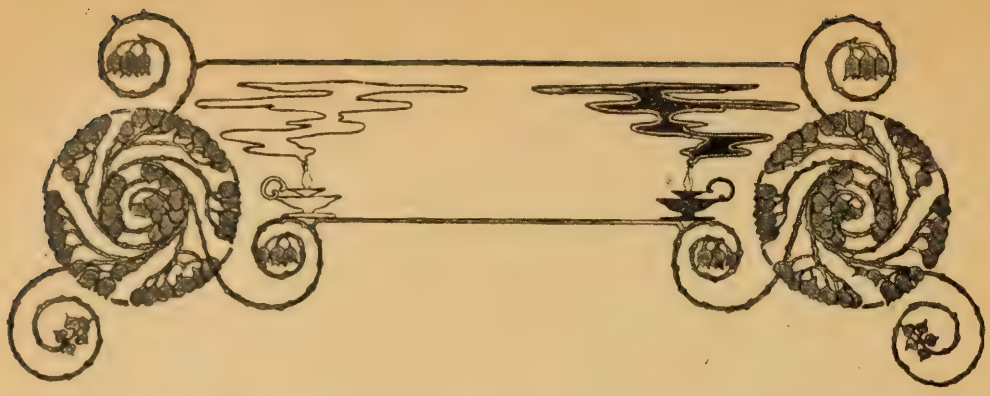
Могила.

Чья это могила,
Тиха, одинока,
И крестъ тростниковый,
И насыпь свѣжа?
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ...
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татаринъ ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ
И свѣжею кровью,
Горячею брызнулъ
На русскую быль,
Или молодая
Жница-поселянка,
Ангела-младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его,—
И подъ яснымъ небомъ
Въ полѣ на просторѣ
Въ цвѣтахъ васильковыхъ
Положенъ дитя?..
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву
Мимо той могилы
Сухую былинку
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!

Молитва.

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

На крестъ, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цѣли твореній
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Наложилъ печать:
Печать та навѣки;
Ея не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода!..
Прости жъ мнѣ, Спаситель,
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ.



Двѣ жизни.

Двѣ жизни въ мірѣ есть:
Одна свѣтла, горитъ она, какъ солнце,
Въ ея очахъ—небесный тихій день;
Въ сіяніи святая мысль и чувство;
Ея живая сила такъ роскошно
Звучитъ свободной и разумной рѣчью...
И эта жизнь—земного духа:
Долга она, какъ Божья вѣчность...
Другая жизнь темна;
Въ ея очахъ—земная грусть и ночь,
И спитъ она сномъ крѣпкимъ и мятежнымъ;
Таится мысль въ ея цвѣтистыхъ формахъ,
Но не звучитъ свободной рѣчью.
Наклоннѣе во тьмѣ она къ молчанью...
И эта жизнь—земного праха:
Кратка она, какъ блескъ звѣзды падучей...

Человѣческая мудрость.

Что ты значишь въ этомъ мірѣ,
Духъ премудрый человѣка?
Какъ ты можешь кликнуть солнцу:
Слушай, солнце! стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ не ходило,
Чтобъ на землю не свѣтило!
Выдь на берегъ, глянь на море:
Что ты можешь сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ немъ охладѣла,
Чтобы камнемъ затвердѣла?
Чѣмъ, какою тайной силой
Шаръ вселенной остановишь,
Чтобъ не шелъ онъ, не кружился?..
Перестрой же всю природу!
Міръ прекрасенъ... ты не хочешь...
Нѣтъ, премудрый, ты не можешь!
Да, не можешь, рабъ пространства,
Лѣтъ и времени невольникъ,
Будь ты бездна силъ, идей,
Самъ собой наполни небо,
Будь ты *все*, одинъ и всюду,
Будь ты богъ—и слово... дѣло!..
Но когда ужъ это *все*,
Безконечно и одно,
Есть предъ нами въ ризѣ свѣта,
То другой ужъ власти нѣтъ...
Все, что есть,—все это Божье;
И премудрость наша—Божья.

Вопросъ.

Какъ ты можешь
Кликнуть солнцу:
Слушай, солнце,
Стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ
Не ходило,
Чтобъ на землю
Не свѣтило!
Стань на берегъ,
Глянь на море:
Что ты можешь
Сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ немъ
Охладѣла,
Чтобы камнемъ
Затвердѣла?
Какой силой
Богатырской
Шаръ вселенной
Остановишь,
Чтобъ не шелъ онъ,
Не кружился?

Какъ же быть мнѣ
Въ этомъ мірѣ,
При движеньи—
Безъ желанья?
Что жъ мнѣ дѣлать
Съ буйной волей,
Съ грѣшной мыслью,
Съ пылкой страстью?
Въ эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила,
И живетъ въ ней,
Какъ царица!
Съ колыбели
До могилы
Духъ съ землею
Ведутъ брани:
Земь не хочетъ
Быть рабою—
И нѣтъ мочи
Скинуть бремя;
Духу жъ неба
Невозможно
Съ этой глыбой
Породниться...

Много ль время
Пролетѣло?
Много ль время
Есть впереди?
Когда будетъ
Конецъ брани?
За кѣмъ поле?—
Богъ ихъ знаетъ!
Въ этой сказкѣ
Цѣль сокрыта:
Въ моемъ толкѣ
Смыслу нѣту,
Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи...
За могилой
Рѣчь безмолвна;
Вѣчной тьмою
Даль одѣта...

Буду ль жить я
Въ безднѣ моря?
Буду ль жить я
Въ дальнемъ небѣ?
Буду ль помнить,
Гдѣ былъ прежде?
Что я думалъ
Человѣкомъ?..

Иль за гробомъ
Все забуду,
Смыслъ и память
Потеряю?..
Что жъ со мною
Тогда будетъ,
Творецъ міра,
Царь природы?

Царство мысли.

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце;
Осѣнены все той же тайной думой,
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ,
И одинокій молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ.
Въ тьмѣ ночи возникаетъ мысль созданья;
Во свѣтѣ дня она уже одѣта
И крѣпнетъ въ вѣяньи живой прохлады,
И спѣетъ въ нѣгѣ теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна, одна идея:
Она живетъ и въ пеплѣ и пожарѣ;
Она и тамъ—въ огнѣ, въ раскатахъ грома,
Въ сокрытой тьмѣ бездонной глубины;
И тамъ, въ безмолвіи лѣсовъ дремучихъ;
Въ прозрачномъ и пловучемъ царствѣ водъ глубокихъ,
Въ ихъ зеркалѣ, и въ шумной битвѣ волнъ;
И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;
На высяхъ горъ безлюдныхъ и пустынныхъ;
Въ печальномъ завываньѣ бурь и вѣтра;
Въ глубокомъ снѣ недвижимаго камня;
Въ дыханіи былинки молчаливой;
Въ полетѣ къ облаку орлиныхъ крылій;
Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума и чувства,—всюду
Она одна царица бытія!

Лѣсъ.

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?
Коня скорѣй! Какъ соколъ быстрый,
На немъ весь лѣсъ изъѣзжу я:
Вездѣ глубокій сонъ, шумъ вѣтра,
И дикая коса угрюмо спитъ...
Когда-нибудь его стихія
Рвалася землю всю покрыть;
Но, въ сонъ невольно погрузившись,
Въ одномъ движеніи стоитъ.
Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ
И на людей наводятъ страхъ.
Съ приходомъ дня уходятъ тѣни,
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да въ темной грусти
Ночь безразсвѣтная лежитъ...
Какая жъ тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье погружаетъ душу
И мысли новыя рождаетъ въ ней?..
Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что можетъ лишь въ предѣлахъ смерти
Свое величье сознавать?..

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?

Передъ образомъ Спасителя.

Предъ Тобою, мой Богъ,
Я свѣчу погасилъ;
Премудрую книгу
Предъ Тобою закрылъ.
Твой небесный огонь
Негасимо горитъ;
Безконечный Твой міръ
Предъ очами раскрытъ.
Я съ любовью къ Тебѣ
Погружаюся въ немъ,
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ!
И напрасно весь міръ
На Тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ Тебя осуждалъ:
На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ и тихъ,
До конца Ты молилъ
За злодѣевъ Своихъ!

Дума двѣнадцатая.

Не можетъ быть, чтобы мои идеи
Вліянья не имѣли на природу.
Волненіе страстей, волненіе ума,
Волненье чувствъ народа—
Все той же проявленье мысли...
Небесный свѣтъ перерождаетъ воздухъ,
Организуетъ и живитъ элементы
И движетъ всѣмъ, по произволу духа.

Поэтъ.

Въ душѣ человѣка
Возникаютъ мысли,
Какъ въ дали туманной
Небесныя звѣзды...
Міръ есть тайна Бога,
Богъ есть тайна жизни;
Цѣлая природа—
Въ душѣ человѣка.
Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ...
Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину—
Великую драму,
Исторію царства.
Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ.
И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя.
Дивныя созданья
Мысли всемогущей,
Весь міръ передъ вами
Со мной исчезаетъ...

Жизнь.

Умомъ легко намъ свѣтъ обнять;
Въ немъ мыслью вольной мы летаемъ;
Что не дано намъ понимать—
Мы все какъ будто понимаемъ.
И рѣзко судимъ обо всемъ,
Съ вѣковъ покрова не снимая;
Дошло, что людямъ нипочемъ
Сказать: вотъ тайна міровая!
Какъ свѣтъ стоитъ, до этихъ поръ
Всего мы много пережили;
Страстей мы видѣли напоръ;
За царствомъ царство схоронили.
Живя, проникли глубоко
Въ тайникъ природы чудотворной;
Одни познанья взяли мы легко,
Другія—силою упорной...
Но все жъ успѣхъ нашъ не великъ:
Что до преданій—мы не знаемъ.
Впередъ что будетъ—кто проникъ?
Что мы теперь—не разгадаемъ.
Одинъ лишь опытъ говоритъ,
Что прежде насъ здѣсь люди жили,
И мы живемъ, и будутъ жить...
Вотъ каковы всѣ наши были!..

---

*
* *

(КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.)

Не время ль намъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь безславить,
Что есть иль нѣтъ желать?

Легко, конечно, строить
Воздушные міры,
И увѣрять и спорить:
Какъ въ нихъ-то важны мы!

Но отъ души ль порою
Въ насъ чувство говоритъ,
Что жизнію земною
Нѣтъ нужды дорожить?..

Темна, страшна могила;
За далью—мракъ густой;
Ни вѣсти ни отзыва
На вопль нашъ роковой!

А тутъ дары земные,
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотые,
Разгульный шумъ лѣсовъ.

И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой,
И дѣва молодая
Блистаетъ красотой!

ДОПОЛНЕНІЯ.

Сирота.

Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты!
Удалитесь, улетите
Отъ бездомной сироты!
Что жъ вы, злыя, что вы вьетесь
Надъ усталой головой?
Что вы съ вѣтромъ не несетесь
Въ край невѣдомый, чужой?
Были дни — и я любила
Сны о радости земной;
Но надежда измѣнила,
Радость — сонъ въ судьбѣ моей.
Наяву же, въ облегченье,
Только слезы проливать,
И не вѣрить въ облегченье,
И покоя не вкушать.
Не прельщайте жъ, не маните,
Свѣтлой радости мечты!
Унеситесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

Ровеснику.

О чемъ, ровесникъ молодой,
Горюешь и вздыхаешь?
О чемъ серебряной струей
Ты слезы проливаешь?
О чемъ безсмѣнная печаль
И частыя стенанья?
Страшна ли жизни темна даль
И съ юностью прощанье?
Или нежданная бѣда
Явилась и сразила?
Житейская ль тебя нужда
Такъ рано посѣтила?
Иль сердца тайная любовь
Раскрыла въ немъ желанья,
И юнымъ пламенемъ вся кровь
Зажглась безъ упованья?
Я вижу думу на челѣ,
Безъ словъ, безъ выраженья;
Но есть во взорахъ, какъ въ стеклѣ,
Востока отраженье —
Замѣтное волненье:
Ахъ, то любовь, любовь!.. Она
Въ твоей душѣ играетъ;
Она въ пиру, на ложѣ сна,
Покой твой разрушаетъ.
Я отгадалъ, дай руку мнѣ!
Ты не одинъ, кипя душою,
Горишь и гаснешь въ тишинѣ:
Прошу тебя, будь другъ со мною.

Посланіе Якову Яковлевичу Переяславцеву.

Любя тебя, о братъ двоюродный,
Посвящаю сей досугъ,
Ты для братства, въ часъ ненужный,
Утѣшь, прими, будь братъ, будь другъ.
Я на лирѣ вдохновенной
Съ Аполлономъ пѣть хочу
И душѣ невознесенной
Ложной славы не ищу.
Слава — блескъ пустой на свѣтѣ:
Въ ней отрады прямой нѣтъ; —
Хоть въ тиши мила, въ предметѣ,—
Въ бурѣ скоро пропадетъ.
За ней горести въ награду,
Несомнѣнно, потекутъ...
Тогда рѣдко намъ въ усладу
И улыбку подадутъ.
Вмигъ увидишь: пересуды
Волной всюду зашумятъ...
Безъ надежды въ жизни трудной
Будешь тяжко умирать.
Я, повѣрь, узналъ довольно
Гордыхъ тысячи людей,
И отъ ихъ-то власти злобной
Нынѣ сдѣлался грустнѣй.
Жизнь всегда течетъ въ премѣнѣ,
И все всякій испыталъ;
Кто избѣгъ людской измѣны,
Тотъ утѣхи не видалъ!
Мы подобны иноземной
Птичкѣ: если залетитъ,
Испытаетъ, что измѣнно,—
И на родину летитъ.

Путникъ.

Сгустились тучи, вѣтеръ вѣетъ,
Трава пустынная шумитъ;
Какъ черный пологъ, ночь виситъ,
И даль пространная чернѣетъ.
Лишь тамъ, въ дали степи обширной,
Какъ тайный лучъ звѣзды призывной,
Зажженъ случайною рукой,
Горитъ огонь во тьмѣ ночной.
Унылый путникъ, запоздалый,
Одинъ среди глухихъ степей,
Плетусь къ ночлегу; на своей
Клячонкѣ тощей и усталой
Держу я путь къ тому огню:
Ему я радъ, какъ счастья дню.
И кто такъ пристально, средь ночи,
Вперялъ на дѣву страстны очи,
Кто, не смыкая зоркихъ глазъ,
Кто такъ стерегъ условный часъ,
Какъ я, съ походною торбою,
Трясясь на клячѣ чуть живой,
Встрѣчалъ огонь во тьмѣ ночной?

То нашъ очагъ горитъ звѣздою,
То спѣетъ каша степняка
Подъ пѣснь родную чумака!..

Красавицѣ.

Ахъ, кто ты, дѣва-красота?
Твои уста, твои ланиты
Какою прелестью покрыты!
И въ комъ чудесная мечта
Груди бъ младой не взволновала,
Когда бъ ты на скалѣ крутой,
Одна, надъ бездною морской,
Какъ дѣва Пушкина, стояла,
Подъ бѣлой дымкой покрывала,
И вкругъ тебя одеждой снѣжной
Зефиръ привѣтливо бъ игралъ —
По сгибу плечъ, по шеѣ нѣжной
Свитые кудри развивалъ?..
Когда бъ, качаяся, дремало
Перо на шляпкѣ голубой,
И грудь лебяжая вздыхала
Любовью дѣвственной, святой?
Тогда бъ, въ сердечномъ упоеньѣ,
Склонивъ колѣни предъ тобой,
Въ нѣмомъ и сладостномъ забвеньѣ
Сгорѣлъ бы весь, какъ огнь степной!..

Ахъ, кто ты, дѣва-красота?

Осень.

Настала осень, непогоды
Несутся въ тучахъ отъ морей,
Угрюмѣетъ лицо природы,
Не веселъ видъ нагихъ полей;
Лѣса одѣлись синей тьмою,
Туманъ гуляетъ надъ землею
И омрачаетъ свѣтъ очей.
Все умираетъ, охладѣло;
Пространство дали почернѣло,
Нахмурилъ брови бѣлый день,
Дожди безсмѣнные полились;
Къ людямъ въ сосѣдки поселились
Тоска и сонъ, хандра и лѣнь.
Такъ точно немочь старца скучна:
Такъ точно тоже для меня
Всегда водяна и докучна
Глупца пустая болтовня.

Ночлегъ чумаковъ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ.
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись, на ногахъ сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ!
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся;
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И вдаль невесело глядятъ.

Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
Бывало, часто ночью темной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной...
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя сыновъ...
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!..

Прямое счастье.

Стансы.

Лишь тотъ одинъ счастливый,
Кто истину почтилъ,
Блескъ свѣта и порывы
Лишь долгу посвятилъ;
Рѣками лившій слезы,
Томился и вздыхалъ, —
За всѣ мечты и грезы
Достоинъ тотъ похвалъ.
И въ жизни кто волнистой
Подъ тихимъ кровомъ жилъ
Всегда съ душою чистой, —
Тотъ долгу посвятилъ;
Кто въ чувствіяхъ сердечныхъ,
Злой страстію томимъ,
Въ печали, въ скукѣ вѣчной, —
Любовь одну хранилъ...

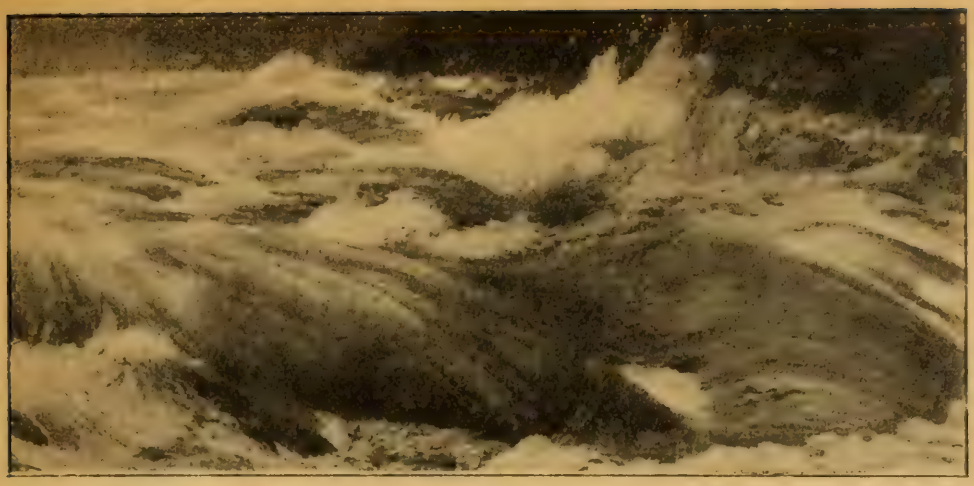
Спящему младенцу.

О всеблагое Провидѣнье!
Храни его успокоенье!
Еще не знаетъ онъ, что скука,
Что безпредѣльная любовь,
И какъ тяжка любви разлука,
И какъ хладѣетъ въ сердцѣ кровь;
Не знаетъ жизненной заботы,
Тяжелыхъ сновъ и страшныхъ бѣдъ,
И міра гибельныхъ суетъ,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства свѣта и людей,
Надеждъ, желаній и страстей.
Теперь онъ рѣзвится, играетъ,
Незрѣлый умъ мечтой питаетъ.

Во снѣ испугъ его не будитъ,
Нужда до солнца встать не нудитъ,
Печаль у ложа не стоитъ —
Священнымъ сномъ невинность спитъ...
Но эти дни, какъ тѣнь, проходятъ,
Прекрасный міръ съ собой уводятъ...
О всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!

Посланіе молодой вдовѣ.

Напрасно думаешь слезами
Тоску отъ сердца ты прогнать:
Всевышнимъ Богомъ — не людями
Тебѣ назначено страдать.
Конечно, сердцу нестерпимо
Разстаться съ тѣмъ, что такъ любимо;
Что мило — больно потерять:
Нельзя не плакать, не вздыхать.
Такъ, вѣрно, вѣрно: ты несчастна;
Твоей души супругъ прекрасный
Такъ скоро отказался жить...
Онъ жертва смерти, онъ зарытъ
Но что? ужель весну младую
Слезамъ ты хочешь посвятить?
Ужели юность золотую
Въ тоскѣ ты хочешь проводить?
Ужель утрата роковая
Пребудетъ памятна всегда?
Ужель, что было забывая,
Не улыбнешься? Милая! слезами
Тоски отъ сердца не прогнать:
Всевышнимъ Богомъ, а не нами
Тебѣ положено страдать.



Отвѣтъ на вопросъ о моей жизни.

Вся жизнь моя — какъ сине море...
Съ вѣтрами буйными въ раздорѣ —
Бушуетъ, пѣнится, кипитъ,
Волнами плещетъ и шумитъ;
Уступятъ вѣтры — и оно
Сравняется какъ полотно.
Иной порою, въ дни ненастья,
Все въ мірѣ душу тяготитъ;
Порою улыбнется счастье,
Отвѣтно жизнь заговоритъ;
Со всѣхъ сторонъ печаль порою
Нависнетъ тучей надо мною —
И, словно черная волна,
Душа въ то время холодна;
То мигомъ ясная година
Опять настанетъ — и душа
Пьетъ радость, радостью дыша!
Ей снова все тогда прекрасно,
Тепло, спокойно, живо, ясно,
Какъ водъ волшебное стекло —
И горя будто не было...

*
* *

Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья;
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья.
Прошла пора! Но въ дни былые
Я слушалъ филомелы гласъ;
Тогда-то въ сумраки густые
Веселья огнь во мнѣ не гасъ.
Тогда съ Анютой милой, нѣжной
Часовъ полета не видалъ;
Тогда, надеждой обольщенный,
Я праздникъ жизни пировалъ.
Теперь же, о друзья! со мною
Анюты скромной болѣ нѣтъ...
Съ другимъ она... и я съ тоскою
Встрѣчаю дня огнистый свѣтъ.
Такъ мнѣ ль внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья?
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья...

Мщеніе.

Отрывокъ.

Скажи: какія возраженья
Разсѣютъ новыя сомнѣнья?
Какую снова хочешь лесть
Въ защиту чести произнесть?
Молчи и словъ не трать напрасно:
Я знаю все—и знаю ясно,
Когда... и гдѣ... и какъ... кто онъ...
Но ты, ты скажешь: это сонъ
Развилъ невѣрное видѣнье,
Чтобъ поселить межъ насъ сомнѣнье...

Напротивъ, слушай; я скажу...
Вчера бьетъ полночь, я лежу,
Не сплю, но спящимъ притворился
И чуткимъ сномъ какъ бы забылся;
Вдругъ слышу: робко ты, меня
Своей рукой пошевеля,
Тихонько встала,—и потомъ
Исчезла въ сумракѣ ночномъ;
Я всталъ, гляжу—тебя ужъ нѣтъ.
Схватилъ кинжалъ, пустился вслѣдъ;
Но я не видѣлъ, какъ ты съ нимъ
Дышала воздухомъ однимъ,
И какъ въ объятьяхъ ты его
Пылала, млѣла и сгорала,
Какъ жарко друга своего
При разставаньи цѣловала...
Забывши страхъ, законъ, себя,
Кровавымъ мщеніемъ горя,
Ужаснымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Бѣгу... Нечаянно злодѣя
Какъ тѣнь могильную схватилъ
И въ грудь ему кинжалъ вонзилъ...
Гдѣ вы, любви моей мечты?
И кто довелъ?.. Теперь и ты
Страшись меня, какъ грѣшникъ ада;
Не то—подобная награда...

Маленькому брату.

Расти счастливо, братъ мой милый,
Подъ кровомъ вышняго Творца,
На груди матушки родимой,
Въ объятьяхъ нѣжнаго отца.
Будь добродѣтеленъ душою,
Великъ и знатенъ простотою;

На сцену свѣта ты войдешь
Любимцемъ ли слѣпой фортуны,
Или, какъ я, полюбишь струны,
И посохъ бѣдный понесешь, —
Въ высокомъ званіи предъ бѣднымъ
Счастливой долей не гордись!
Но съ нимъ, чѣмъ Богъ послалъ, послѣднимъ,
Какъ съ роднымъ братомъ, подѣлись.
Суму дадутъ — не спорь съ судьбою;
У Бога мы равны: предъ Нимъ
Смирися съ дѣтской простотою,
И съ сердца грусть слетитъ, какъ дымъ.
Пробудишь струны — пой безъ лести!
Будь неподкупенъ въ дѣлѣ чести;
Люби Творца, своихъ владыкъ
И будь въ ничтожествѣ великъ.

Письмо къ Д. А. Кашкину.

Давно, за пустотой безсрочной,
Къ тебѣ я, милый, не писалъ
И въ тихій край земли полночной
Докучныхъ строкъ не посылалъ;
Давно на лирѣ я для друга,
Въ часы свободы и досуга,
Сердечныхъ чувствъ не изливалъ.
Теперь, освободясь душою
Отъ безпрерывныхъ бурь мірскихъ
И отъ заботъ и дѣлъ моихъ,
Хочу порадовать игрою
Тебя, о милый другъ! И ты,
Въ замѣну хладной пустоты,
Съ улыбкой, дружеству пристойной,
Гласъ лиры тихой и нестройной
Прочтешь и скажешь про себя:

«Его трудовъ — виновникъ я!»
Такъ точно, другъ, мечты младыя
. . . . . .
И чувствъ волненье ты впервые
Во мнѣ, какъ ангелъ, разгадалъ.
Ты — помнишь — разъ сказалъ: «разсѣй
Съ души туманъ непросвѣщенья,
И на крылахъ воображенья
Лети къ Парнасу поскорѣй!»
Совѣту милаго послушный,
Я духъ изящностью питалъ,
Потомъ, съ подругою воздушной,
Нашедши лиру, пѣть началъ;
Потомъ въ часъ лѣни молчаливой
Я рано полюбилъ покой,
Пріютъ избушки некрасивой
И разноцвѣтный садикъ мой,
Гдѣ я свободой упиваюсь
Иль славой гибельной горю,
Гдѣ долго въ думы погружаюсь,
И, другъ, тебя благодарю
За тѣ нельстивые совѣты,
Какими хвалятся поэты.

А. П. Серебрянскому.

Не посуди: чѣмъ я богатъ,
Послѣднимъ подѣлиться радъ.
Вотъ мой досугъ; въ немъ умъ твой строгій
Найдетъ ошибокъ слишкомъ много.
Здѣсь каждый стихъ, чай, — грѣшный бредъ.
Что жъ дѣлать! я такой поэтъ,
Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ!
Но не щади ты недостатки,

Замѣть, что требуетъ поправки...
Когда бъ свобода, время, чинъ,
Когда бъ, примѣрно, господинъ
Я былъ такой, чтобъ съ трубкой
Сидѣть день цѣлый и зѣвать,
Роскошно жить, безпечно спать,
Тогда, клянусь тебѣ не шуткой,
Я бъ вышелъ въ люди, вышелъ въ свѣтъ.
Теперь я самъ собой поэтъ,
Теперь мой геній... Но довольно!
Душа груститъ моя невольно;
Я чувствую, мой милый другъ,
Сыздѣтскихъ лѣтъ какой-то духъ
Владѣетъ ею не напрасно!
Нѣтъ, я не даромъ сладострастно
Люблю богиню красоты,
Уединенье и мечты!

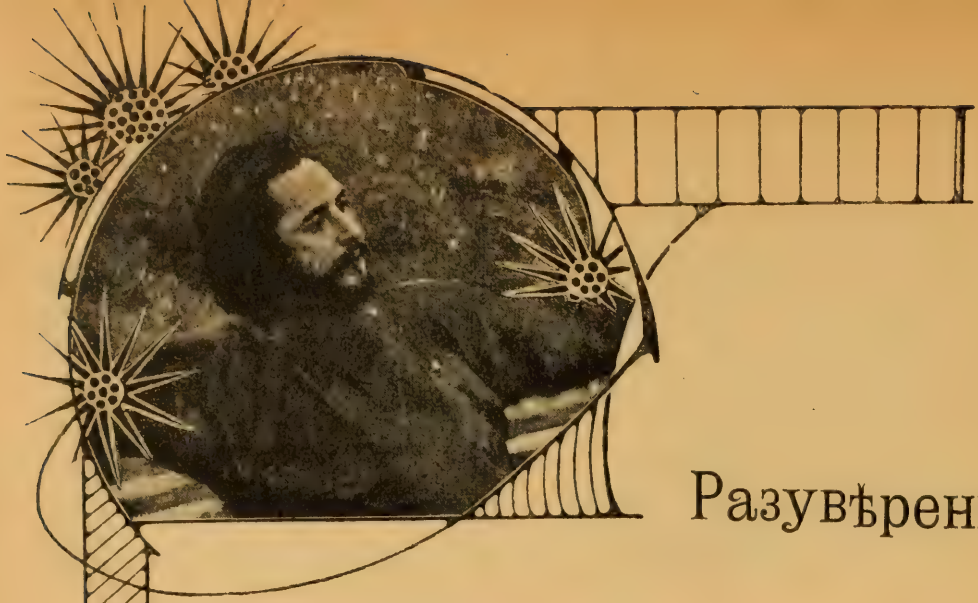
Сестрѣ.

(При посылкѣ ей моихъ пѣсенъ.)

Сестра! вотъ были чудныхъ сновъ,
Вотъ звуки самодѣльной лиры,
Мои мечты, мои кумиры,
Моя душа, моя любовь!
Сестра! земная жизнь — мгновенье;
Судьбы жъ кто знаетъ назначенье?
Быть-можетъ, раньше я другихъ
Не окажусь въ семьѣ живыхъ.
Пройдетъ годъ, два — за суетою,
За лживой радостью мірскою
Забудешь ты меня; но вмигъ
Когда-нибудь прочтешь мой стихъ,
Вспомянешь брата — и вздохнешь,
И сладкихъ слезъ потокъ прольешь.

Приди ко мнѣ.

Приди ко мнѣ, когда зефиръ
Колышетъ рощами лѣниво,
Когда и лугъ и степь — весь міръ
Одѣнется въ покровъ сонливый.
    Приди ко мнѣ, когда луна
    Изъ облакъ въ облака ныряетъ,
    Иль съ неба чистаго она
    Такъ пышно воды озлащаетъ.
Приди ко мнѣ, когда весь я
Въ любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпѣливо дожидаюсь.
    Приди ко мнѣ, когда любовь
    Восторги пылкіе рождаетъ,
    Когда моя младая кровь
    Кипитъ, волнуется, играетъ.
Приди ко мнѣ — вдвойнѣ съ тобой
Хочу я жизнью наслаждаться,
Хочу къ твой груди младой
Со всею страстію прижаться.



Разувѣреніе.

Да! жизнь не то, что говорили
Мои мнѣ книги и мечты;
Ее не даромъ заклеймили
Печатью зла и суеты.
Сначала, искренно встрѣчая
И утро дня благословляя,
Я въ мірѣ все благословлялъ...
Дитя! я ласки расточалъ,
Я простиралъ мои объятья
Ко всѣмъ съ любовію, какъ братьямъ!
Пришла пора — узналъ и я,
Но ужъ не то, что прежде снилось,
Чѣмъ сердце юное плѣнилось,
О чемъ такъ сладко думалъ я...
Узналъ родныхъ, къ родству холодныхъ,
Въ друзьяхъ — предателей притворныхъ,
Въ толпахъ людей — толпы невѣждъ,
Обманчивость земныхъ надеждъ,
Въ обѣтахъ — лживые обманы,
Въ невинномъ взглядѣ — хитрый взоръ,
Въ умахъ возвышенныхъ — туманы,
Надутой глупости позоръ...
Богъ съ ними! Я страну земную
Съ упрекомъ тайнымъ разлюбилъ,

Душой постигнулъ жизнь другую,
Въ ту жизнь мечту переселилъ,
И странствую безъ дальнихъ нуждъ
Земли жилецъ, земного чуждъ.

Молодой четѣ.

Сбылось, что вы желали тайно!
Сбылось! насталъ желанный часъ:
Любовь благословила васъ,
И скоро перстень обручальный
На вашей ручкѣ заблеститъ,
И пастырь васъ соединитъ.
И жизнь счастливая польется,
Какъ серебристый ручеекъ
Черезъ муравчатый лужокъ,
Журча, игривой струйкой вьется.
Судьба васъ счастьемъ наградила, —
И будетъ лучъ его свѣтить
Весь вѣкъ надъ нимъ и надъ тобой
Неизмѣнимою звѣздой.
Но если васъ — избави Боже —
Когда день черный навѣститъ,
Любовь все можетъ усладить.
Любовь и дружба! ты дороже
Всего на свѣтѣ; ты одна
Въ несчастьи, въ счастіи равна.
Надежды, радости земныя,
Мгновенья жизни дорогія
Измѣнчивы для насъ всегда;
Прямая жъ дружба — никогда!

*
* *

О, не кажи улыбки страстной!
Не мучь надеждою напрасно;
Прошу, такъ нѣжно не гляди,
Со мной рѣчей не заводи;
Будь больше недовольна,
Будь равнодушна, хладнокровна;
Какъ недруга, пренебрегай;
Въ бесѣдахъ съ злобою нѣмою
Со мною встрѣчи убѣгай.
Ахъ, ты неправдою такою
Меня, быть-можетъ охладишь
И, къ счастью, счастія лишишь!

Къ другу.

Развеселись, забудь, что было!
Чего ужъ нѣтъ—не будетъ вновь!
Все ль намъ на свѣтѣ измѣнило?
И все ль взяла съ собой любовь?
Еще отрадъ у жизни много,
У ней мы снова погостимъ;
Съ однимъ развелъ насъ опытъ строго—
Поладимъ, можетъ-быть, съ другимъ...
И что мы въ жизни потеряли—
У жизни снова мы найдемъ!
Что намъ мгновенныя печали?
Мы ль ихъ съ тобою не снесемъ?
Что грусть земли? Ужель за гробомъ
Ни жизни ни награды нѣтъ?
Ужели тамъ, за синимъ сводомъ
Ничтожество и тьма живетъ?
Ахъ, нѣтъ! кто мучится душою,
Кто въ мірѣ заживо умретъ,
Тотъ тамъ за дальней синевою,
Награды вѣрныя найдетъ!

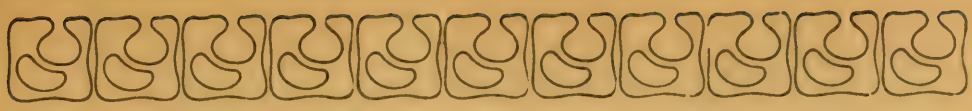
Не вѣрь истлѣнія кумиру,
Не вѣрь себѣ, не вѣрь людямъ,
Не вѣрь пророчащему міру,—
Но вѣруй, вѣруй небесамъ!
И пусть меня людская злоба
Всего отраднаго лишитъ,
Пусть съ колыбели и до гроба
Лишь зломъ и мучитъ и страшитъ:
Предъ ней душою не унижусь,
Въ мечтахъ не разувѣрюсь я,
Могильной тѣнью въ прахъ низринусь,
Но скорби не отдамъ себя!..

Къ ней.

Опять тоску, опять любовь
Въ моей душѣ ты заронила,
И прежнее, былое вновь
Привѣтнымъ взоромъ оживила.
Ахъ, для чего мнѣ пламенѣть
Любовью сердца безнадежной?..
Мой кроткій ангелъ, другъ мой нѣжный,
Не мой удѣлъ тобой владѣть!
Но я любимъ, любимъ тобою!..
О, для чего же намъ судьбою
Здѣсь не даны въ удѣлъ благой,
Назло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила?..
Ты жизнь моя, моя ты сила!..
Горю огнемъ любви святымъ.
Довѣрься жъ хоть на мигъ моимъ
Объятіямъ! Я не нарушу
Священныхъ клятвъ: ихъ грудь хранитъ,
И, вѣрь, страдальческую душу
Преступное не тяготитъ...

Посланіе Н. П.

И вы на насъ грозой хотите?
И вы, и вы кинжалъ острите
Отцу на старческую грудь!
Накажетъ Богъ когда-нибудь!
Припомните, что прежде были.
Притомъ не вы ль мнѣ говорили:
«Я бъ могъ давно, но не хочу;
Нѣтъ! я и извергу не мщу,
Нѣтъ, я не съ варварской душою, —
За зло плачу я добротою...»
Враги ль мы вамъ? Пусть Богъ сразитъ,
Кто черный замыселъ таитъ!
Злодѣи ль мы? За что жъ хотите
Полуубитаго добить?
Его старайтесь защитить!..
Я знаю: сильному удобно
Невинныхъ ранить, — даже сродно...
Но тотъ не человѣкъ — злодѣй!
Вы жъ покровитель, другъ людей —
Держите жъ слово — и не мстите,
Прошу, кинжала не острите
Отцу на старческую грудь:
Ей время въ жизни отдохнуть.



Элегія.

Въ твои объятья, гробъ холодный,
Какъ къ другу милому лечу;
Въ твоей обители укромной
Сокрыться отъ людей хочу.
Скорѣе, смерть, сверкни косою
Надъ юною моей главою!
Немного лѣтъ я въ мірѣ жилъ...
И чѣмъ сей міръ повеселилъ?
И кто съ улыбкой мнѣ отрадной
Отъ сердца нѣжно руку жалъ?
Со мной кто, радостью желанной,
Дѣлилъ веселье и печаль? —
Никто! Но въ сей странѣ пустынной
Одинъ лишь былъ мнѣ вѣренъ другъ,
И тотъ, какъ пѣсни звукъ отзывный,
Какъ огнь мгновенный, надмогильный,
На утренней зарѣ потухъ.
Одна звѣзда меня плѣняла
Еще на небѣ голубомъ
И въ черномъ сумракѣ густомъ
Надеждой тайной грудь питала;
Но скрылася она — съ тѣхъ поръ
Привѣтныхъ звѣздъ не видитъ взоръ.
Безъ ней, какъ сирота безродный,
Влачусь одинъ, въ толпѣ людей,
Съ душою мрачной и холодной,
Какъ нераскаянный злодѣй.
Съ людями, братьями моими,
Еще хотѣлъ я жизнь дѣлить;

Попрежнему хотѣлъ межъ ними
Я друга по-сердцу найтить...
Но люди взорами нѣмыми
Съ презрѣньемъ на меня глядятъ
И душу хладную мертвятъ.
Къ тебѣ отъ нихъ, о гробъ холодный,
Какъ къ другу милому лечу,
Въ твоей обители укромной
Покоя тихаго ищу.
О смерть! сомкни скорѣй мнѣ вѣжды!
Вѣрнѣй загробныя надежды.

Къ Ж.

Не мучь, красавица моя,
Не мучь напраснымъ ожиданьемъ;
И такъ уже измученъ я,
И такъ томительнымъ страданьемъ
Душа влюбленная убита, —
Она давно тоской покрыта.
Къ чему жъ незажитыя раны
Ты хочешь болѣ растравлять?
Скажи: придутъ ли дни желанны?
Иль намъ ихъ вѣчно не видать,
Иль ты, съ притворною душою
Смѣешься, шутишь надо мною?
Теперь — увы! — въ послѣдній разъ
Я жду любезнаго привѣта.
Жестокая! прощальный часъ!
Порадуй ласкою отвѣта!
Скажи, скажи! Но — дикій взоръ!..
Гдѣ сила снесть сей приговоръ!

Первая любовь.

Что душу въ юности плѣнило,
  Что сердце въ первый разъ
Такъ пламенно, такъ нѣжно полюбило
  И полюбило не на часъ,—
То все я силюся придать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
  Хочу другую цѣль найтить —
  Хочу другое такъ же полюбить!
Напрасно все: тѣнь прежней милой
  Нельзя забыть!
Уснешь — непостижимой силой
Она тихонько къ ложу льнетъ,
Печально руку мнѣ даетъ,
  И сладкою мечтой вновь сердце очаруетъ!
И очи томныя къ моимъ очамъ прикуетъ!..
  И вновь любви привѣтный гласъ
  Я внемлю страждущей душою...
  Когда жъ ударитъ часъ
Забвенья о тебѣ иль вѣчности съ тобою?..

Вечеръ.

Ужъ рощей лиственная сѣнь
Росой коральною дымится,
И чуть замѣтливая тѣнь
На долы, на поля ложится;
Природу клонитъ въ сладкій сонъ
Лѣнивый вѣтерокъ, порхая
И поминутно утихая, —
Ужъ съ нею засыпаетъ онъ.
Одинъ я, въ темной тишинѣ,
Оставивъ свой семейный кругъ,
Съ раздумкой сердца въ грубинѣ
Иду на освѣженный лугъ;
На немъ я съ новою отрадой
Дышу вечернею прохладой
И, съ новой радостью земной,
Веду бесѣды я съ луной:
О смерти, вѣчности, о жизни,
О нашей будущей отчизнѣ!
О нашихъ будущихъ мірахъ
И преселенцахъ-мертвецахъ,
Которые, какъ мы, здѣсь жили
И духъ горѣ переселили.
Ахъ, что на ихъ тамъ сторонѣ?
Видна ли тайна назначеній?
Что не постигъ здѣсь гордый геній —
То тамъ постигнуто ль вполнѣ?

О, для чего, съ земли, судьбою,
Живымъ въ удѣлъ, не дано намъ
Туда къ нимъ улетать душою!
Я бъ, съ ними привитая тамъ,
Учился бъ жить съ самимъ собою;
Но я веригою земной,
Какъ цѣпію невольникъ злой,
Надолго связанъ и окованъ, —
Мой духъ неволей очарованъ
И дольнимъ счастіемъ прельщенъ.
Въ земныхъ онъ таинствахъ теряясь
И для небесныхъ омраченъ,
Безкрыльной думой окрыляясь,
Туда напрасно рвется онъ...
Луна! ты житель горнихъ странъ, —
Ты безпредѣльный океанъ.
Безъ утомленья протекаешь;
Луна! быть-можетъ, ты бываешь
И въ тѣхъ странахъ, — повѣдай мнѣ
О тайнахъ ихъ... Но въ тишинѣ
Ты, ходъ урочный совершая
И молчаливо озаряя
Кладбище смерти, крестъ и гробъ
И отдаленный неба сводъ,
Лишь свѣтишь намъ, какъ всѣ тѣ звѣзды,
Въ знакъ доброй для людей надежды.

Земное счастіе.

Не тотъ счастливъ, кто кучи злата
Сбираетъ жадною рукой
И за корысть родного брата
Тревожитъ радостный покой;
Не тотъ, кто съ буйными страстями
Въ кругу прелестницъ вѣкъ живетъ,
Въ пирахъ съ ничтожными глупцами
Бесѣды глупыя ведетъ,
И съ ними цѣнитъ лишь словами
Святую истину, добро,
А нажитое серебро
Хранитъ не дремля подъ замками.
Не тотъ счастливъ, не тотъ, кто давитъ
Народъ мучительнымъ ярмомъ
И кто свое величье ставитъ
На полразрушенномъ другомъ!
Онъ пренебрегъ земли законы,—
Онъ, презирая вопль и стоны;
И бѣдной, въ горести мольбѣ,
Смѣется въ перекоръ судьбѣ!..
Онъ Бога гнѣвъ, онъ кары неба
Считаетъ за ничтожный страхъ;
Суму, кусокъ послѣдній хлѣба
Отнялъ у ближняго — и правъ!
Не онъ! — но только тотъ блаженъ,
Но тотъ счастливъ и тотъ почтенъ,
Кого природа одарила
Душой и чувствомъ и умомъ,
Кого фортуна наградила

Любовью — истиннымъ добромъ.
Всегда предъ Богомъ онъ съ слезою
Молитвы чистыя творитъ,
Доволенъ жизнію земною,
Законъ небесъ боготворитъ,
Открытой грудію стоитъ
Предъ казнью, злобою людскою,
И за царя, за отчій кровъ
Собой пожертвовать готовъ.
Онъ, и не многое имѣя
Всегда дѣлиться радъ душой,
На помощь бѣдныхъ, не жалѣя,
Все щедрой раздаетъ рукой!

Мука.

Осиротѣлый и унылый,
Ищу подруги въ свѣтѣ милой, —
Ищу — и всѣмъ «люблю» твержу, —
Любви жъ ни въ комъ не нахожу.
На что жъ природа намъ дала
И прелести и розы мая,
На что рука твоя святая
Имъ сердце гордымъ создала?
Ужель на то, чтобъ въ первый разъ
Плѣнить любовію священной,
Потомъ упорностью надменной
Сушить и мучить вѣчно насъ?
Ужель на то, чтобъ, радость рая
Въ ихъ взорѣ видя на земли,
Мы наслаждаться не могли,
Въ любови муки познавая?..
Но ты, земная красота,
Не стоишь моего страданья!
Развѣйся жъ, грѣшная мечта!
Проси отъ неба воздаянья!..

Сирота.

Когда мнѣ шелъ двадцатый годъ,
Я жилъ звѣриной ловлей,
И былъ укрытъ отъ непогодъ
Родительскою кровлей.
Отецъ мой всѣхъ былъ богатѣй,
Всякъ знался съ нашей хатой,
Былъ хлѣбъ, былъ скотъ рогатый

. . . . . .

Моя богатая семья
Копейкой не нуждалась.
Такому счастію родня
Съ досадой улыбалась.
И кто бъ подумать прежде могъ,
Что послѣ съ нами стало:
Прогнѣвался на грѣшныхъ Богъ, —
Что было, все пропало.

Два года не рожался хлѣбъ,
Изсохнула долина,
Утратилась скотина, —
Нужда на дворъ — и денегъ нѣтъ!
Травою заросло гумно,
Кошары опустѣли,
Съ послѣднимъ нищимъ заодно
И въ праздникъ мы говѣли.
Еще бъ мой жребій сносенъ былъ,
Но съ безталанной доли
Я всю семью похоронилъ.
Отъ скорби и отъ боли
Безъ нихъ для горькаго меня
И радости скончались:
Чуждалась бѣднаго родня,
Сосѣди удалялись.
Пришлось съ могилою родныхъ
Навѣки распроститься,
И горевать среди чужихъ
Съ пустой сумой пуститься.
И люди мирныхъ деревень,
Живя безъ нуждъ, не знаютъ,
Что вся мнѣ жизнь есть черный день,
Иль, зная, забываютъ.

Вздохъ на могилѣ Веневитинова.

Какія думы въ глубинѣ
Его души таились, зрѣли?
Когда бъ онѣ сказалися вполнѣ—
Кого бъ мы въ немъ, друзья, узрѣли?
Но онъ, нашъ сѣверный поэтъ,
Какъ юный лебедь величавый,
Средь волнъ тоскуя, пѣсню славы
Едва началъ—и стихъ средь юныхъ лѣтъ!

Къ рѣкѣ Гайдари.

Стою, зловѣщей думы полнъ,
При шопотѣ, при плескѣ волнъ...
Гайдарь! все тѣми жъ ты волнами
Катишься вдаль, какъ и всегда;
Такими жъ свѣтлыми водами
Поишь людей, поишь стада,
И тѣ жъ въ тебя глядятся горы,
И моются корни лѣсовъ;
Всѣ тѣ жъ кругомъ поля, озеры,
Все такъ же ночью вдоль бреговъ,
На лодкѣ легкой и качливой,
Плыветъ веселый рыболовъ;
По влагѣ сонной, прихотливой,
Кидаетъ сѣть онъ—и впередъ
Весломъ размашисто гребетъ,
И пѣснь Украйны для забавы,
Безъ мыслей, безъ желаній славы,
Напѣвомъ прадѣда поетъ!
Катись, Гайдарь, и пой водою
Брега, счастливые тобою!

Твой вѣкъ тебѣ не измѣнилъ;
А я, старикъ, всю жизнь прожилъ. .
Гдѣ жъ вы, благія упованья,
Гдѣ ты, священный сердца жаръ?
Катися, свѣтлая Гайдарь,
Неси мои съ собой стенанья!

Веселый часъ.

Дайте бокалы!
Дайте вина!
Радость—мгновенье:
Пейте до дна!

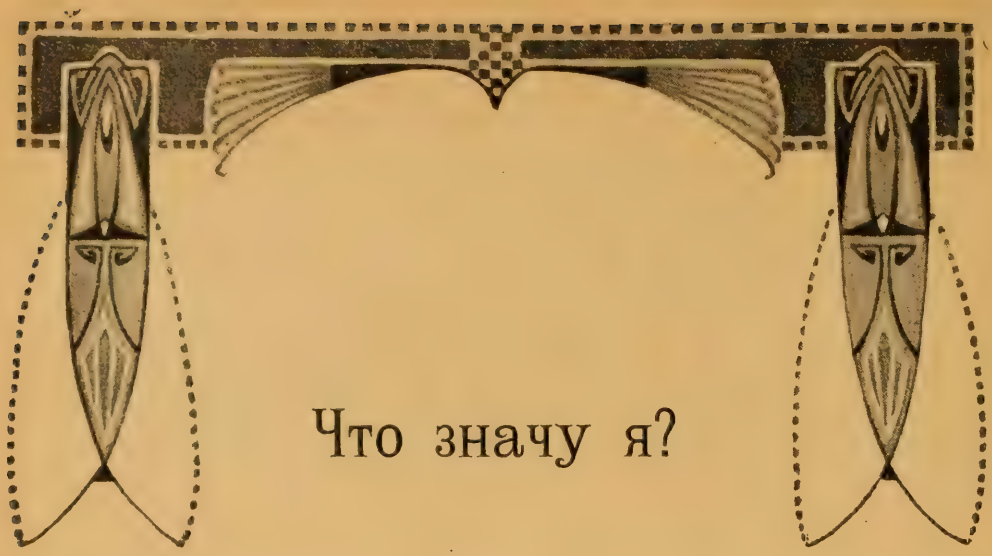
Громкія пѣсни
Гряньте, друзья!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

Нынѣ пируемъ—
Юность на часъ—
Нынче веселье,
Радость у насъ!

Завтра что будетъ,
Знаю ль, друзья?
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

Шумно, разгульно
Пойте, друзья!
Лейте въ бокалы
Больше вина!

Ну-те жъ, все разомъ
Выпьемъ до дна!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!



Что значу я?

Что, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
Въ желаньи счастья время трачу
И, вѣчно недовольный, плачу!
Чего жъ ищу? Къ чему стремлюсь?
Въ какой странѣ, на что гожусь?
Есть люди—до-смерти желаютъ
Вопросы эти разгадать,
Но, что до нихъ,—пусть какъ хотятъ
О всемъ серьезно разсуждаютъ.
Я недоросль, я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного.
Шероховатою дорогой
Иду шажкомъ я, какъ слѣпецъ;
Съ смѣшнымъ сойдусь ли—посмѣюсь,
Съ прекраснымъ встрѣчусь—имъ плѣнюсь,
Съ несчастнымъ—отъ души поплачу,—
И не стараюсь знать, что значу.

Утѣшеніе.

Какъ жаль, что счастія звѣзда
На небѣ вашемъ закатилась!
Но развѣ горесть навсегда
Съ судьбою вашей породнилась?
Пройдетъ зима—настанетъ май;
Бѣда глупа—взведетъ на счастье.
Всякъ Провидѣнью довѣряй:
Оно насъ цѣнитъ безъ пристрастья.
Пусть кто доволенъ здѣсь неправо
Или неправо кто гонимъ:
Земныя радости—съ отравой,
Отрава—съ счастіемъ земнымъ.
Все постоянно лишь за моремъ
И потому, что насъ тамъ нѣтъ;
А между тѣмъ, кто минутъ горемъ?
Никто—таковъ ужъ бѣлый свѣтъ!..

Утѣшеніе.

Внимай, мой другъ, какъ здѣсь прелестно
Журчитъ серебряный ручей,
Какъ свищетъ соловей чудесно...
А ты — одинъ, въ тоскѣ своей.
Смотри, какой красой въ пустынѣ
Цвѣты пестрѣются, цвѣтутъ,
Льютъ ароматы по долинѣ

И влагу росъ прохладныхъ пьютъ.
Вдали, тамъ, тихо и пріятно
Раскинулась березы тѣнь,
И свѣтитъ небосклонъ отрадно,
И тихо всходитъ Божій день.
Тамъ вешній рѣзвый вѣтерокъ
Играетъ, плещется съ водами,
Привѣтно шепчется съ листами
И даритъ ласками цвѣтокъ.
Смотри: на разноцвѣтномъ полѣ
Гоститъ у жизни рой дѣтей
Въ безпечной радости на волѣ,—
Лишь ты, мой другъ, съ тоской своей.
Развеселись!.. проснись душою
Съ проснувшейся для насъ весною,—
Хоть юность счастью посвятимъ!
Ахъ! долго ль въ жизни мы гостимъ?..

*
* *

Мой другъ, мой ангелъ милый,
Тебя ли я съ такою силой,
Такъ нѣжно, пламенно лобзалъ
И къ нѣжной груди прижималъ,—
Или въ минуту изступленья,
Въ жару сердечнаго волненья,
Я обнималъ одну мечту,
Твою рисуя красоту?
Какъ упоителенъ душѣ влюбленной
Живой твой взоръ полусмущенный,
Твой жгучій, страстный поцѣлуй!
Приди же вновь!.. Страдальца поцѣлуй!
Тобой любимымъ быть прекрасно!
Прекраснѣе—тебя любить!
Что муки мнѣ? Душою страстной
О милой сладко мнѣ грустить.

Соловей

(Подражаніе Пушкину).

Плѣнившись розой, соловей
И день и ночь поетъ надъ ней;
Но роза молча пѣснямъ внемлетъ,
Невинный сонъ ее объемлетъ...
На лирѣ такъ пѣвецъ иной
Поетъ для дѣвы молодой;
Онъ страстью пламенной сгораетъ,
А дѣва милая не знаетъ—
Кому поетъ онъ, отчего
Печальны пѣсни такъ его!

Наяда.

Взгрустнулось какъ-то мнѣ въ степи однообразной:
Я легъ
Подъ стогъ
И, дремля въ скукѣ праздной,
Уснулъ. Уснулъ—и вижу сонъ:
На берегу морскомъ, подъ дремлющей сосною,
Съ унылою душою,
Сижу одинъ; передо мною
Со всѣхъ сторонъ

Безбрежность водъ и небо голубое—
Все въ сладостномъ ночномъ покоѣ.
На все навѣянъ легкій сонъ.
Казалось, море—небеса другія,
Казались моремъ небеса,
И тамъ и здѣсь одни свѣтила золотыя,
Одна лазурь, одна краса
Въ объятьяхъ дружбы дремлетъ.
Но кто вдали, нарушивъ тишину,
Уснувшую волну
Подъемлетъ и колеблетъ?
Прелестная, нагая
Богиня синихъ водъ,
Наяда молодая...
Она плыветъ,
Она манитъ, она зоветъ
Къ себѣ на грудь мои объятія и очи...
Какъ сладострастный геній ночи,
Она съ дѣвичьей красотой
Являлась вся сверхъ волнъ нагой
И обнималася съ волной!..
Я съ береговъ, я къ ней, и—чудо!—достигаю...
Плыву ль, стою ль, не потопаю.
Я съ ней—ее я обнимаю,
Съ боязнью дѣтскою ловлю
Ея привѣтливые взгляды,
Сжимаю станъ Наяды,
Цѣлую и шепчу: люблю!
Она такъ ласково ко мнѣ главу склонила,
Она сама меня такъ тихо обнажила,
И рубище мое пошло ко дну морей...
Я чувствовалъ, въ душѣ моей
Рождалась новая, невидимая сила,
И счастливъ былъ я у ея грудей...
То отъ меня притворно вырываясь,
Она, какъ дымъ, сгибаясь, разгибаясь,
Со мной тихонько вдаль плыла...

Она плыветъ,
Она манитъ, она зоветъ...

То, тихо отклонивъ она меня руками,
Невидима была;
То долго подъ водами
Напѣвомъ чуднымъ пѣснь поетъ;
То, охвативъ меня рукою,
Шалитъ лѣнивою водою
И страстный поцѣлуй даетъ;
То вдругъ, одѣтые въ покровъ туманной мглы,
Идемъ мы въ воздухѣ до дремлющей скалы,
Съ вершины—вновь въ морскую глубину!
По ней кружимся, въ ней играемъ,
Другъ друга, нѣжась, прижимаемъ
И предаемся будто сну...
Но вспыхнула во мнѣ вся кровь,
Пожаромъ разлилась любовь;
Съ воспламененною душою—
Я всю ее объемлю, всю обвилъ...
Но мигъ—и я отъ ужаса остылъ:
Наяда, какъ мечта, мгновенно исчезаетъ,
Коварное мнѣ море измѣняетъ:
Я тяжелѣю, я тону
И страсть безумную кляну;
Я силюсь плыть, но надо мною
Со всѣхъ сторонъ валы встаютъ стѣною,
Разлился мракъ, и съ мрачною душой
Я поглощенъ бездонной глубиной...
Проснулся—потъ холодный
Обдалъ меня.
Поэзія! подумалъ я;
Твой жрецъ—душа святая
И чистая и неземная!

Изступленіе.

Духи неба, дайте мнѣ
Крылья сокола скорѣй.
Я въ полночной тишинѣ
Полечу въ объятья къ ней!

Сладострастными руками
Кругомъ шеи обовьюсь.
Ея черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь!

Беззаботно къ груди полной,
Какъ пчела къ цвѣтку, прильну,
Сладострастьемъ усыпленный,
Безпробудно я засну!

Поэтъ и няня.

«Няня, няня, правда ль это,
Что здѣсь сказано поэтомъ?
Будто мнѣ не вѣкъ играть,
Что достанется узнать
Дѣвушкѣ дѣвичье горе,
Своенравное, какъ море;
И что мнѣ теперь такъ мило, —
Будетъ горестно, постыло;

Что привыкну тосковать
И украдкою вздыхать...
День ли весело проснется, —
Дѣва дню не улыбнется,
Выйдетъ съ грустью на крыльцо
Освѣжить свое лицо,
Поглядитъ ли на дубравы,
На невинныя забавы,
На шелковые луга,
На зеленые брега —
Все подъ твердью голубою
Дышитъ радостью земною,
Ей лишь скучно, и слеза
Ороситъ ея глаза...»
— И!.. не вѣрь, мое дитя,
Они гуторятъ шутя,
Ихъ ты сказкамъ не внимай,
Плюнь на книжку! Пой, играй!

Цвѣтокъ.

Природы милое творенье,
Цвѣтокъ, долины украшенье,
На мигъ взлелѣянный весной,
Безвѣстенъ ты въ степи глухой!
Скажи: зачѣмъ же такъ алѣешь?
Росой заискрясь, пламенѣешь
И дышишь чѣмъ-то, какъ живымъ,
Благоуханнымъ и святымъ?

Ты для кого въ степи широкой,
Ты для кого отъ селъ далеко?
Не для крылатыхъ ли друзей,
Поющихъ въ воздухѣ степей?
  Для нихъ ли, въ роскоши, семьями,
  Румяной ягодой, цвѣтами
  И обаяньемъ для души,
  Вы, травы, зрѣете въ тиши?
О, пой, косарь! Зови пѣвицу,
Подругу, красную дѣвицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронулъ ты травы степной!

Къ милой.

Давно разстались мы съ тобою.
Быть-можетъ, ты теперь не та;
Быть-можетъ, ужъ другой
Тебя отъ сладкаго забвенья
Для новой жизни пробудилъ.
И въ тѣхъ же снахъ другія сновидѣнья,
Роскошнѣе моихъ, твою лелѣютъ душу.
Хорошъ ли онъ? Вполнѣ ли замѣнилъ
Огонь любви моей могучей
И силу страстнаго лобзанья,
И наслажденья безъ конца?
Что, если онъ своею волей
Сумѣлъ любовь пересоздать,
И на разрушенныхъ обломкахъ
Построилъ міръ другой—
Подобье дня подъ небесами?
И въ этотъ міръ волшебной силой
Прелестныя мечты безъ образовъ собралъ,
Кругомъ тебя разсыпалъ,
Преобразилъ въ живыя лица,

Святой любовью озарилъ,
И власть тебѣ онъ далъ
Ихъ безконечно ощущать?..
Ахъ, если такъ, то ты счастлива!
Среди духовъ небесныхъ
Нѣтъ духа счастливѣй тебя!..
Что жъ я?—ненужное созданье!
Приди ко мнѣ, моя богиня,
Во время сна, въ покровахъ ночи,
Возьми къ себѣ, въ его прекрасный міръ,
И съ нимъ въ одно созданье слей!

Примиреніе.

На пиръ сердечныхъ наслажденій,
На свѣтлый пиръ любви младой
Съ судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой.
И я, въ безумномъ изступленьѣ,
Изъ міра дѣвственной любви
Къ моимъ врагамъ на праздникъ шумный
Съ челомъ открытымъ гордо вышелъ,
На злобу—злобой ополчился
И на бѣду—съ бѣдой пошелъ;
Противъ людей я грудью сталъ,
На смертный бой судьбу я вызвалъ!
И гдѣ жъ она?.. Гдѣ злые люди?..
Гдѣ сила ихъ, оружье, власть?..
Ихъ зло на нихъ же обратилось
И все кругомъ меня безмолвно
Въ одно мгновенье покорилось;
А я стоялъ, глядѣлъ на небо, —
И улыбнулось небо мнѣ...
Не небо... нѣтъ! ея прекрасный,
Привѣтный взоръ я встрѣтилъ тамъ...

Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демонъ гибнущей души,
Оставь меня. Ни прелестью порока
Ни буйной страстью грѣшныхъ наслажденій
Не увлечешь меня ты больше;
Не для тебя—для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вотъ ужъ нѣтъ пространства между нами;
И вотъ ужъ нѣтъ въ пространствѣ пустоты;
Она и я—различные два міра—
Въ одну гармонію слились,
Одною жизнію живемъ!
Но что за грустныя сомнѣнья
Порой еще мою волнуютъ грудь?
Ужель, души моей надежды,
Есть за могилой вамъ конецъ?
Ужель всѣ истины на свѣтѣ—
Одна лишь выдумка ума?
Ужель и ты, святая вѣра чувствъ,
Людскихъ страстей пустая тѣнь?
Нѣтъ, нѣтъ! не для того на небѣ солнце ходитъ,
Чтобъ бѣлый день покрылся тьмой!..

Міръ музыки.

Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни
Гармонической волной!
По душѣ волшебной ходятъ
И проходятъ съ быстротой.
Полечу я вслѣдъ за ними,
Погружуся въ нихъ душой,
Въ очарованномъ забвеньѣ
Позабуду міръ земной!
Сколько звуковъ, сколько пѣсенъ
Раздалося вновь во мнѣ!
Сколько образовъ чудесныхъ
Оживилось въ вышинѣ!
Между нихъ она, младая,
Заблистала красотой!
Чистой пламенной любовью
Озарился міръ земной...

Улетайте жъ въ небо, звуки,
Сокрывайтеся вдали!
Здѣсь я съ нею, здѣсь я счастливъ —
Любо жить мнѣ на земли!

Послѣдняя борьба.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.
Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ — силу, въ сердцѣ — жаръ.
Что, погибель! что спасенье!
Будь, что будетъ — все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!
Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна;

Безконечно въ ней стремленье,
Въ ней покой и тишина...
Не грози жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой:
Готовъ биться я съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!
У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь,
Подъ крестомъ — моя могила,
На крестѣ — моя любовь!

Бѣдный призракъ.

Убилъ я жизнь, искавши счастья,
Сгубилъ себя, — а счастья нѣтъ;
Пойду къ друзьямъ на пиръ старинный
И заживу я съ ними вновь.
«Противъ меня возстали люди;
Судьба караетъ день и ночь;
На свѣтѣ жить несносно, горько;
Страдальцу дайте отдохнуть».
Отвѣта нѣтъ, друзья-счастливцы
На бѣдность холодно глядятъ,
Со мною встрѣчи избѣгаютъ
И «нѣту дома» говорятъ.
Какъ будто я недобрый гость,
Пришелъ богатство ихъ присвоить,
Печально радость отравить,
Свое имъ горе навязать!
И вотъ дожилъ на старость лѣтъ,
Что не съ кѣмъ слова перемолвить,
Сердечной скуки раздѣлить,
Кому бъ «ночь добрую» сказать.
О ночь! приди хоть ты... Но съ этой мыслью
Вся повѣсть прежнихъ дней

Изъ глубины души выходитъ
И тѣнью страшною стоитъ.
И грустно мнѣ смотрѣть
Весной на лугъ зеленый,
На плодъ любимыхъ яблонь
И на пожатый колосъ нивъ...

Я дома.

Опять въ глуши, опять досугъ
Страдать и тѣломъ и душою
И одиночества недугъ
Кормить привязчивой тоскою.

Охъ, этотъ кормъ! какъ горекъ онъ!—
Съ него душа не пополнѣетъ,
Не вспыхнетъ кровь, а смертный сонъ
Скорѣй крыломъ на жизнь повѣетъ!

Но я, въ укоръ моей судьбѣ,
Судьбѣ, враждующей со мною,
Томясь съ злосчастіемъ въ борьбѣ,
Не отравленъ еще тоскою.

Еще я вѣрю, что минетъ
Година горькихъ испытаній,
И снова солнышко взойдетъ
И сгонитъ съ сердца мглу страданій!

Что нужды, если срокъ уйдетъ,—
Жизнь на закатѣ разсвѣтлѣетъ:
Насъ въ полдень солнце очень жжетъ,
А подъ-вечеръ отрадно грѣетъ.

Къ * * *

Ты въ путь иной отправилась одна,
И для преступныхъ наслажденій,
Для сладострастья безъ любви
Другихъ любимцевъ избрала...
Ну, что жъ—далеко ль этотъ путь пройдетъ?
Какія впечатлѣнья
Въ твоей душѣ оставилъ онъ?
Изъ всей толпы избранниковъ твоихъ
Съ тобой остался ль хоть одинъ,
И для спасенья твоего
Готовъ ли жертвовать собой?
Гдѣ жъ онъ? Дай мнѣ его обнять,
Обоихъ васъ благословить
На безконечный жизни путь!
Но ты одна—надъ страшной бездной,
Одна, несчастная, стоишь!
Въ безумномъ изступленьи
Враговъ на помощь ты зовешь
И съ безнадежною тоскою
На гибель вѣрную идешь.
Дай руку мнѣ: еще есть время
Тебя отъ гибели спасти...
Какъ холодна твоя рука!
Какъ тяжело намъ проходить
Передъ язвительной толпою!
Но я рѣшился, я пойду,
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Изъ бездны страшнаго грѣха...
И вновь ты будешь у меня
На прежнемъ небѣ ликовать
И трудный путь судьбы моей
Звѣздою свѣтлой озарять!

*
* *

Не разливай волшебныхъ звуковъ!
Не уноси ты въ свой прекрасный міръ!
Твоя душа—какъ Божій ангелъ!
Вся жизнь твоя—какъ свѣтлый день!
Ты можешь силой дивной пѣсни
Созвать невидимыхъ духовъ:
Они всю прелесть чудной жизни
Въ твоихъ видѣньяхъ разольютъ;
Мятежный міръ въ мечтахъ сокроютъ,
Съ печалью радость съединятъ.
Коснется ль грусть — на душу снидетъ
Всесильной жизни благодать!
А предо мной лишь прошлыхъ дней
Всѣ образы страстей безумныхъ
Изъ глубины души поднимутъ
Во всей ихъ страшной наготѣ.
И если ты, мой милый другъ,
Не озаришь меня своимъ сіяньемъ,
Не дашь руки, «люблю» не скажешь,
Со мною вмѣстѣ не пойдешь,—
Тогда погибъ я навсегда!
Тогда, страдалецъ одинокій,
Ни для земли ни для небесъ
Я не воскресну никогда!

Посланіе.

(В. Г. Бѣлинскому.)

Будь человѣкъ, терпи.
Тебѣ даны всѣ силы,
Какими жизнь живетъ
И міръ вселенной движетъ.
Не такъ природа-мать,
Но по закону воли

Свои дары здѣсь раздаетъ
Для царства бытія!
Когда жъ надъ ней есть воля,
Безъ воли мигъ—и что она?
Такъ какъ же могутъ люди
Твоей душою управлять?
Пущай они возстанутъ,
Противъ тебя пойдутъ,
Въ твою главу ударятъ
Всей силою земной,—
Не пяться, другъ! Стой прямо,
Главы предъ ними не склоняй!
Но смѣло въ бой неравный—
На битву Божію ступай!
Не уничтожить имъ
Твоей могучей воли;
Пока въ грудяхъ дыханье—
До тѣхъ поръ бейся съ ними ты...
Громада горъ земля—
Земля песчинка лишь одна;
И океанъ безбрежныхъ водъ—
Что капля утренней росы.
У духа жизни вѣса нѣтъ,
У воли духа нѣтъ границъ,
Вездѣ одна святая сила
И часть ея есть сила тожъ.
Однимъ лучомъ огонь небесъ
Освѣтитъ тьму, согрѣетъ ледъ,
Но тьма и холодъ въ небѣ
Другого солнца не зажжетъ.
Зачѣмъ же долго медлить?
Другую ночь откуда ждать?—
Когда съ презрѣньемъ люди
Зовутъ тебя на брань...
Ступай во имя Бога,
Воюй за правду, честь,

Умри на полѣ брани,
Но не бѣги съ него назадъ.
И гдѣ война, тамъ дѣло
Великой жизни бытія!
Въ ея борьбѣ—паденье смерти
И новой мысли торжество!

Вопль страданія.

Напрасно я молю святое Провидѣнье
Отвесть ударъ карающей судьбы,
Укрыть меня отъ бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребій мой;
Иль, слабому, ничтожному творенью,
Дать силу мнѣ, терпѣнье, вѣру,
Чтобъ могъ я равнодушно пережить
Земныхъ страстей безумное волненье.
Пощады нѣтъ! Душевную молитву
Разноситъ вѣтръ во тьмѣ пустынной,
И вопли смертнаго страданья
Безъ отзыва вдали глубокой тонутъ.
Ужель во цвѣтѣ лѣтъ подъ тяжестью лишеній
Я долженъ пасть, не насладившись днемъ
Прекрасной жизни, досыта не упившись
Очаровательнымъ дыханіемъ весны?

Благодѣтелю моей родины.

(Д. Н. Бѣгичеву.)

Есть люди—межъ людей они
Стоятъ на ступеняхъ высокихъ,
Кругомъ ихъ блескъ, и слава
Далеко свой бросаетъ свѣтъ;
Они жъ, съ ходулей недоступныхъ,

Съ безумной глупостью глядятъ,
Въ страстяхъ, порокахъ утопаютъ;
И глупо такъ проводятъ вѣкъ.
И *люди* мимо ихъ смиренно
Съ лицомъ боязненнымъ проходятъ,
Взглянуть на нихъ боятся,
Колѣна гнутъ, цѣлуютъ платья;
А въ глубинѣ души своей безмолвно
Плюютъ и презираютъ ихъ.
Другіе люди есть: они отъ Бога
Поставлены на тѣхъ же ступеняхъ;
И такъ же блескъ, величье, слава
Кругомъ ихъ свѣтъ бросаютъ свой.
Но люди тѣ—всю жизнь свою
Дѣламъ народа посвятили,
И искренно, для пользы государства,
И день и ночь работаютъ свой вѣкъ...
Кругомъ же ихъ съ почтеньемъ *люди*
Колѣна гнутъ, снимаютъ шапки,
Молитвы чистыя творятъ...
О, много разъ, несчастныхъ, бѣдныхъ,
Васъ окружала пестрая толпа,
Когда вы всѣмъ по силѣ-мочи,
Съ любовью, помогали имъ.
Тогда, съ благоговѣньемъ тайнымъ,
Любилъ глядѣть я молча,
Какъ чудно благодатнымъ свѣтомъ
Сіяло ваше свѣтлое лицо...

Поминки.

(Памяти П. В. Ст—ча.)

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!
Могучая сила
Въ душѣ ихъ кипитъ;
На блѣдныхъ ланитахъ
Румянецъ горитъ.
Ихъ очи какъ звѣзды
По небу блестятъ;
Ихъ думы — какъ тучи,
Ихъ рѣчи горятъ.
Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно ихъ не манитъ
Волшебница-даль!
И съ міра и съ время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.
Шумна ихъ бесѣда,
Разумно идетъ;
Роскошная младость
Здоровьемъ цвѣтетъ.
Но вотъ къ нимъ приходитъ
Невѣдомый гость,
И молча садится
Какъ темная ночь.
Лицо его мрачно,
И взгляды — что ядъ
И весь на немъ страненъ
Печальный нарядъ.
И лучшему другу
Онъ руку пожалъ;
И глазъ его черный
Огнемъ засверкалъ.
Вмигъ юноша вздрогнулъ
И очи закрылъ,
И темные кудри
На грудь опустилъ.
Прозрачно, какъ мраморъ,
Застыло лицо —
Уснулъ онъ надолго,
Уснулъ глубоко!..
Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!
Ихъ такъ же, какъ прежде,
Бесѣда шумна;
Но часто невольно
Печаль въ ней видна.

Звѣзда.

Гдѣ бъ ни былъ я — всегда
До утренней зари алмазная звѣзда
Противъ меня стоитъ
И въ очи мнѣ язвительно глядитъ...
При ней когда-то часъ разлуки былъ...
И я давно ее и часъ тотъ позабылъ!
Одинъ лишь этотъ лучъ неотразимъ,—
И я никакъ не свыкнусь съ нимъ.
Порою онъ приводитъ въ умиленье,
Порой въ восторгъ и изступленье,
Порою въ горькую печаль...
И мнѣ ее, погибшую, все жаль!

На новый 1842 годъ.

Прожитый годъ, тебя я встрѣтилъ шумно,
Въ кругу знакомыхъ и друзей —
Широко, вольно и безумно,
При звукахъ бѣшеныхъ рѣчей.
Тогда, забывшись на мгновенье,
Впередъ всякъ дерзостно глядѣлъ,
Своихъ страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотѣлъ.
Въ комъ сила есть на радость, на страданье,
Въ томъ духъ огнемъ восторженнымъ горитъ:
Тотъ о своемъ загадочномъ призваньѣ
Свободно, смѣло говоритъ.
Такъ до зари бесѣда наша
Была торжественно шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь не осушала дна!
Но годъ прошелъ: однимъ — звѣздою ясной
Другимъ онъ молніей мелькнулъ;

Меня жъ годъ, встрѣченный прекрасно,
Какъ другъ, какъ демонъ обманулъ.
Онъ за таинственнымъ покровомъ
Мученья горькія скрывалъ,
И въ этомъ свѣтѣ безтолковомъ
Меня вполнѣ рокъ грозный испыталъ.
Тяжелый годъ, тебя ужъ нѣтъ, а я еще живу,
И новый, тихо, безъ друзей, одинъ встрѣчаю;
Одинъ въ его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю.
Что въ ней таится для меня?
Ужели новыя страданья?
Ужель безвременно изъ міра выйду я,
Не совершивъ и задушевнаго желанья?

Конецъ

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Первоначальные опыты и наброски Кольцова.

Пѣснь утру.

Съ зарею красною восходитъ
Солнце яркое съ востокъ,
Изъ-за лѣса, горъ выходитъ,
Зашумѣлъ живой потокъ.
Освѣтило долъ росистый,
Озлатило зыби водъ,
Потрясся и боръ вѣтвистый.
Вдругъ поднялся хороводъ
Нѣжныхъ пташекъ, пѣнье,
И свирѣли пастуховъ;
Всюду радость и веселье
Средь долины и луговъ.
Всѣхъ плѣняло, веселило
Милый взоръ среди природъ!
О, какъ нѣжно, о, какъ мило,
Утро встрѣтить и восходъ!

Первый шагъ любви.

Извините, я невольно,
Васъ увидѣвъ, полюбилъ;
Это сердцу ужъ прискорбно,
Если бъ пламень я убилъ.
Если можно, изъяснитесь...
Вы, я знаю, возгордитесь
Со мной дружбу завести.
Отказъ милой я забуду,
Но любить вовѣки буду...
Ангелъ, да иль нѣтъ? Прости!

Пьянюгину.

Козьма, говорятъ, хворъ,
Ай, вздоръ!
Такъ развѣ съ пуншу заболѣлъ;
И вправду, какъ не околѣлъ!

Простодушіе сосѣда.

Сосѣдъ мой пьетъ аракъ;
Такъ, видно, не дуракъ.

Ирисѣ.

„Не вѣрю, чтобъ Ириса
Чужой красой сіяла“.
Хоть какъ ты ни божися,
Но все жъ не угадала:
У ней фальшивы волоса,
Всегда поддѣльная краса.

Семинаристу, писавшему эпиграмму.

Вралевъ, писавшій эпиграмму,
Теперь, признаться, докончалъ;
Но что жъ онъ ею укорялъ?—
И не мужчину и не даму.

Отцвѣтшая краса.

Жизнь моя несется,
Какъ пылиночка весной;
Пламень страстный льется
И уноситъ мой покой.
Милы гдѣ предметы:
Поле, рощи и луга,
И младыя лѣта,
И пріютные брега?
Гдѣ твоя награда—
Воли страсти молодой?
Гдѣ твоя услада,
Незамѣтная тоской?
Гдѣ цвѣточекъ лживый—
Свѣтлоокіе глаза,
Блескъ въ лицѣ игривый
И пріятная краса?
Рано ты сокрылась,
Милой юности черта,
Мнѣ же бѣдной мнилась—
Сонъ, игривая мечта.

Сонъ.

Въ бурной жизни сновидѣнья
Я люблю одинъ мечтать,
Посреди жъ уединенья
Я готовъ стихи кропать.
Но когда мой тихій геній
Съ музой стройной улетитъ,
Я ношусь между селеній,
Тамъ, гдѣ милымъ должно жить.
Если скучный посѣтитель
Мнѣ явится одному,
То надежда-утѣшитель
Собесѣдуетъ ему.
Одинокій, я скучаю
И утѣхъ вездѣ ищу,
И томлюся и вздыхаю,
Самъ не знаю, чѣмъ грущу.

Посланіе къ Е. Г. О.

(Акростихъ.)

Если, Лизанька милая,
Любишь нѣжно ты меня,
И, любовію сгорая,
Съ тобой счастливъ вѣчно я,—
Ахъ, любезная, жестоко
Въ нѣмой страсти слезы лить!
Если жъ скукѣ одинокой
Терпѣливость положить,—
Есть ли что лютѣе въ свѣтѣ,
Грустнѣй, тяжче черныхъ бѣдъ?
Разлучаетъ страсть въ предметѣ
И велитъ любя терпѣть,
Горячѣе любовь станетъ,
Образъ милый сохраня.
Разъ, ахъ! тѣнь ея летаетъ,
Этой милой, вкругъ меня.
Въ вѣрномъ сердцѣ сохраняю
Непреложную любовь,
Отъ любови согрѣваю
И сердце, грудь, и кровь.
Ангелъ милый, я неложно
Горжусь чувствомъ и тобой!
Ахъ, красавицы, возможно ль
Разлучить меня съ драгой?
Колько жъ, Лиза дорогая,
Отягченному страдать,
Вѣрно сердце предлагая,
Отъ любови увядать
И въ любви надеждъ искать?

Акростихъ.

Красавицѣ любезной
Отдалъ послѣдній часъ.
Любовь, твой даръ чудесный
Царями ставитъ насъ.
О, любовь, твой милый даръ
Вездѣ ставитъ намъ алтарь,
Къ удовольствію, надежный,
Тихій, мирный, безмятежный.

Тоска о милой.

Въ чужой странѣ далеко,
Съ тобою разлученъ,
Скитаюсь одинокой,
Лишь милой оживленъ.
Тобою только въ страсти
Питаю скорбь мою,
Вздыхаю, въ лютой части
Кончаю жизнь свою.
Я вяну повсечасно
И сердцемъ и душой!
Въ разлукѣ жить ужасно,
О, милая, съ тобой!

Рыцарь.

(Баллада.)

Плыветъ рыцарь одинокій
Въ полночь быстро по рѣкѣ,
Въ путь собравшися далекій,
Темно-блѣденъ, въ челнокѣ,
И въ рукахъ весло сіяетъ;
Величавъ и милъ гребецъ;
Вѣтеръ парусомъ играетъ.
Полонъ страха. Но пловецъ
Устремляетъ взоръ смущенный,
Гдѣ чернѣетъ быстрина.
Видитъ онъ: вдали премѣнно
Колыхается волна;
Вмигъ изъ волнъ Днѣпра глубокихъ
Появилися въ цвѣтахъ:
То три дѣвы черноокихъ,
Знать, рѣзвиться на водахъ!
Ближе къ рыцарю подходятъ,
Рыцарь мчится въ челнокѣ;
Взявъ челнокъ, его уводятъ
Быстро далѣ по рѣкѣ.
Всѣ три дѣвы молодыя
Влекутъ рыцаря и челнъ
Черезъ пурпуры сѣдые,
Не страшатся бурныхъ волнъ.
Рыцарь, въ думу погруженный,
Руки тянетъ къ небесамъ;
Но, вдругъ силъ и чувствъ лишенный,
Не противится красамъ.
А прелестницы игривы
Прямо къ рыцарю въ челнокъ;
Страхъ!—но тщетные порывы:
Силъ лишается сѣдокъ.
Онъ Творца молить не можетъ
И рукъ къ небу не взнесетъ,
Пуще страхъ его тревожитъ,
Потъ съ чела холодный льетъ.
Видитъ берегъ обнаженный
И туманъ вокругъ сѣдой,
По лазури мѣсяцъ блѣдный
Путь свершаетъ тихо свой.
Дѣвы къ рыцарю прильнули
И невольно всѣ вздохнули;
Слышенъ милый голосъ сей:
„Рыцарь, рыцарь, бѣжишь бури,
Но избѣгъ ли ты сѣтей?“
И, склоняся головами,
Онѣ тихими шагами
Влекутъ рыцаря съ собой —
И, разлившися струями,
Очутились подъ водой.
Рыцарь сдѣлался добычей
Обитательницъ Днѣпра,
А челнокъ его летучій
Очутился близъ шатра.

Уныніе.

На что мнѣ, Боже сильный,
Далъ жизнь и бытіе,
Когда въ странѣ изгнанья
Прямого счастья нѣтъ?
Когда въ ней вихри, бури
И вѣютъ и шумятъ,
И сѣрые туманы
Скрываютъ солнца свѣтъ?
Я мнилъ, что въ мірѣ люди
Какъ ангелы живутъ,
И дружбою прямою
Крѣпятъ сердецъ союзъ;
Я мнилъ, что въ сердцѣ, въ мысляхъ
Одинъ у нихъ законъ:
Къ тебѣ, Отецъ Небесный,
Любовью пламенѣть
И ближнимъ неимущимъ,
Съ веселіемъ души,
Чѣмъ можешь, чѣмъ богатъ,
При крайности помочь.
Но нѣтъ—не то мнѣ опытъ
Въ странѣ сей показалъ:
Всѣ люди, будто звѣри,
Другъ друга не щадятъ,
Другъ друга уязвляютъ
Нетрепетной рукой!..
Надменность, гордость, слава—
Молебный ихъ кумиръ,
Сокровища жъ и злато—
Владыка ихъ и богъ!
А истина святая
Забыта навсегда,
Любовь и добродѣтель
Чужда понятью ихъ.
И Ты, Отецъ Небесный,
Создавшій сихъ людей,
Не перестаешь съ улыбкой
Щедроты лить на нихъ!..
Итакъ, внемли жъ молитву
Мою, Всезрящій Царь!
Прерви печальной жизни
Печально бытіе,
И въ міръ иной, чудесный
Пересели мой духъ.

Плачъ.

(Первоначальн. редакція „Унынія".)

На что мнѣ, Боже сильный,
Далъ смыслъ и бытіе,
Когда въ странѣ изгнанья
Любви и братства нѣтъ!
Когда въ ней вихри, бури
И вѣютъ и шумятъ,
И черные туманы
Скрываютъ правды свѣтъ?
Я думалъ, въ мірѣ люди,
Какъ ангелы живутъ.
Я думалъ въ тайныхъ мысляхъ —
Одинъ у нихъ законъ:
Къ Тебѣ, Царю Небесный,
И ближнимъ неимущимъ,
Безъ ропота души,
Послѣднюю копейку
Какъ братьямъ удѣлять.
А люди—тѣ же звѣри;
И холодны и злы,
Мишурное величье—
Молебный ихъ кумиръ,
И золото и низость —
Защитникъ ихъ и богъ.
И Ты, Отецъ Небесный,
Не престаешь вседневно
Щедроты лить на нихъ.
О, просвѣти мнѣ мысли —
Не радостны онѣ, —
И мудрости свѣтильникъ
Зажги въ моей душѣ.

На отъѣздъ Д. А. Кашкина въ Одессу.

Что груди тяжельше?
Что сердцу больнѣй?
Что конь мой удалый

Споткнулся не разъ?
Иль заяцъ трусливый
Мой путь перебѣгъ?
Ужъ видны мнѣ кровли
Родныхъ и друзей,
И храма святого
Сіяющій крестъ.
О чемъ же ты грустномъ
Пророчишь, душа?..
Ужъ обнялъ съ восторгомъ
Счастливецъ семью.
Но гдѣ жъ, о, родные,
Безцѣнный мой другъ?
Онъ отбылъ надолго
Въ низовы края...
Не даромъ же конь мой
Споткнулся не разъ,
Не даромъ же сердце
Вѣщало печаль!
Когда жъ возвратишься
Въ родную страну?
Дожлусь ли, вь уныньѣ,
Тебя, другъ, назадъ?

Къ М...

Вы милы всѣмъ, вы очень скромны;
Не спорю я — вашъ кротокъ нравъ;
Но я узналъ, что онъ притворный,
Что онъ съ природы такъ лукавъ.
Въ васъ нѣтъ капризовъ, нѣтъ и чванства,
Но только много шарлатанства,
Къ тому жъ вашъ вѣжливый языкъ
И увѣрять и льстить привыкъ.
Къ свиданьямъ тайнымъ вы согласны, —
Но тѣ свиданья мнѣ опасны,
Затѣмъ, что въ нихъ сокрытъ обманъ
Иль вновь затѣянный романъ.
Въ веселый часъ хоть вы твердите:
Забудьте прежнее—любите!—
Да какъ, скажите, васъ любить,
Какъ непорочность обольстить?
О, нѣтъ, такія мнѣ оковы
Не милы, какъ вѣнокъ терновый.
Притомъ же хладная любовь
Въ объятіяхъ застудитъ кровь.
Сказать велите ль откровенно:
Вовѣкъ такой, какъ вы, презрѣнной
Затѣмъ не соглашусь любить,
Чтобы осмѣяннымъ не быть.

(Къ А. Д. Вельяминову.)

Милостивый государь
Александръ Дмитріевичъ!

Въ селѣ, при первой встрѣчѣ нашей,
Для васъ и для супруги вашей
Я, помню, обѣщалъ прислать
Торквато милое творенье,
Пѣвца любви и вдохновенья;
И слова даннаго сдержать
Не могъ донынь, затѣмъ, что прежде
Обманутъ былъ въ своей надеждѣ.
Но обѣщанью измѣнить
За стыдъ, за низость я считаю —
И вотъ, успѣлъ лишь получить

Двѣ книги — вамъ ихъ посылаю.
Мнѣ лестно вамъ угоднымъ быть.
Такъ—незначительный мечтатель —
Я вашимъ мнѣньемъ дорожу,
И восхищусь, коль заслужу
Вниманье ваше... Обожатель
Всего прекраснаго...

Вашъ покорнѣйшій
Мѣщанинъ
Алексѣй Кольцовъ.

Къ М...

Подобныхъ Машѣ очень мало,
И въ мірѣ равныхъ не бывало:
Лицо, движенья, рѣчь и взглядъ
Стальное сердце распалятъ.
Любить ее и я бы радъ,
Когда бъ въ груди не скрылось жало,
Когда бъ въ любви ея — не ядъ.

Къ подругѣ моей юности.

Зачѣмъ ты, дѣва, не желаешь
Со мною быть наединѣ?
Скажи, скажи: зачѣмъ при мнѣ
Ты такъ робѣешь, такъ скучаешь?
Ужель со мной опасно быть?
Ужель тебѣ кажусь я страшенъ?
О, вѣрь мнѣ, вѣрь: я не опасенъ!
Я весь передъ тобой открытъ,
И въ сердцѣ лишь любовь горитъ.
Ты помнишь, другъ мой, съ юныхъ лѣтъ
Съ тобою мы росли, рѣзвились,
И что на мысли ни придетъ,
Мы всѣмъ довѣрчиво дѣлились.
А нынь, не знаю почему,
Меня ты, дѣва, презираешь
И средь людей и одному
Невинныхъ чувствъ не довѣряешь.
Оставь, красавица, свой стыдъ,
Не будь ко мнѣ ты равнодушна;
Будь такъ, какъ прежде простодушна,
Какъ прежде, будемъ братски жить.

Повѣсть моей любви.

Посвящаю воронежскимъ дѣвушкамъ.

Красавицы, дѣвушки,
Одноземки, душеньки!
Вамъ хочу я, милыя,
На досугѣ кое-какъ
Исповѣдать таинство,
Таинство чудесное.
И у насъ, въ Воронежѣ,
Никому до этихъ поръ
Не хотѣлъ открыть его,
Но для васъ, для васъ однѣхъ
Я его повѣдаю,
И такъ, какъ по грамоткѣ,
Какъ хитрецъ по карточкамъ,
Разскажу по-дружески
Повѣсть о самомъ себѣ.

Скучно и нерадостно
Я провелъ вѣкъ юности;
Въ суетныхъ занятіяхъ
Не видалъ я красныхъ дней;
Жилъ въ степяхъ съ коровами,
Грусть въ лугахъ разгуливалъ,
По полямъ съ лошадкою
Одинъ горе мыкивалъ;
Отъ дождя въ шалашикѣ
Находилъ убѣжище.
Дикаремъ степникою
Я въ Воронежъ ѣзживалъ
За харчами, деньгами,
Чаще — за отцовскими
Мудрыми совѣтами;
И въ такихъ занятіяхъ
Мнѣ пробило двадцать лѣтъ.
Но клянусь вамъ совѣстью,
Я еще не зналъ любви.
Въ городахъ всѣ дѣвушки
Какъ-то мнѣ не нравились;
Въ слободахъ, въ селеніяхъ
Всѣми брезгалъ—требовалъ...
Разъ одинъ, въ Воронежѣ,
Гдѣ не помню, встрѣтилась
Со мной одна дѣвушка:
Смазливенькимъ личикомъ,
Умильными глазками,
Осанкою, поступью,
Рѣчью лебединою
Вспламенила молодца.
Вдругъ сердечко пылкое
Зажглось, раскалилося,
Забилось и искрами
По груди запрядало.
Я тогда не въ силахъ былъ
Удержать порывъ страстей —
И въ ея объятіяхъ
Уснулъ очарованный,
Упившись любовію, —
И съ тѣхъ поръ той дѣвушки
Сталъ я вѣчнымъ плѣнникомъ.
Кто жъ она? вы спросите,
Одноземки милыя...
Не скажу... Но если вы
По весельямъ ѣздите,
На гульбахъ бываете,
Тамъ, повѣрьте мнѣ,
Вы ее увидите:
Всѣхъ скромнѣй, красивѣе,
Всѣхъ простѣй и ласковѣй,
Откровеннѣй, радостнѣй.

Мѣщанская любовь.

Итакъ, вчерашній разговоръ
Свершилъ нежданный приговоръ...
Не нужны темные намеки,
Ни ясный ни лукавый взоръ,
Гдѣ въ честь за поцѣлуй — упреки,
За ласки—дерзостный укоръ,
За шутку скромную — презрѣнье
Платить обратно въ награжденье
И доводить враждой до слезъ.
Что взглядъ послѣдній произнесъ?
Вы думали, меня смутите?..
Нѣтъ, я не стану возражать,
Ни кланяться, ни умолять.
По-моему: любить—любите,
А нѣтъ—прощайте! что вздыхать?
Я не дитя: я не заплачу,
Не потужу я, что утрачу
Для новыхъ благъ одну тебя.
Лишь ты, немилая моя,
Забудь презрѣннаго скорѣй;
А я найду, повѣрь, другую
Себѣ красавку городскую,
Тебя моложе и милѣй.

Эпитафія.

Онъ жилъ, — и былъ здѣсь всѣмъ чужой;
Но всѣ душой его любили.
И сожалѣньемъ и слезой,
Прощаясь, прахъ его почтили...

* * *

Когда есть жизнь другая тамъ, —
Прощай! Счастливый путь!
А нѣтъ,—скорѣе къ намъ,
Пока жить можно тутъ.

II.

Стихотворенія, приписываемыя Кольцову.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величіи, соч. Ломоносова, переложенное въ русскій размѣръ.

День сокрылъ лицо; ночь въ поляхъ лежитъ;
Черна тѣнь взошла на вершины горъ,
Свѣтлый лучъ погасъ въ синевѣ небесъ;
Бездна звѣздная раскрывается—
Нѣтъ числа звѣздамъ, безднѣ мѣры нѣтъ!
Какъ песчинка намъ незамѣтная,
Въ бурной хляби водъ, искра въ вѣчномъ льдѣ;
Какъ въ порывѣ бурь перелетный прахъ;
Какъ перо въ огнѣ: такъ въ сей безднѣ я
Исчезаю весь, весь теряюсь я,
Утомленный мыслей бременемъ.
Намъ гласятъ уставелемудрыя:
Тамъ другихъ міровъ область вѣчная;
Тамъ горятъ солнцы неизсчетныя;
Тамъ народовъ жизнь, новый кругъ вѣковъ;
Тамъ для славы Всемогущаго
Вещество хранитъ силу равную...
Но, природа, гдѣ твой, скажи, законъ?
Съ полуночныхъ странъ вдругъ встаетъ заря.
Или солнце тамъ ставитъ свой престолъ?
Или вѣчный ледъ морей вспыхнулъ вдругъ?
Вотъ холодный огнь покрываетъ насъ;
Вотъ на землю день всталъ средь полночи!
Вы, которыхъ взоръ книгу дивную
Непостижныхъ правъ проницаетъ въ глубь,
Вы, которымъ знакъ незамѣтный намъ
Раскрываетъ вдругъ естества уставъ!
Вамъ извѣстенъ путь всѣхъ планетъ, всѣхъ звѣздъ:
Такъ скажите намъ, что смущаетъ насъ?
Что сей зыблетъ лучъ ясный въ полночи?

Что сей мещетъ огнь въ твердь небесную?
Какъ вдругъ молнія отъ земли въ зенитъ,
Безъ громовыхъ тучъ, безъ грозы, летитъ?
И какъ можетъ быть, чтобы мерзлый паръ
Среди хладныхъ зимъ порождалъ пожаръ?
Или споритъ тамъ жирна мгла съ водой?
Или солнца лучъ квозь туманъ густой,
Преломившись, къ намъ наклоняется?
Или тучныхъ горъ тамъ верхи горятъ?
Или въ море дуть пересталъ зефиръ,
И бьютъ волны вверхъ изъ морей въ эѳиръ?..
Если вашъ отвѣтъ столь сомнѣній полнъ
И о томъ, что близъ почти вашихъ глазъ;
Такъ скажите жъ намъ: какъ пространенъ свѣтъ?
И что кроется выше дальнихъ звѣздъ?
Коль невѣдомъ вамъ край творенія,
Разскажите намъ, какъ великъ Творецъ.

К—въ.

Русская пѣсня.

Во широкой степи
На раздольныхъ поляхъ
Много дивныхъ цвѣтовъ
Расцвѣтаютъ весной.
Но они не плѣнятъ
Меня чудной красой;
Ихъ не буду я рвать
И не стану сбирать.
Мнѣ вѣнки для дружка
Ужъ изъ нихъ не свивать!
Тѣ и дни протекли,
Какъ искала я ихъ,
И то время давно
Огнемъ будто сожгло.
Вы цвѣтите жъ, цвѣты,
Во широкой степи!
У меня жъ въ дни весны
Сердце вянетъ въ груди!..

Русская простонародная пѣсня.

Ахъ, не сонъ клонитъ
Буйну голову
На широку грудь
Молодецкую;
А клонитъ ее
Печаль горькая
Съ думой черною —
Неразлучною!
Зла кручинушка
Лежитъ на сердцѣ,
Какъ змѣя его
День и ночь сосетъ;
Твердитъ молодцу
Про измѣнницу,
Ненаглядную
Красну дѣвицу...
Кудри русые,
Въ кольцо свитые,
Со печали той —
Будто въ непогодь —
Разсыпаются,
Развиваются.
Лицо молодца
Вянетъ розово;
По немъ смертная
Блѣдность стелется:
Что́ съ другимъ она
Дѣлитъ радости,

А ему посмерть
Сулитъ горести.
Вольно жъ молодцу
Разудалому
Печаль горькую
Таить на сердцѣ;
Но нѣтъ силъ въ душѣ
Разлюбить ее.

Малороссійская пѣсня.

Голубонько, доню!
Чому ты не любишь
Мене, казаченька,
Мене, молодого?
Хиба жъ ты иного
Вже парубка маешь;
Хиба жъ ты другого,
Серденько, бажаешь?
Иль чимъ, мое серце,
Тобѣ не влюбився?
Хиба моя бидность
Тобѣ такъ лякае?
Голубонько, доню!
Я божавъ, кохавъ бы
Тебе дужче того,
Що въ золоти ходить.

* * *

Хмуритъ брови сине небо,
Идутъ съ неба тучи.
Вы гдѣ, тучи, воду брали?
Куда понесете?
Не тоска ли въ васъ чернѣетъ
Мутными волнами?
Вы не слезы ль собирали
Для дождей, для града?
Вы не брали ль съ буйнымъ вѣтромъ
Вздохи изъ Украйны?
Выше, выше подымитесь:
Гулъ вашъ не привѣтенъ!
Мчися, вѣтеръ, лугомъ, лѣсомъ,
Несись черезъ поле!
Свѣй ты съ сердца думу-горе,
Свѣй кручину злую.

* * *

Когда моей подруги взоръ
Мнѣ явно высказалъ презрѣнье,
Другого счастье, мой позоръ
И клятвъ святѣйшихъ нарушенье:
Тогда кольцо ея разсѣкъ
Булатомъ горскаго кинжала,
И жизнь свою на месть обрекъ,
И злоба мнѣ подруга стала!
Я все къ себѣ на помощь звалъ
Свинецъ и ядъ и ухищренья,
И сердце силой заставлялъ
Одѣться въ броню озлобленья,—
Чтобъ сожалѣнье и любовь
Къ нему ужъ не были доступны,
Чтобъ ему пищей были кровь
И пагуба клятвопреступной.
Молилъ я солнце, чтобъ оно
Свои лучи на грудь невѣрной,
Какъ лаву жгучую, лило
И выжгло бъ сердце лицемѣрной.
Молилъ я ночь, чтобы она
Къ ея очамъ не допускала
Отрады сладостнаго сна—
И горькихъ слезъ съ нихъ не стирала.
Неслись ли тучи,—ихъ молилъ,
Чтобъ мракомъ жизнь ея покрыли;
Гремѣли ль громы—ихъ просилъ,
Чтобы измѣнницу сразили.

Но съ той поры, какъ вѣсть пришла,
Что на землѣ ея не стало, —
Какъ дуновенье отъ стекла,
Отъ сердца жажда мстить отстала.

*
* *

Дюканжъ! ты чародѣй и милый и ужасный.
Твой Жоржъ, игрокъ несчастный,
Твоя Амалія, твой Варнеръ — стоятъ слезъ!
Но неужель артистамъ въ честь ни слова?
Я былъ обвороженъ игрою Соколова:
Я видѣлъ Жоржа въ немъ — и жалъ меня морозъ
И сердце обмирало.
Я бъ сплелъ для той вѣнокъ изъ розъ...
Ахъ, нѣтъ! для ней и двухъ лавровыхъ мало,—
Кто не Амаліей, а ангеломъ тамъ былъ.
Но кто, но кто изобразилъ
Злодѣя Варнера, — онъ, онъ меня смутилъ.
Я вѣрить не хотѣлъ, что это лишь притворство...
Такія мины, видъ, ехидность и проворство...
Неподражаемый, ты всѣхъ взбѣсилъ.
Я въ ярости на Варнера забылъ,
Что ты Канищевъ самъ!
Ты перешелъ границы похваламъ, —
И, наконецъ, тебя бранили!
Но я люблю сей блескъ таланта;
Назло злодѣевъ ты играй
И омерзѣніе къ злодѣйству всѣмъ внушай,
Лишь самъ противу зла будь тверже адаманта.

Старый казакъ.

Зачѣмъ такъ скоро скрылась ты
Казачья юность удалая?
О, жизнь залетная, драгая,
Гдѣ ты теперь, гдѣ ты?
Бывало, смѣлая рука
Сверкнуть булатомъ не робѣла,
И въ буйной груди казака
Отрага буйная горѣла
Неугасаемымъ огнемъ.
Безъ страха, робости, съ мечомъ,
Я въ огнь и въ полымя бросался,
Съ отрядомъ цѣлымъ я встрѣчался,
Нещадно всѣхъ рубилъ, кололъ,
Для всѣхъ съ собою смерть я велъ.
Бывало, чуждыя дружины
Едва лицо мое зазрятъ,—
Уже валятся рядъ на рядъ
На лоно стонущей долины.
Теперь ужъ нѣтъ могучихъ силъ!
Осьмой десятокъ мнѣ пробилъ.
Въ мой уголъ старость заглянула
И слабость принесла съ собой.
Теперь трепещущей рукою,
Я смерть лѣниво отгоняю
И умереть скорѣй желаю.
Какъ послѣ сѣчи, послѣ драки,
Бывало, ждалъ донецъ вѣнца,
Такъ нынѣ въ куренѣ бурлака
Онъ ждетъ послѣдняго конца.

Ахъ! лучше бъ съ именемъ
героя
Въ дыму, въ огнѣ, средь пуль
и боя,
Врагу насунуться на мечъ,
И на долинѣ чести лечь,
Чѣмъ здѣсь въ безвѣстности
постылой
Томиться надъ своей могилой.

Пѣсня.

Не булатный ножъ
Рѣжетъ грудь мою,
Не змѣя грызетъ
Ретивое въ ней:
Забралась туда
Лиходѣйка-грусть,
Сосетъ бѣлу грудь,
Рветъ сердечушко.
Не колдунъ-злодѣй
Наговорами
Въ грудь загналъ ко мнѣ
Ненасытную,
Занеслась она
Съ злою вѣсточкой,
Что дружочекъ мой
Разлюбилъ меня, —
И кольцомъ моимъ
Съ другой дѣвицей
Во чужомъ краю
Обручился онъ!
Сохни, бѣла грудь,
Рвись, сердечушко,
Отпади, коса
Моя черная!
Не могилѣ ты
Въ даръ достанешься:
Завѣщаю я
Родной матушкѣ
Отослать къ дружку
На пиръ свадебный,
Какъ подарокъ мой,
Косу черную.

Пѣсня русская.

Эхъ, не во-время
Тучи мрачныя
По поднебесью
Разостлалися,
Солнца яснаго
Лучи красные
Потонули въ нихъ
Среди бѣла дня.
Не въ пору завылъ
Вѣтеръ по бору:
Пѣть бы, пѣть теперь
Соловью въ лѣсу!
Эхъ, не во-время
Вспало горюшко
Въ молодую грудь
Добра молодца, —
Изсосало въ ней
Ретиво сердце,
Загубило въ немъ
Жизнь цвѣтущую.
Что жъ за горюшко,
За кручинушка
Рано съ молодцемъ
Подружилася?
Други милые!
Со мной дѣвица
Золотымъ кольцомъ
Помѣнялася,
И любить повѣкъ
Слово молвила, —
А теперь съ другимъ
Обвѣнчалася.
Вы отдайте жъ ей
Золото кольцо;
Слово жъ данное
Пусть ей Богъ отдастъ.
Безъ меня она
Пусть въ добрѣ живетъ,
Безъ нея же я
Лягу въ тѣсный гробъ.

Утѣшеніе.

Не тоскуй,
Не горюй,
Душа-дѣвица;
Изъ очей
Слезъ не лей
На грудь бѣлую.
Все пройдетъ,
Другъ придетъ
Вновь съ любовію,
Обойметъ
И прижметъ
Къ груди пламенной.
Не брани,
Не кори
Добра молодца!
Не гнѣвись,
Помирись,
Забудь прошлое,
Не отъ зла —
Отъ любви
Откровененъ онъ.
Улыбнись
И взгляни
Взоромъ ласковымъ,
Ему вновь
Протяни
Ручку нѣжную
И скажи
Отъ души:
Другъ! я счастлива...

Баяну.

Не играй, молодецъ,
Мой домашній пѣвецъ,
Въ гусли звонкія!
Пѣсни теплой души
Прячь въ завѣтной глуши
Отъ глазъ зависти!
Прежде время они
Сократятъ твои дни—
Дни веселые,
Звонки гусли сожгутъ,
Пѣсни всѣ раскрадутъ,
Пустятъ по-вѣтру...
И твоимъ же добромъ
Въ хороводѣ людскомъ
Будутъ хвастаться...
Итакъ, лучше иди
Да погодушки жди
Съ моря синяго!
Закипитъ въ немъ вода —
И съ песчанаго дна
Всплыветъ счастіе.
Ты къ себѣ примани,
У гуслей пріюти
Этотъ перлъ дорогой!
Веселѣй и чуднѣй
И для многихъ слышнѣй
Заиграешь тогда.

Измѣна.

Цвѣлъ цвѣтокъ лазоревый —
Да поблекнулъ;
Любилъ меня милый другъ —
Да покинулъ.
Какъ цвѣтку отжившему
Не цвѣсть лѣтомъ,
Такъ и другу милому
Не знать счастья.
Зимой снѣги бѣлые
Цвѣтъ засыплютъ;
Весной ручьи быстрые
Цвѣтникъ смоютъ...
Такъ и милъ-сердечный другъ
Съ злой кручины,
Боясь чистой совѣсти,
Уйдетъ въ землю.
Я приду съ кручиною
На могилку
Милаго, желаннаго —
И поплачу;
За него съ усердіемъ
Помолюся,
И, простивъ обманъ его,
Распрощуся.

Пѣсня.

Вянетъ травка осенью
И желтѣетъ;
Сохнетъ съ грусти молодецъ—
И старѣетъ.
Гдѣ та удаль буйная,
Что бывала?
Гдѣ та рѣчь разгульная,
Что звучала?
Гдѣ тѣ кудри русые,
Что вилися?
Гдѣ тѣ взоры пылкіе,
Что такъ жглися?
Ахъ! тѣ кудри русые
Посѣдѣли;
Очи соколиныя
Потускнѣли;
Сердце молодецкое
Присмирѣло,—
Все, все въ добромъ молодцѣ
Устарѣло.

Пѣсня.

Пламенѣя, горя,
Золотая заря
Занимается...
Чрезъ сосновый лѣсокъ,
Чуть шумя, вѣтерокъ
Пробирается...
Видно, душно ему
Стало въ темномъ лѣсу
И нерадостно?
Захотѣлося, знать,
Полетать, погулять
По раздолію?..

. . . . . .

Вотъ прошелъ вѣтерокъ,
Чуть шумя, чрезъ лѣсокъ—
Да какъ кинется!
И завылъ, загудѣлъ,
Черезъ степь полетѣлъ
Буйно, весело!
По дорогѣ поднялъ
Пыль столбомъ, взволновалъ
Ковыль бѣлую,—
Налетѣлъ, подхватилъ
И чрезъ степь покатилъ
Травку бѣдную!

. . . . . .

Не хвались ты собой,
Вѣтерокъ удалой,
И не важничай!
Я сейчасъ же сломлю
Прыть младую твою...

. . . . . .

На коня лишь вскочу,
За тобой полечу
Буйной удалью,
Какъ мигнуть, нагоню...
Берегись, раздавлю
Твою волюшку;
Разорву я тебя
Полной грудью коня
На двѣ стороны!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ	V

Пѣсни.

1827.	Если встрѣчусь съ тобой	1
1828.	Размолвка	2
	Очи, очи голубыя	—
1829.	Я былъ у ней	3
	Теремъ	4
	Люди добрые, скажите	5
	По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ	6
	Увижу ль я дѣвушку	7
	Пѣснь русалки	8
1830.	Кольцо	9
	Совѣтъ старца	10
	Пѣсня старика	12
	Крестьянская пирушка	—
	Утративъ то, что прежде было	14
	На что ты, сердце нѣжное	15
1831.	Пѣсня пахаря	16
1832.	Домъ лѣсника	17
	Размышленіе поселянина	18
	Ты не пой, соловей	20
1833.	Удалецъ	21
1834.	Не шуми ты, рожь	22
1835.	Урожай	23
	Глаза	28
1836.	Молодая жница	30
	Косарь	31
	Женитьба Павла	34
	Перстенечекъ золотой	36
1837.	Раздумье селянина	37
	Лѣсъ	38
	Горькая доля	40
	Первая пѣсня Лихача Кудрявича	41
	Вторая пѣсня Лихача Кудрявича	43
	Ура	45
	Два прощанія	46
	Пора любви	49
1838.	Измѣна суженой	51
	Ахъ, зачѣмъ меня	52
	Послѣдній поцѣлуй	53
	Деревенская бѣда	54
	Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ	57
	Пѣсня разбойника	—
	Бѣгство	58
	Товарищу	61
1839.	Путь	62
	Въ непогоду вѣтеръ	63
	Тоска по волѣ	64
	Хуторокъ	65
	Что ты спишь, мужичокъ	69
	Говорилъ мой другъ, прощаючись	72
	Безъ ума, безъ разума	74
1840.	Свѣтитъ солнышко	75
	Дума сокола	76
	Не скажу никому	77
	Такъ и рвется душа	—
	Разлука	78
	Не на радость, не на счастье	79
	Перепутье	80
	Дуютъ вѣтры	81
	Военная пѣсня	—
	Всякому свой талантъ	82
	Гдѣ вы, дни мои	83
	Многое есть у меня	—
	Грусть дѣвушки	84
	Расчетъ съ жизнію	—
	Ночь	85
1841.	Ты прости-прощай	86
	Не весна тогда	—
	Разступитесь, лѣса темные	87
	Старая пѣсня	88
	Доля бѣдняка	89
	Какъ здоровъ да молодъ	—
	Еще старая пѣсня	—
	Я любила его	90
1842.	Нынче ночью къ себѣ	91
	Что онъ ходитъ за мной	92

Думы.

1833.	Великая тайна	93
1836.	Божій міръ	94
	Неразгаданная истина	—
	Человѣкъ	95
	Великое слово	96
	Умолкшій поэтъ	97
	√Могила	98
	Молитва	99
1837.	Двѣ жизни	100
	Человѣческая мудрость	101
	√Вопросъ	102
1839.	Царство мысли	103
	Лѣсъ	104
	Передъ образомъ Спасителя	106
1840.	Дума двѣнадцатая	107
	Поэтъ	—
1841.	Жизнь	108
	Князю П. А. Вяземскому	109

Стр.

Дополненія.

1825. Сирота. 110
1826. Ровеснику 111
1827. Посланіе Якову Яковлевичу Переяславцеву . . 112
1828. Путникъ. 113
Красавицѣ. 114
Осень 116
Ночлегъ чумаковъ 117
Прямое счастье (1827 г.) . . 118
Спящему младенцу 119
Посланіе молодой вдовѣ. . . 120
1829. Отвѣтъ на вопросъ о моей жизни. 121
Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный 122
Мщеніе . . . . . —
Маленькому брату 123
Письмо къ Д. А. Кашкину . 124
А. П. Серебрянскому . . . 125
Сестрѣ 126
Приди ко мнѣ. 127
Разувѣреніе 128
1830. Молодой четѣ. 129
О, не кажи улыбки страстной 130
Къ другу. . . . . —
Къ ней. 131
Посланіе. 132
Элегія. 133
Къ Ж. 134
Первая любовь 135
Вечеръ. 136
Земное счастіе. 138
Мука. 139
Сирота 140
Вздохъ на могилѣ Веневитинова 141
Къ рѣкѣ Гайдари 142
Веселый часъ 143
Что значу я? 144
Утѣшеніе 145
Утѣшеніе . . . . . —
1831. Мой другъ, мой ангелъ милый 146
Соловей. 147
Наяда. . . . . —
1832. Изступленіе 151
1833. Поэтъ и няня 152
1836. Цвѣтокъ. 153
1838. Къ милой 154
Примиреніе 155
Міръ музыки. 157
Послѣдняя борьба 158
Бѣдный призракъ 159

Стр.

1839. Я дома. 160
Къ***. 161
Не разливай волшебныхъ звуковъ 162
Посланіе. . . . . —
1840. Вопль страданья. 164
Благодѣтелю моей родины. . —
Поминки 166
1841. Звѣзда. 167
1842. На новый 1842 годъ . . . . —

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. Первоначальные опыты и наброски Кольцова.

Пѣснь утру. 169
Первый шагъ любви . . . . —
Пьянюгину . . . . . —
Простодушіе сосѣда . . . —
Ирисѣ. . . . . —
Семинаристу, писавшему эпиграмму 170
Отцвѣтшая краса . . . . . —
Сонъ . . . . . —
Посланіе къ Е. Г. О. . . . —
Акростихъ. 171
Тоска о милой. . . . . —
Рыцарь . . . . . —
Уныніе 172
Плачъ. . . . . —
На отъѣздъ Д. А. Кашкина въ Одессу . . . . . —
Къ М... 173
(Къ А. Д. Вельяминову.) . . —
Къ М... 174
Къ подругѣ моей юности . . —
Повѣсть моей любви. . . . —
Мѣщанская любовь 175
Эпитафія 176

2. Стихотворенія, приписываемыя Кольцову.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величіи, соч. Ломоносова, переложенное въ русскій размѣръ. . . 176
Русская пѣсня. 17
Русская простонародн. пѣсня —
Малороссійская пѣсня . . . 1 3
Старый казакъ 1 9
Не булатный ножъ 1
Пѣсня русская . . . . . .
Утѣшеніе 181
Баяну. . . . . —
Измѣна . . . . . —
Вянетъ травка осенью . . . 182
Пламенѣя, горя. . . . . —

487466
LR
K8173M
Kol'tsov, Aleksyei Vasil'evich
Полное собраніе стихотвореній ... сост.
Н.А.Макшеевой.
[Translit: Polnoe sobranie stikhotvoreny ;...
N.A.Maksheevoi
NAME OF BORROWER.
University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET